A1 7/102 m. 2

A 17/102

А 1 Е 102

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЛАТОНА

Митрополита Московскаго.

Книга 7.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

А 1 7/102

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПЛАТОНА

(ЛЕВШИНА)

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Томъ II.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 725
14 - II 1921 г.

Сокращеніе Россійской церковной исторіи *).

ГЛАВА I.

Россія, какъ и всѣ страны вселенной, находилась во тьмѣ идолослуженія, доколѣ не возсіялъ спасительный свѣтъ Евангелія, и не разогналъ сей глубокій и погибельный мракъ.

Въ Россіи до христіанства, въ чемъ именно состояло идолопоклонство, то есть: какіе были существенные служенія того догматы, какіе обряды, какія жертвы, какіе боги, и какое каждому мнимому богу приписываемо было прямое свойство или сила, какіе уставленные были

*) Достопримѣчательны заключительныя слова предисловія къ „Церковной Россійской Исторіи“ митроп. Платона, дышащія глубокою любовію къ духовному юношеству, на благо коего великій святитель издержалъ такъ много своихъ силъ и средствъ. „Не остается мнѣ болѣе,—раскрываетъ митропол. Платонъ свои завѣтныя думы,—какъ жить и молить Бога, чтобы сія издаваемая мною Исторія послужила къ пользѣ и наставленію юношества, въ духовныхъ училищахъ нашихъ обучаемаго, дабы они, подражая древнимъ духовнымъ святымъ мужамъ, не столь, по Апостолу, „въ наученія странна и различна прилагалися, сколь добродѣтелію и благодатію утверждали бы сердца свои“.

Черты личности митроп. Платона, выступающія въ его „Россійской Церковной Исторіи“,—кратко, но ярко отмѣтилъ, между прочимъ, И. И. Тургеневъ, въ своемъ письмѣ къ преосвящен. Августину: „Я,—говоритъ Тургеневъ,—ее (Церковн. Исторію митроп. Платона) не читалъ, а проглотилъ: радовался, видя пастыря, совсѣмъ удаленнаго отъ духа, многимъ духовнымъ начальникамъ приписываемаго; видѣлъ философа, безпристрастнаго и истину сердечно любящаго и выставляющаго ее весьма искусно: видѣлъ богослова, крѣпкаго и духомъ благочестія водимаго, но неумолимо, однако же, гремящаго противъ заклятыхъ враговъ Христовыхъ, а притомъ и не скрывающаго слабостей и пороковъ своихъ благочестивыхъ архіереевъ; видѣлъ сына церкви и отечества усерднаго и воздыхающаго о нестроеніи и той и другого. Но сочинитель выше моея похвалы. Мнѣ остается со всѣми любителями отечественной исторіи его всеусердно благодарить за пастырское попеченіе о просвѣщеніи людей и что такъ уже въ немолодыхъ лѣтахъ предпріялъ и совершилъ таковый трудъ, о коемъ другой, можетъ быть, и не думалъ, или только что поговорилъ“ (“Христіанинъ“ 1907 г. № 11).

дни для празднованія имъ, и какимъ образомъ они были отправляемы, и о прочемъ, до тогдашняго богослуженія принадлежащемъ,—въ точности опредѣлить трудно, или и невозможно.

Ибо мы не имѣемъ никакихъ книгъ тѣхъ временъ, въ коихъ бы все то содержалось и было бы объяснено. Да едва ли еще грамота и письмо были въ употребленіи. Понеже никакихъ мы не имѣемъ древнихъ на нашемъ языкѣ книгъ, кромѣ перваго лѣтописца Нестора, который, извѣстно, писалъ свою лѣтопись уже по воспріятіи христіанства и по крещеніи Россіи Владиміромъ; и Владиміръ, кажется, первый, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, ввелъ въ Россію въ общее употребленіе грамоту и письмо, взявъ оную изъ другихъ Славянскихъ странъ, какъ-то изъ Болгаріи и изъ Моравіи, гдѣ уже Славянская грамота, и книги Славянскія, особливо церковныя, были въ употребленіи; поелику Моравскіе учители, Меѳодій и Константинъ, или Кириллъ, изобрѣли азбуку Славянскую, а чрезъ то преподали Славянскимъ народамъ грамоту и письмо.

И хотя нѣкоторые наши повѣствователи пишутъ, что яко бы и гораздо прежде сего времени была грамота на Руси, но не только не представляютъ никакихъ, хотя малѣйшихъ, грамоты русской письменныхъ остатковъ; но даже признаются сами, что какія были той грамоты буквы, того не вѣдаютъ. Говоритъ одинъ писатель наугадъ, что русскіе имѣли письмена. Когда? Отъ неудобь вѣдомыхъ вѣковъ. Какія письмена?.. не извѣстно; такъ говорить, есть—не доказывать ничего. Что же прежде Владиміра поминаются договоры Россійскихъ князей съ греками; а сіе предполагаетъ, что уже въ Россіи грамота была, и то никакъ не удивительно, ибо въ Болгаріи и Моравіи была уже грамота славянская, слишкомъ за сто лѣтъ до крещенія Владимірова, то, безъ сомнѣнія, можно заключить, что сія грамота въ чтеніи и писаніи была не безъизвѣстна нѣкоторымъ изъ русскихъ.

Итакъ, не имѣя письменнаго доказательства о бывшемъ въ Россіи идолопоклонническомъ богослуженіи, мы можемъ только то извѣстно утвердить, что многіе боги почитаемы были подъ видомъ идоловъ, сдѣланныхъ изъ камня, или дерева, или другихъ металловъ, и вѣрили, что каждый изъ нихъ особое имѣетъ свойство и силу, такъ какъ мрачное понятіе всякаго научало, или слѣдовали въ томъ прежнему древнему преданію и обыкновенію, безъ всякаго изслѣдованія. А чтобы они возносились выше чувствъ, и представляли себѣ боговъ духами невещественными, несозданными и безсмертными; а идоловъ одними только ихъ видимыми изображеніями,—сіе утверждать трудно, да и невѣроятно, по тогдашнему крайнему непросвѣщенію и грубости. Потому же сомнительно утверждать, чтобы они имѣли прямое о безсмертіи души поня-

тіе, развѣ нѣкоторое смутное и недостаточное. Слѣдовательно—въ моленіяхъ и жертвахъ не просили они у своихъ боговъ ничего, развѣ благъ временныхъ, до выгодъ сей жизни принадлежащихъ, какъ то: здравія, изобилія, побѣды на враговъ и прочаго подобнаго; или избавленія отъ несчастій, какъ-то: отъ болѣзней, отъ неурожая, отъ язвы, отъ нашествія непріятелей и прочаго такового.

Какіе были различные боги по именамъ мужескаго и женскаго пола, и какіе нѣкоторымъ изъ нихъ приписываемы были свойства; сіе видѣть можно изъ Нестора и другихъ лѣтописцевъ Россійскихъ.

Но главный богъ именовался „Перунъ“, котораго можно сравнить съ Греческимъ Зевсомъ и съ Римскимъ Юпитеромъ. Ибо какъ у Грековъ и у Римлянъ, Зевсъ и Юпитеръ изображаемъ былъ съ поражающею громовою стрѣлою; такъ былъ изображаемъ и Перунъ. Да и слово „Перунъ“ по-славянски означаетъ попирающаго, поражающаго. Но и вообще имя „Богъ“, по всей вѣроятности, происходитъ отъ слова „бой“; а бой происходитъ отъ „бію, поражаю“. И сіе понятіе о Богѣ есть свойственно почти всѣмъ народамъ, которые всегда Бога представляли, какъ всесильнаго, какъ могущаго страшными казнями и сотрясеніями карать всѣхъ человѣковъ и всѣ твари; силу чего, кромѣ прочихъ многихъ превращеній въ природѣ, наипаче всего усматривали въ страшныхъ и поразительныхъ громахъ и молніяхъ, почти всѣ земныя стихіи колеблющихъ.

Въ семъ же самомъ и христіанское Богословіе находитъ самую естественную причину. Ибо человѣкъ, по развращенной своей природѣ, по многимъ порокамъ и беззаконіямъ, всегда себя чувствовалъ въ совѣсти виновнымъ предъ Богомъ, и заслуживающимъ Его гнѣвъ. Почему при всякомъ случаѣ, особливо при страшномъ явленіи въ природѣ, боялся и трепеталъ, и ожидалъ за свои вины пораженія мстительной руки Вышняго. Отъ чего и родилось въ человѣкѣ таковое понятіе о Богѣ, а сходно съ симъ понятіемъ онъ Ему приписалъ и имя.

И сіе понятіе въ человѣкѣ, ежели онъ не христіанинъ, и быть должно непремѣнно: ибо онъ—преступникъ и, по Апостольскому слову, „по естеству сынъ гнѣва“, и состоитъ подъ проклятіемъ закона, какъ неисполнитель онаго. Но благодать Евангелія сіе и понятіе и именованіе перемѣняетъ. Ибо она освобождаетъ отъ гнѣва Божія чрезъ искупленіе Іисуса Христа, и велитъ христіанину представлять Бога подъ понятіемъ „Отца милосердаго и Избавителя“. И для того-то Спаситель изрекъ: „явихъ имя Твое человѣкомъ“.

Перуну и другимъ богамъ приносимы были жертвы, конечно, изъ животныхъ и изъ другихъ плодовъ и произращеній; но изъ какихъ именно и съ какими обрядами—неизвѣстно.

Къ посрамленію человѣческаго рода, и къ доказательству развращенія его, приносимы были Русскими идолопоклонниками жертвы и человѣческія; какъ то видно изъ Нестора, что при походѣ Владиміровомъ на войну, требовали одного молодого человѣка, христіанина, на закланіе богамъ. Но сіе, кажется, было весьма рѣдко, и при какихъ-либо чрезвычайныхъ случаяхъ. Ибо во всѣхъ Лѣтописцахъ объ одномъ только семъ случаѣ упоминается.

Сколь таковое заблужденіе ни есть велико, но, вмѣстѣ, оно доказывало великую набожность сихъ заблуждающихся людей, и что они весьма сильно чувствовали въ душѣ, что надлежитъ всякимъ образомъ умилостивлять Бога, и что они во всемъ предъ Нимъ виновны.

Примѣчанія достойно, что на Руси едва ли были „храмы и жрецы“. Лѣтописцы пишутъ, что Перуновъ идолъ стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ; тотъ же Перунъ въ Новгородѣ, на берегу рѣки Волхова, въ Ростовѣ богъ Велесъ или Волоссъ, на полѣ; и нигдѣ въ Лѣтописцахъ нашихъ ни о храмахъ, ни о жрецахъ не упоминается. И кажется никакъ бы нельзя оставить, чтобы гдѣ нибудь Лѣтописцамъ не помянуть, что при введеніи христіанства храмы ихъ разрушены, или на церкви премѣнены; такъ, какъ въ исторіяхъ другихъ народовъ обыкновенно о семъ упоминается, особливо, когда повѣствуютъ о разрушеніи идоловъ; какъ же миновать, чтобы объ ихъ храмахъ ничего не воспомянуть, если бы они были? Поминается, что при разрушеніи идоловъ истребляемы были и „требища“; но требища не суть храмы, или капища; а жертвенники, или особо устроенныя открытыя мѣста, на коихъ жертвы приносимы были *). Да и никакихъ нигдѣ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ не найдено ни развалинъ, ни слѣдовъ, чтобы тамъ были когда-либо языческіе прежнихъ русскихъ храмы; хотя таковыя развалины во многихъ народахъ, гдѣ были храмы, и доселѣ видны.

По и о жрецахъ никакъ бы не могло быть опущено, чтобы объ нихъ не помянуть гдѣ-нибудь; особливо, что ежели кому, то жрецамъ должно было быть весьма прискорбно разрушеніе идолопоклонства и ихъ прежняго служенія и состоянія. И, конечно бы не оставлено было сказать, что они о томъ или негодовали, или противились, или какія пред-

*) Требы по славянски суть жертвы, а требища суть жертвенники. И въ книгѣ Маккав. въ I главѣ, ст. 47, по славянски требища, а по гречески βωμὸς, то есть жертвенникъ. А что Апостолъ Павелъ (I Кор. глав. 8. ст. 10) написалъ о христіанинѣ, въ требищѣ возлежащемъ, чрезъ сіе требище должно разумѣть то мѣсто, гдѣ предъ храмомъ жертвы были закалаемы, и кровь изливаема, и гдѣ оныя жертвы сожигали; и въ томъ же мѣстѣ около жертвенника пировали язычники, яля идоложертвенныя мяса, и сіе мѣсто предъ храмомъ и предъ поставленными идолами бывшее, и чѣмъ-либо огражденное, или и покрытое, называлось εἰδῶλεῖον.

ставленія дѣлали, или при отправленіи жертвъ дѣйствовали. Но всего того ни въ какой нашей лѣтописи не примѣтно. Требовали, напримѣръ, христіанина на закланіе богамъ: сіе бы весьма могло приствено быть жрецамъ, по ненависти ихъ и злобѣ къ христіанству; но сего нѣтъ. А сказано въ Несторѣ, что сего требовали „старцы“, то-есть, старѣйшины и „Князи и народъ“. Изъ сего можно заключить, что всякъ могъ жертву приносить идоламъ, на мѣстахъ стоящимъ, когда бы по какимъ либо случаямъ заблагоразсудилъ. А потому едва ли были какіе либо уставленные для празднованія дни, или для жертвоприношенія обряды. Всякъ, какъ хотѣлъ, и когда хотѣлъ, приносилъ жертву, и правиломъ служило обыкновеніе *).

Если сіе правда, что на Руси ни храмовъ, ни жрецовъ не было, какъ то безъ дальняго сомнѣнія утверждать слѣдуетъ, то сіе можетъ почесться весьма примѣтнымъ знакомъ русскаго народа, отличающимъ его отъ всѣхъ почти другихъ народовъ. Извѣстно, какіе были у грековъ и у египтянъ и у другихъ великолѣпные храмы, какіе пышные обряды, какое множество жрецовъ, и какое ихъ между собою по степенямъ и достоинствамъ различіе. Даже у дикихъ американскихъ народовъ найдены и храмы и жрецы.

Сіе особенное русскаго народа свойство чему приписать? Особенному ли просвѣщенію, что они почли обиднымъ для боговъ, чтобы ихъ въ храмахъ, какъ въ темницѣ, заключать, а служить имъ на открытомъ воздухѣ, и всякому почитать себя жрецомъ боговъ, или крайнему невѣжеству и дикости? О семъ предоставлю разсуждать другимъ.

---

*) Изъ новыхъ писателей одинъ, въ опытѣ повѣствованія о Россіи выданномъ въ Москвѣ, въ 1803 годѣ, предпринимаетъ доказать, что былъ городъ близъ Новгорода „Холмоградъ“, гдѣ было капище и сборъ жрецовъ и прорицалище, „столь де славное во вселенной, какъ Дельфическое въ Греціи“. Но какъ самъ онъ ни мѣста не показываетъ, гдѣ точно былъ сей градъ, и все то, что онъ о семъ говоритъ, самъ относитъ ко времени баснословному; а другіе, какъ-то и Ломоносовъ, сей Холмоградъ почитаютъ Холмогорами (что и вѣроятно): то на такомъ баснословномъ повѣствованіи утвердиться было бы грѣшно. А что онъ же находитъ, что въ Лѣтописцахъ поминаются „вѣщуны“, коихъ вопрошали о волѣ боговъ; и сихъ вѣщуновъ почитаетъ жрецами, сіе также утверждать сомнительно. Ибо вѣщуны тѣ были не жрецы, но нѣкоторый родъ колдуновъ, или нынѣшнихъ Сибирскихъ Шамановъ, коимъ тогда, по невѣжеству и суевѣрію, вѣрили. Сей же писатель къ удивленію, даже догадками изъ пѣсенъ Русскихъ заключаетъ, что въ Новгородѣ опроверженію идоловъ противился какой-то первосвященникъ идольскій Богомилъ, который послѣ убѣгъ и сталъ разбойничать, и извѣстенъ въ пѣсняхъ подъ именемъ Соловья Разбойника. Сожалительно, что таковыми, отъ самопроизвольнаго и излишняго о себѣ мечтанія происшедшими выдумками, истина исторіи посрамляется.

ГЛАВА II.

Сказавъ кратко о тьмѣ идолопоклонства, бывшаго на Руси, теперь приступимъ къ свѣту Евангельской вѣры, возсіявшей въ отечествѣ нашемъ.

Несторъ пишетъ, что Святый Апостолъ Андрей приходилъ чрезъ Евксинское море и Днѣпръ въ Кіевѣ, и тамъ на горахъ поставилъ крестъ, прорекши, что тамъ имѣетъ быть христіанство; потомъ, тѣмъ же Днѣпромъ доплывъ того мѣста, гдѣ нынѣ Новгородъ, и удивился тамъ банямъ, въ конхъ люди моются, и бьютъ себя вѣтвями почти до изды-ханія и послѣ, облившись студеною водою, оживаютъ, и такимъ образомъ каждый день себя мучатъ добровольно. И оттуда пришедши въ Римъ, о семъ случаѣ разсказывалъ и привелъ римлянъ въ удивленіе.

Сія повѣсть Несторова и другихъ, кои съ него списывали, требуетъ особеннаго изслѣдованія: 1) Было ли въ Апостольскія времена обыкновеніе, чтобы ставить кресты на открытыхъ мѣстахъ, или гдѣ-нибудь? 2) Дабы Святому Андрею удивляться мытью въ баняхъ, а сіе почитать добровольнымъ мученіемъ, и какъ бы творимымъ каждый день, да и о семъ въ Римѣ сказывать, какъ о вещи удивительной, можетъ ли соглашено быть съ важностію и съ богодохновеннымъ Апостоловъ просвѣщеніемъ? 3) Откуда сію повѣсть Несторъ взялъ, о семъ никакого писателя древняго не привелъ. 4) Въ греческихъ лѣтописяхъ мы не обрѣли, чтобы о семъ, то-есть, о проповѣди Андреевой въ Россіи было поминаемо. Повѣствуютъ они, какъ-то, Евсевій и Епифаній и Дороѳей изъ древнѣйшихъ писателей, что Святый Андрей, кромѣ другихъ народовъ, обитающихъ въ Азіи и въ Греціи, проповѣдывалъ скиѳамъ. Но какіе именно были сіи скиѳы, и въ конхъ мѣстахъ, сіе требуетъ особливаго испытанія.

Но предположивъ и принявъ сіе древнее преданіе, не видно, чтобы съ сего времени проповѣди Андреевой христіанство въ Россіи началось. Ибо того не видимъ ни въ какихъ Лѣтописцахъ нашихъ. Конечно, можно утверждать, что нельзя, дабы проповѣдь Апостольская, во всѣхъ концахъ вселенныя провозглашенная, не достигла и Россіи, и чтобы не было и тогда въ Россіи нѣкоторыхъ богопросвѣщенныхъ христіанъ сокровенныхъ. Но сей слабый свѣтъ въ общей тьмѣ невѣжества и грубости удобно могъ погаснуть.

Когда бо́льшее стало россіянъ сообщеніе съ христіанами греками, или по торговлѣ, или по частымъ на Царьградъ россіянъ воеваніямъ, тогда не мало чрезъ то изъ россіянъ принимали христіанскую вѣру, еще гораздо прежде крещенія Святыя Ольги. Ибо Несторъ пишетъ,

что какіе были у россіянъ мирные договоры съ греками, еще при Олегѣ и при Игорѣ, въ тѣхъ договорахъ именно сказано, что россіяне, которые изъ нихъ крестились, присягали предъ честнымъ крестомъ, а некрещенные—Перуномъ. Изъ сего ясно видно, что уже между россіянами не мало христіанъ было, да и безъ сомнѣнія можно заключить, что они не тогда, то-есть, во время мирныхъ договоровъ, христіанами стали, но гораздо прежде за долгое время. Пишется въ Лѣтописцахъ, что Аскольдъ, державствовавшій въ Кіевѣ, и убитый Олегомъ, былъ христіанинъ, потому что, по сказанію Несторову, христіане поставили потомъ надъ его могилою Церковь Святаго Николая; сіе почитаю быть вѣроятнымъ. А потому сія Церковь христіанская, ежели была, то едва ли была не изъ первыхъ въ Россіи. И сію Церковь, хотя не нынѣшняго зданія, я самъ въ Кіевѣ видѣть имѣлъ случай, на горѣ, пониже Николаевскаго Пустыннаго монастыря, и мнѣ, соображая всѣ обстоятельства, показалось быть вѣроятнымъ.

ГЛАВА III.

По непостижимымъ Божіимъ судьбамъ, поздно посѣтилъ насъ Востокъ съ высоты. Не удостоилась Россія сей великой благодати, чтобы въ ней насаждена была вѣра Христова, непосредственно Божественными руками Апостольскими, и утвердилась въ ней такъ, какъ въ другихъ странахъ міра. Сіе было бы основаніе святое, и сѣмя ученія Евангельскаго непорочное и плодоносное. Понеже вѣра христіанская, Россію во время Владимірово просвѣтившая, уже достигла насъ въ концѣ десятаго вѣка, то-есть, тысячу лѣтъ послѣ пришествія Спасителева и проповѣди Апостольской. И хотя сія вѣра, отъ востока и отъ греческой Константинопольской Церкви намъ сообщенная, была вѣра православная, Евангельскому и Апостольскому ученію по существу своему сообразная, но чрезъ теченіе столь многихъ лѣтъ, послѣ многихъ и разныхъ въ Церкви бывшихъ раздоровъ, уже не столь была близка къ той простотѣ и чистотѣ, каковою благословлена была первенствующая Церковь Апостольская.

Но великое благодареніе обязана Россія Пастыреначальнику Христу, что не объялъ ее мракъ запада, то-есть, что не подверглась она игу западной римской церкви, гдѣ уже въ сіе время, по многимъ суевѣріямъ и присвоеніямъ папъ себѣ неограниченной власти, и по духу во всемъ мірскому, а не Евангельскому, все почти было превращено. Свободилъ насъ Господь отъ сихъ сѣтей, хотя западъ антихристовымъ усиліемъ всемѣрно тщался насъ себѣ покорить, какъ въ послѣдствіи сіе будетъ болѣе видимо.

Прежде крещенія Святыя Ольги помпнаются въ Лѣтописцахъ нашихъ разныя и въ разныя времена къ христіанской вѣрѣ обращенія славянскихъ народовъ, какъ-то: болгаръ, моравовъ и прочихъ; но мы будемъ держаться только того, что принадлежитъ славянскому россійскому народу.

Святая Ольга, жена Великаго Князя Игоря, а мать Великаго же Князя Святослава, бабка Святаго Владиміра, была жена великая и славная. Мужественныя и благоразумныя ея дѣла въ правленіи государственномъ принадлежатъ до свѣтской исторіи, въ которой они довольно и описаны. Имѣя природную остроту разума, и доброту сердца, находя между россіянами не малое число христіанъ и грековъ, отъ коихъ, конечно, довольное могла получить знаніе и наставленіе въ христіанской вѣрѣ, а паче, удостоившись просвѣщенія свыше отъ благодати Божіей, которая только коснулась ея сердца, что она всю славу міра сего почтя преходящею и исчезающею, возвысила свой умъ и духъ, чтобы достигнуть славы пребывающей и вѣчной, и рѣшилась напослѣдокъ принять христіанскую вѣру и святое крещеніе въ восточной Константинопольской церкви. Сіе славное и благословенное намѣреніе исполняя, Ольга отправилась въ Царьградъ, какъ столицу восточнаго благочестія, и, довольно бывъ наставлена въ тайнахъ вѣры Евангельской, крещена самимъ патріархомъ Константинопольскимъ, а воспріемникомъ былъ самъ греческій царь, и наречена во святомъ крещеніи Еленою, лѣта отъ Рождества Христова 955; кто же именно тогда былъ патріархъ и царь, оставляю испытанію другихъ. По крещеніи привѣтствовалъ ее патріархъ таковыми словами: „Благословенна ты въ женахъ россійскихъ, яко возлюбила еси свѣтъ, а тьму оставила! Благословляти тя имутъ сынове Русіи, и послѣдній родъ внукъ твоихъ!“ И потомъ довольное преподалъ ей поученіе о храненіи въ твердости святой вѣры и о житіи непорочномъ. Она же съ великимъ то принимала усердіемъ и вниманіемъ, яко „губы напоеваема“. Притомъ просила она патріарха, отъѣзжая въ отечество свое, да напутствуетъ ее своимъ благословеніемъ и наставленіемъ, говоря, что „людіе мои поганы и сынъ мой, дабы мя Богъ соблюлъ отъ всякаго зла“. И патріархъ напутствовалъ ее таковыми богодухновенными словами: „чадо вѣрное! во Христа крестилася еси и во Христа облеклася еси. Христосъ имать сохранити тя, якоже сохранилъ Еноха въ первыя рода, и потомъ Ноя въ ковчегѣ, Авраама отъ Авимелеха, Лота отъ содомлянъ, Моисея отъ Фараона, Давида отъ Саула, трехъ отроковъ пещи, Даніила отъ звѣрей; тако и тя избавитъ отъ непріязни и отъ сѣтей діавольскихъ“. Посемъ Ольга, бывъ напутствована дарами царя, пошла съ миромъ въ свою землю, взявъ отъ патріарха пресвитера для отправленія службы Божіей.

Прибывъ въ Кіевъ, святая Ольга всемѣрно склоняла сына своего Святослава, чтобы принялъ христіанскую вѣру, но на то никакъ онъ не согласился, представляя только, что якобы онъ чрезъ то себя подвергнетъ осмѣянію людей. Но видно, что были на то особыя судьбы Божіи. Однако Святославъ не возбранялъ никому креститься, кто хотѣлъ, но таковые крестившіеся подлежали общему всѣхъ непросвѣщенныхъ и грубыхъ людей ругательству.

Почему Ольга и принуждена была священника православнаго содержать, и службу Божію отправлять въ тайнѣ, дабы святыню соблюсти отъ посмѣянія безумныхъ людей.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе сему святому примѣру послѣдовали, и вѣру Евангельскую вкупѣ съ блаженною Ольгою хранили свято; поелику отъ Святослава и запрещенія на то не было.

Святая Ольга, остатокъ жизни препроводивъ во всякомъ благочестіи и добродѣтели, и предрекши, что земля русская помилована будетъ Богомъ, вложивъ имъ въ сердце обратиться къ Богу, какъ же и ей даровалъ, въ глубокой старости преставилась богоугодно, и погребена находящимся при ней пресвутеромъ по христіанскому обычаю съ общимъ всѣхъ и сына и внуковъ ея соболѣзнованіемъ и плачемъ, а потомъ митрополитомъ Кіевскимъ Леонтіемъ со всѣмъ священнымъ соборомъ, съ согласія внука ея Великаго Князя Владиміра, по воспріятіи имъ крещенія, причислена блаженная Ольга къ лику Святыхъ, дабы Церковь Христова всегда праздновала память ея.

Поистинѣ того она была достойна, была „предтеча христіанскія земли, начатокъ нашего познанія и примиренія съ Богомъ“. Предшествовала намъ, яко денница предъ солнцемъ, яко луна въ нощи: тако сія тогда въ невѣрныхъ человѣкахъ свѣтяшеся. Воспослѣдовавшаго потомъ общаго обращенія ко Христу россіянъ она должна почтена быть виновницею, ибо она во внука своего Владиміра вложила сѣмена благочестія.

Весьма бы желательно было, дабы при ней самой и отъ нея воспослѣдовало сіе общее крещеніе всѣхъ россіянъ. Ибо обращеніе ея ко Христу было весьма основательное, благонамѣренное, просвѣщенное, и съ правилами Евангелія весьма сходственное. Но иначе судилось Живущему на небесахъ и Устрояющему судьбы всѣхъ народовъ *).

---

*) Писатель опыта повѣствованія о Россіи, изданнаго въ Москвѣ въ 1803 году, какъ превращаетъ всѣхъ древнихъ лѣтописцевъ о дѣлахъ Княгини Ольги, сіе опровергнуть оставляю я безпристрастнымъ писателямъ гражданской исторіи.

ГЛАВА IV.

Владиміръ, и въ языческомъ находясь заблужденіи, былъ особенно набоженъ, больше всѣхъ бывшихъ до него князей Россійскихъ, какъ то видно изъ Лѣтописцевъ нашихъ. Ибо о немъ пишутъ, чего ни о комъ бывшемъ до него князѣ не помнятъ, что упражнялся въ приношеніи жертвы различнымъ богамъ, и устроилъ бога Перуна съ особливымъ украшеніемъ, и поставилъ его въ Кіевѣ на холмѣ; и такового же Перуна велѣлъ поставить дядѣ своему въ Новгородѣ на берегу рѣки Волхова, и ему тамъ жертвы приносить, и идучи въ походъ на непріятелей, тоже со всѣми людьми богамъ своимъ жертвовалъ; даже, по совѣту старѣйшинъ, согласился имъ принести въ жертву и человѣка.

Такова Владимірова набожность, хотя была заблуждающаяся и ослѣпленная; но доказывала особую къ богослуженію наклонность души его и усердіе, что непостижимый въ судьбахъ Своихъ Богъ не презрѣлъ, но премудростію Своею и злое обратилъ во благое. И се Божіе провидѣніе, всѣмъ спасенія желающее, подаетъ ему къ тому благой случай! — Конечно, разные народы, услышавъ о таковой Владимировой набожности, старались, дабы каждому народу привлечь его въ свою вѣру. Магометане склоняли къ своей, а жиды къ своей, не оставилъ же и папа къ своей его приклонять, но ни на которую изъ всѣхъ вѣръ Владиміръ не согласился, опровергая каждую изъ нихъ, безъ сомнѣнія, лучшими резонами, нежели какіе Лѣтописцы наши Владиміру во уста влагаютъ. Потомъ прислали и греки. Посланный отъ нихъ человѣкъ просвѣщенный, опровергнувъ всѣ преждесказанныя вѣры ясными доказательствами, и объяснивъ обстоятельно существо вѣры христіанской, напослѣдокъ помянулъ о судѣ Божіемъ и воздаяніи праведнымъ и грѣшникамъ. А чтобы сіе болѣе во Владимірѣ воздѣйствовало, мудрый проповѣдникъ внезапно открылъ и представилъ предъ очи Владиміру изображеніе страшнаго суда Христова, гдѣ живо и выразительно были представлены праведные, идущіе въ рай, а грѣшники—осужденные въ муку вѣчную. Это тронуло Владиміра до глубины души, и онъ, сознавая себя по совѣсти во многихъ порокахъ и беззаконіяхъ погрязшимъ, отъ всей души воздохнулъ и сказалъ: „добро симъ одесную, а симъ горе ошуюю грѣшникамъ“. И потомъ отпустилъ христіанскаго философа, одаривъ его и сказавъ, что не оставитъ прилежно взойти во испытаніе всѣхъ, прежде сказанныхъ вѣръ.

И самымъ дѣломъ безъ умедленія взошелъ въ сіе великое и важное изслѣдованіе. Не надѣясь на свой собственный разсудокъ въ таковой вещи, отъ которой зависѣло или вѣчное спасеніе, или вѣч-

ная погибель, созвалъ всѣхъ старѣйшинъ и вельможъ, кои просвѣщеніемъ и разсужденіемъ и важностію были другихъ отличнѣе, и предложилъ имъ обстоятельно, что приходили къ нему изъ разныхъ народовъ посланные, и каждый изъ нихъ, выхваляя свою вѣру, склонялъ его принять оную. Не забылъ Владиміръ сему собранію напомянуть, что нѣкоторые-де сказывали, что будетъ по смерти судъ, и вѣрующіе воскреснутъ, и вѣчно въ блаженствѣ будутъ жить, а не вѣрующіе осуждены будутъ горѣть въ огнѣ. Конечно, здѣсь Владиміръ разумѣлъ слова, кои слышалъ отъ греческаго проповѣдника. Столько-то онъ пораженъ былъ изображеніемъ на иконѣ страшнаго суда Христова!

Сіе предложивъ на ихъ разсужденіе, требовалъ отъ нихъ въ томъ мнѣнія и совѣта. Они по долгомъ и внимательномъ разсужденіи сказали, что никто своей вѣры не хулитъ, а всякъ свою хвалитъ, но видѣніе есть паче слуха. Почему надлежитъ избрать мужей благоразумныхъ, разсудительныхъ и честныхъ, и послать ихъ въ тѣ земли, откуда приходили помянутые посланные съ предложеніями о своихъ вѣрахъ, и имъ самимъ своими очами разсмотрѣть богослуженіе и обряды каждой вѣры, а паче испытать существенные ихъ вѣры догматы и правила жизни, и послѣ, что гдѣ усмотрятъ, донести. Къ сему общему сановитаго всѣхъ собранія мнѣнію и совѣту охотно приступилъ Владиміръ, и по общему-жъ совѣту избраны десять мудрыхъ и благоразсудительныхъ мужей, и посланы въ сіе великое и божественное посольство, коему въ исторіи другихъ народовъ едва ли можно примѣръ найти.

Здѣсь примѣтить надлежитъ, что въ семъ собраніи не поминается, чтобы были жрецы, которые, ежели бы при отправленіи языческаго русскаго идолослуженія находились, конечно, къ столь важному совѣту, гдѣ дѣло шло о перемѣнѣ вѣры, были бы приглашены; или бы не оставили гдѣ-нибудь Лѣтописцы напомянуть, что не разсуждено жрецовъ, какъ въ семъ дѣлѣ пристрастныхъ, пригласить; или что жрецы таковому столь для нихъ невыгодному предпріятію противились. Но о семъ никакого слѣда въ повѣстяхъ не находится.

Посланные избранные мужи въ самыхъ тѣхъ земляхъ богослуженіе каждой вѣры прилежно разсматривали, испытывали, во всякія подробности внимательно и любопытно вникали; и послѣ были въ Царьградѣ, и съ таковымъ же вниманіемъ и ревностію разсматривали богослуженіе и греческой вѣры. По возвращеніи донесли обстоятельно, что гдѣ видѣли, и ясными доказательствами опровергли каждой вѣры или безмѣстность, или къ истинѣ много примѣси суевѣрій и человѣческихъ мудрованій и хитростей. Но святую греческую вѣру до небесъ превознесли, и отправленіемъ ея служенія ея столь были поражены, что не знали, были ли они тогда на небеси, или на земли.

Выслушавъ сіе, Владиміръ и высокостепенное собраніе, съ восхищеніемъ предпочли вѣру греческую восточную всѣмъ вѣрамъ; а къ наибольшему въ томъ увѣренію послужило имъ обращеніе святой Ольги. И потому обще всѣ Владиміру сказали: „еслибы законъ греческій былъ худъ, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрѣйша всѣхъ человѣкъ“.

Итакъ, воспослѣдовало рѣшеніе дѣла, изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ важнѣйшаго; и Владиміръ сказалъ: „гдѣ крещеніе примемъ?“ Всѣ на то отвѣтствовали: „гдѣ тебѣ угодно“.

Послѣ сего Владиміръ, собравъ воинство, пошелъ воевать на греческій городъ Корсунь, дабы, какъ одинъ Лѣтописецъ пишетъ, достать себѣ чрезъ то греческаго священника для крещенія. Взявъ тотъ городъ, послалъ къ греческимъ царямъ Василію и Константину, дабы они выдали за него въ жены сестру свою царевну Анну; иначе онъ такъ же поступитъ съ Царьградомъ, какъ поступилъ съ Корсунемъ. Греческіе цари, слышавъ сіе, убоялись и оскорбѣли, особливо, что сестра ихъ никакъ не соглашалась за него выйти, какъ за невѣрнаго. Но какъ Владиміръ охотно согласился на крещеніе, сказавъ, что уже онъ сію вѣру довольно испыталъ, и всѣмъ ее предпочитаетъ; то и цари греческіе и сестра ихъ, по убѣжденію отъ братьевъ, что чрезъ нее Богъ можетъ обратить въ покаяніе всю русскую землю, и избавитъ ихъ отъ нападенія русскихъ, согласились.

По прибытіи царевны греческой Анны въ Корсунь, и по довольномъ наставленіи въ вѣрѣ христіанской чрезъ епископа Корсунскаго, (а какъ его имя, въ Лѣтописцахъ не означено) крестился Владиміръ „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, въ Корсунѣ, въ церкви святыя Богородицы, чрезъ епископа того города въ присутствіи священниковъ, прибывшихъ съ царевною, и нареченъ во святомъ крещеніи Василіемъ, лѣта отъ Рождества Христова 988. По крещеніи же, прославилъ Василій Бога, и въ восторгѣ радости духовной возопилъ: „днесь познахъ Бога истиннаго!“ — Се, какъ внезапно, исчезло душевныхъ его очей ослѣпленіе! прейде тьма идолопоклонства, и возсіялъ свѣтъ истиннаго Богопознанія! И сему примѣру Владимірову послѣдуя, многіе изъ ближнихъ его тогда же крестились; и бысть во всѣхъ радость велія. Гдѣ же точно тотъ градъ Корсунь, въ коемъ крестился Владиміръ, находился, предоставляю то испытанію другихъ.

Разсуждая, какового, по силѣ Евангелія, требуетъ пріуготовленія обращеніе къ Богу и таинство крещенія, желательно бы было, чтобы къ сему не были примѣшаны походъ военный и взятіе и разореніе города и угроженіе, чтобы поступить таковымъ же образомъ и съ другими греческими городами; а притомъ и требованіе царевны Анны

въ супружество съ тѣмъ условіемъ, что ежели она за него отдана будетъ, то онъ согласится на крещеніе. Передъ очами своими примѣръ имѣлъ Владиміръ бабку свою святую Ольгу, которому могъ бы послѣдовать, ежели бы восхотѣлъ; или могъ бы удобно признать, или обрѣсти священниковъ, или епископовъ греческихъ для крещенія, или получить въ супружество царевну и безъ угроженій и военныхъ браней. Но это былъ остатокъ плачевнаго во Адамѣ разврата природы нашей. И примѣчательно, что Владиміръ, много мечтая о себѣ и о своей славѣ, почелъ для себя унизительнымъ, дабы ему самому, точно напрашиваясь, идти въ Царьградъ, или точно покаряясь, просить о присылкѣ священниковъ и также въ супружество царевны. Но восхотѣлъ въ семъ случаѣ поступить, какъ побѣдитель; а потому нѣкоторымъ образомъ, какъ повелитель. Но какъ бы то ни было, свѣтъ Господень возсіялъ надъ нимъ, и сіяніе его освѣтило всю Русскую землю *).

---

*) Не могу оставить при себѣ, чтобы не упомянуть о странномъ повѣствованіи писателя помянутаго опыта, который, въ противность всѣхъ нашихъ Лѣтописцевъ, не пріемлетъ, чтобы къ Владиміру были посланные отъ разныхъ народовъ, склоняющіе его къ принятію, каждый, своей вѣры. А утверждаетъ, что сіе все представляла на театрѣ жена Владиміра, гречанка изъ монахинь, чтобы привлечь Владиміра къ своей вѣрѣ. И сіе театральное представленіе раздѣлилъ онъ на пять явленій, по правилу театровъ. Таковое суетное и изъ неочищеннаго духа происшедшее мечтаніе и опроверженія не требуетъ, какъ съ перваго взгляда само собою странное. Какія при Владимірѣ театры? Какіе въ греческихъ монастыряхъ у монахинь театральныя представленія? Театровъ въ Россіи и послѣ даже 18 вѣка не было, и ими гнушались. Почто дозволять перу играть столь важнымъ и божественнымъ дѣйствіемъ, гдѣ Владиміръ самъ отъ бабки своей, благочестивой Ольги, довольно о вѣрѣ христіанской былъ свѣдущъ, и степеннымъ своихъ вельмож отвѣтомъ въ томъ былъ утвержденъ? Что могло къ сему подѣйствовать театральное представленіе, которое и самой истины важность уменьшаетъ, когда она отъ смѣхотворцевъ представляется?

Таковая необыкновенная и странная мысль не могла произойти, развѣ отъ похваляемаго имъ вездѣ „любомудрія“, съ коимъ можетъ быть и самое принятіе христіанства ему казалось быть несовмѣстнымъ. Но я о писателѣ христіанинѣ сего утверждать не смѣю; а мню, что сіе произошло отъ излишняго о себѣ самомъ мечтанія, и чтобы блеснуть какою-нибудь новизною, можетъ быть увѣряя себя, что и другимъ таковымъ же, каковъ онъ, будетъ служить то къ увеселенію. Впрочемъ и во всей его въ одномъ томѣ вышедшей исторіи довольно видно, что онъ былъ мало свѣдущъ о дѣлахъ, до вѣры надлежащихъ. Какъ, напримѣръ, изъ Владиміровой молитвы, которою онъ просилъ Бога, да силою крещенія побѣдится „ветхій супостатъ“, онъ изъ того выводитъ, что Владиміръ и по крещеніи демономъ любострастія былъ изнуряемъ. Кто и изъ малосмысленныхъ не приметъ сего съ осмѣяніемъ, или и съ негодованіемъ? Ибо кто когда разумѣлъ подъ именемъ ветхаго супостата любострастіе и похоть? Даже отваживается и богослов-

ГЛАВА V.

Святый Владиміръ по крещеніи, вступивъ въ благословенное супружество съ благовѣрною греческою царевною Анною, создалъ церковь въ Корсунѣ, и, возвращаясь изъ сего города въ Кіевъ и съ царицею, взялъ съ собою Анастаса, который услужилъ ему во взятіи города Корсуня, и священниковъ Корсунскихъ и сосуды церковные и иконы; также перенесъ и мощи святаго Климента.

Хотя Несторъ не упоминаетъ, но почти всѣ прочіе Лѣтописцы утверждаютъ, что въ то же время взялъ съ собою Владиміръ „митрополита Михаила“, родомъ сиріанина, испросивъ его у патріарха Цареградскаго, коего и мощи нынѣ почиваютъ въ Печерской Лаврѣ. При чемъ помнается, что и другіе епископы шесть пришли съ Михаиломъ. Итакъ, сей Михаилъ былъ „первый митрополитъ Кіева“ и всея Россіи, мужъ учительный и ревностный по вѣрѣ и житія добродѣтельнаго. Хотя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ пишется, что первый митрополитъ былъ Леонъ, или Леонтій, однако, онъ по всѣмъ другимъ лѣтописямъ почитается вторымъ. А Корсунскій Анастасъ по помянутой услугѣ былъ въ особенной у Владиміра довѣренности, даже и Болеслава польскаго, когда онъ съ Святополкомъ взялъ Кіевъ, привелъ къ себѣ лестію въ такую любовь, что онъ ему, Анастасу, повѣрилъ свое мнѣніе. По возвращеніи Владиміра въ Кіевъ, за первый долгъ почелъ онъ, чтобы разрушить идольское служеніе, и потому велѣлъ перваго идола Перуна, привязавъ къ лошадиному хвосту, бросить въ рѣку Днѣпръ, также всѣ прочіе истребить идолы, какъ орудія діавольскія.

И прежде всего крестилъ въ Кіевѣ Владиміръ чрезъ Михаила митрополита двѣнадцать сыновъ своихъ; а потомъ, совѣтовавъ съ онымъ митрополитомъ, издалъ по всему городу таковое повелѣніе, дабы всѣ безъ изъятія крестились въ назначенный день: „и аще кто не явится заутра на рѣкѣ ко крещенію, какова бы онъ состоянія ни былъ, тотъ противникъ мнѣ будетъ“.

ствовать. Вмѣсто Апостола Петра приписываетъ Павлу сіи слова: „да причастницы будемъ Божественнаго естества“. Что же онъ изъ того заключаетъ? Слѣдовательно, говоритъ, „кромѣ Творца есть Божественное естество, отъ Него произшедшее, и Ему соприсносущное“. Иной бы почелъ сіе ересію; но я почитаю плодомъ малопросвѣщеннаго, но высокомѣрнаго о себѣ воображенія; онъ, какъ бы любуясь, самъ себѣ говоритъ: „чего не знаю я?“ Много таковыхъ ошибокъ въ его повѣсти обрѣтается, гдѣ довольно виденъ, хотя и скрываемъ былъ, новый духъ новаго имъ любимаго „любомудрія“, или нынѣшняго философизма.

Таковое повелѣніе принялъ народъ съ радостію, почитая довольнымъ для себя увѣреніемъ то, что, аще бы се не добро было, князь и бояре сего не приняли бы; и такъ всѣ отъ мала до велика, въ присутствіи Владиміра и митрополита и всѣхъ бояръ, отъ разныхъ священниковъ, по надлежащему чиноположенію, въ рѣкѣ Днѣпрѣ крещены „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. И святый Владиміръ, видя сіе, радовался, принося Богу молитвенное благодареніе.

При семъ примѣтить надлежитъ, что народъ, по повелѣнію Владимірову, тотчасъ безъ всякаго сопротивленія или роптанія оставилъ прежнюю свою вѣру языческую, и принялъ христіанскую. А изъ сего видно, что оное языческое служеніе никакого въ сердцѣ ихъ не имѣло увѣренія и твердости, а состояло только въ одной наружности. Ибо сіе свойственно прелести и заблужденію, что оно никакого въ душѣ увѣренія произвесть не можетъ; а слѣпо слѣдуетъ только обыкновенію. Но и то, кажется, желательно было, чтобы люди, оставляя заблужденіе и приступая ко крещенію, пріуготовлены были довольнымъ въ вѣрѣ христіанской наставленіемъ, дабы, не столько исполняя претительное повелѣніе, сколько слѣдуя внутреннему души своей увѣренію, приняли на себя обязательства таинственныхъ правилъ и ученія Евангельскаго. Но сего конечно, думать надобно, или прежде, или послѣ не упустили просвѣщенный митрополитъ съ благоразумными епископами и пресвутерами.

Движимый благочестіемъ, Владиміръ велѣлъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояли кумиры и приносимы были жертвы имъ, ставить церкви; и церковь устроилъ во имя святаго Василія на томъ самомъ мѣстѣ, на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перунъ; такъ же—и въ другихъ городахъ и по селамъ, и устроять монастыри. А изъ сего видно, что на тѣхъ мѣстахъ храмовъ не было, ибо непремѣнно бы Лѣтописцы не оставили упомянуть, что прежніе храмы разрушены,—такъ, какъ сказано объ идолахъ,—или нѣкоторые изъ нихъ перемѣнены на церкви.

Посемъ восхотѣлъ Владиміръ большую или лучшую устроить церковь каменную во имя Пресвятыя Богородицы, и для того призвалъ мастеровъ каменосѣчцевъ изъ Греціи; и, по устроеніи, отлично ее украсилъ, и всю утварь, взятую въ Корсуни, отдалъ въ сію церковь, поручивъ все то протопопу Анастасу, и священниковъ, приведенныхъ изъ Корсуня, опредѣлилъ въ ней служить, и потомъ съ великимъ торжествомъ оную святилъ митрополитъ Леонтій. И наименовали ее „Десятиною“ для того, что Владиміръ на содержаніе тои церкви и причта и бѣдныхъ опредѣлилъ со всего десятую часть собирать изъ своего недвижимаго имѣнія, и изъ всѣхъ городовъ, съ таковою, въ присутствіи митрополита Леонтія и епископовъ греческихъ и русскихъ и всѣхъ бояръ, клятвою, что

„ежели кто сіе отмѣнитъ, да будетъ проклятъ“. Хранителя же сихъ десятинъ опредѣлилъ Анастаса, однако, подчинилъ его митрополиту.

А десятина сія состояла, по Лѣтописцамъ, десятая часть отъ всякаго суда, изъ торгу десятая недѣля по всѣмъ городамъ, и отъ всякаго скота на каждый годъ десятая доля, и отъ всякаго хлѣба на каждый годъ десятая доля; и сіе все на содержаніе митрополитамъ Кіевскимъ и всей Россіи, и помянутой соборной церкви и ея причта, и на бѣдныхъ, какъ-то: на богадѣльни и больницы, и для странныхъ неимущихъ. То же самое опредѣлилъ и по всей Русской землѣ, чтобы во всѣхъ княженіяхъ, гдѣ—епископы и соборныя церкви, на содержаніе ихъ давать десятину; а притомъ митрополиту и епископамъ предоставилъ суды церковные, и всѣ духовныя права по греческимъ установленіямъ, и все то утвердилъ хранить всегда клятвенно въ присутствіи всѣхъ, и тотъ свой письменный уставъ положилъ въ новоустроенной церкви своей. Сей уставъ напечатанъ въ древней Вивліоѳикѣ.

ГЛАВА VI.

Но, говоря объ устроеніи церквей и ихъ правъ, возвратимся къ тому, что въ послѣдованіи лѣтъ Владиміровыхъ происходило, то есть, къ первымъ учрежденіямъ святаго Владиміра о благѣ христіанства.

Къ умноженію просвѣщенія въ русскомъ народѣ, тогда невѣжественномъ, и къ утвержденію христіанской вѣры, по совѣту Михаила митрополита, повелѣлъ брать дѣтей, чтобы обучать ихъ книжному чтенію по грамматикѣ; и для сего много устроено училищъ: и митрополитъ изыскивалъ учительныхъ людей, и ихъ всячески ободрялъ и совѣтами и наставленіями. Между сими учителями были довольно ученые и философы, изъ коихъ Владиміръ избралъ Марка Македонянина, послалъ въ болгары Заволжскія, кои были магометанской вѣры, для проповѣдыванія слова Божія и обращенія; и сей Маркъ толико успѣлъ, что четыре болгарскихъ князя пришли къ Владиміру въ Кіевъ и крестились; также—и Печенѣжскій князь Кучухъ, и крестился, и остался въ службѣ у Владиміра.

Разсуждая о началѣ ученія въ Россіи, желательно знать, откуда первыя взяты книги, и кто были учители? Какъ уже у другихъ Славянскихъ сосѣднихъ народовъ, какъ-то, въ Моравіи и Болгаріи Задунайской, были книги Славянскія: то никакого не было затрудненія оныя оттуда выписать; да и греческіе духовные, выходя изъ Корсуня и имѣя крестить русскій народъ, непремѣнно съ собою вывезли многія Славянскія книги. Также нельзя, чтобы изъ тѣхъ самыхъ духовныхъ нѣкоторые не знали Славянскаго языка и Славянской грамоты, какъ-то

и помянутый Маркъ, повидимому, грекъ, яко македонянинъ; но видно, что Славянскій языкъ разумѣлъ: ибо иначе и къ наученію христіанской вѣры ему приступить было бы не можно. Но, притомъ, весьма вѣроятно, что и изъ самыхъ россіянъ многіе, по обращеніи ихъ съ Славянами и съ греками, и у себя и внѣ предѣлъ, разумѣли Славянскую грамату и письмо; даже, думать надобно, нѣкоторые и греческій языкъ. Да и при святой Ольгѣ, конечно, уже при службѣ Божіей Славянскія книги были употребляемы; и нѣтъ сомнѣнія, что многіе ихъ разумѣли, читая и пиша послявянски. Почему и удобно могли быть найдены учители для обученія Славянскому книжному ученію, которое, съ помощію Божіею, стараніемъ святаго Владиміра и митрополита Михаила, и началось въ Русской землѣ въ тотъ же годъ, въ который и крещеніемъ просвѣщена.

Къ распространенію христіанской вѣры Михаилъ митрополитъ ходилъ по Русской землѣ и до Ростова, съ четырьмя епископами и съ Анастасомъ, и обучалъ многихъ вѣрѣ, и крестилъ премногихъ, и церкви устроилъ, и священниковъ опредѣлилъ. И тако скончавъ свой подвигъ о Господѣ и многія оказавъ заслуги церкви Россійской, преставился во благоуханіи святыни, лѣта отъ Рождества Христова 992.

Въ тотъ же годъ на его мѣсто, по требованію Владимірову, присланъ отъ патріарха Константинопольскаго въ митрополита Кіеву и всея Россіи Леонъ или Леонтій, грекъ.

Нѣкоторые Лѣтописцы почитаютъ сего Леонтія первымъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи. Сіе можно согласить такъ, что Михаилъ былъ присланъ, или самъ, по ревности къ вѣрѣ, со Владиміромъ вытти согласился, не столько для управленія церкви Россійской, которая только что возраждалась, въ санъ ся митрополита,— сколько для насажденія вѣры христіанскія, нужныхъ на первый случай духовныхъ учрежденій, и можетъ почитаемъ быть, какъ Апостолъ Россійскія церкви; а Леонтій присланъ уже по обращеніи всего народа, въ точномъ характерѣ митрополита Кіевскаго и всея Россіи, для управленія духовенства и всей церкви Россійской, и съ надлежащимъ постановленіемъ, какія должны быть его права, и какая по духовнымъ дѣламъ власть. И сіе видно изъ того, что Михаилъ митрополитъ хотя привелъ съ собою шесть епископовъ, но никого никуда въ правленіе епархіи по городамъ не опредѣлилъ; а сіе учинилъ уже митрополитъ Леонтій, какъ сіе покажется въ послѣдствіи.

Владиміръ же, неутомимо продолжая свою ревность въ обращеніи своихъ подданныхъ къ христіанской вѣрѣ, ходилъ въ Суздальскую землю, взявъ съ собою двухъ епископовъ, и, помощію ихъ, обратилъ многихъ въ вѣру и крестилъ; и заложилъ градъ Владиміръ во свое

имя, иные пишутъ, что на „Клязьмѣ“, но иные—въ „Волыни“, и поставилъ церковь во имя Пресвятыя Богородицы, жалуя всѣхъ людей великими милостями. А потомъ заложилъ и Бѣлгородъ близъ Кіева, 990 года отъ Рождества Христова; а послѣ сего вскорѣ и градъ Переяславль близъ Кіева же, вездѣ насаждая христіанство и устроя церкви такъ, какъ для сего же всюду по градамъ и селамъ посылалъ священниковъ.

А митрополитъ Леонтій, по прибытіи своемъ, въ тотъ же годъ поставилъ епископы по градамъ, а именно: въ Новгородъ перваго епископа Іоакима Корсунянина, въ Ростовъ Ѳеодора, въ Черниговъ епископа Неофита, въ Владиміръ епископа Стефана, въ Бѣлгородъ епископа Никиту. А въ одномъ каталогѣ епархій и архіереевъ Россійскихъ, во Владимірѣ первымъ епископомъ именованъ Ѳома, Стефанъ же вторымъ, и что Ѳома яко бы еще Михаиломъ митрополитомъ взятъ изъ Царьграда, и опредѣленъ во Владиміръ; но Лѣтописцы полагаютъ Стефана первымъ.

Епископъ Новгородскій Іоакимъ грекъ, по прибытіи въ Новгородъ, всѣхъ идоловъ сокрушилъ и Перуна въ рѣку ввергъ, и все идольское служеніе истребилъ и христіанство утвердилъ, и бысть слава Господня повсюду.

Но Ѳеодоръ въ Ростовѣ не могъ преодолѣть ослѣпленія и ожесточенія Ростовцевъ и, не стерпѣвъ того, бѣжалъ оттуда; также и наступившаго по немъ епископа Иларіона изгнали. Но уже Леонтій епископъ грекъ, въ Царьградѣ поставленный патріархомъ, по многомъ долготерпѣніи просвѣтилъ ихъ святымъ крещеніемъ и утвердилъ христіанскую вѣру.

О постановленіи другихъ епископовъ и объ учрежденіи новыхъ епархій по городамъ, и какія были права митрополита и епископовъ, и до чего простиралось ихъ правленіе, о семъ сказано будетъ въ послѣдствіи.

Между симъ папа Римскій не оставилъ и паки прислать пословъ своихъ къ Владиміру со святынею своею, неизвѣстно, съ какими-то мощами. И хотя Лѣтописцы не изъясняютъ, съ какимъ намѣреніемъ, или подъ какимъ видомъ было прислано сіе посольство; но, по извѣстному и всегдашнему усилію папъ, чтобы привлечь всѣ народы къ своей вѣрѣ и покорить ихъ своей неограниченной власти, и сіе посольство конечно, состояло въ томъ: такъ какъ видно, что онъ и до крещенія о тотъ домогался. Да и въ Болгаріи, въ Славянскомъ народѣ, въ недавнемъ до того времени, болгаровъ крещеныхъ отъ грековъ превратилъ было къ себѣ; но въ томъ, напослѣдокъ, не успѣлъ,—отъ чего произошли великіе отъ него на патріарховъ Цареградскихъ мятежи, ко-

торые потомъ дали напвящшій случай раздѣленію церкви восточной съ западною.

Благоразумный Владиміръ не попустилъ себя запутать въ сіи сѣти, а, напротивъ, отправилъ аки пословъ подъ именемъ гостей, или купцовъ въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ, и во Египетъ, и въ Вавилонъ, дабы они сами все очевидно усмотрѣли, и ему вѣрно донесли.

Между тѣмъ святый Владиміръ оправдалъ свое обращеніе къ Богу и силу Евангелія: ибо житіе его противъ прежняго совсѣмъ было отмѣнное. Любилъ онъ упражняться въ слышаніи слова Божія, почиталъ священный чинъ и всякими милостями награждалъ его. Всѣмъ премного изливалъ свои щедроты, говоря почасту сіи достопамятныя и достоподражательныя слова: „я сребромъ и златомъ не достану себѣ друзей, а съ друзьями себѣ достану сребра и злата“. Былъ весьма нищелюбивъ, и повелѣлъ всякому нищему и убогому приходити во дворъ княжій, и взимати все потребное, даже не забылъ и немощныхъ и больныхъ, не могущихъ ходить до его двора. И для того учредилъ, чтобы въ повозкахъ хлѣбы, и мясо, и рыбы, и различный овощъ, и въ бочкахъ медъ, и квасъ возили по городу, и спрашивали бы, гдѣ больные и нищіе и не могущіе ходить; и тѣмъ раздавали все потребное. Да и всѣмъ боярамъ, и всѣмъ знаменитымъ людямъ уставилъ каждую недѣлю во дворѣ своемъ учреждать пиръ со всякимъ изобиліемъ, не только при себѣ, но и въ отсутствіи своемъ. И таковымъ милосердіемъ и человѣколюбіемъ столь умягчено было его сердце, что даже и къ преступникамъ былъ снисходителенъ, и ихъ наказывать боялся, чтобы не согрѣшить. И какъ такое его снисхожденіе злые обращали во зло, и умножались грабежи и убійства, а чрезъ то страдали люди неповинные: то уже принужденъ былъ митрополитъ послать епископовъ, дабы его своими совѣтами и увѣщаніями склонили не быть столько снисходительну, чтобы щадить злодѣевъ, а подвергать несчастію неповинныхъ. „Се, сказали ему епископы, умножились разбойники: почто не казнишь ихъ“? Онъ имъ отвѣчалъ: „боюся грѣха“. Но они представили ему: „ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе: достоитъ тебѣ казнить разбойниковъ, но со испытаніемъ“. И Владиміръ послушалъ ихъ, а паче уважая слово Божіе, яко безгрѣшно есть казнити злодѣевъ, и отолѣ началъ злыхъ наказывать; но и то съ великимъ разсмотрѣніемъ и испытаніемъ: ибо былъ Владиміръ долготерпѣливъ зѣло, и смыслонъ въ разумѣ *).

*) Сіе, столь достохвальное епископовъ Россійскихъ, увѣщаніе, писецъ помянутаго опыта превратилъ имъ же въ поношеніе, что они, аки бы жаждущіе крови, склонили Владиміра къ безплодному кровопролитію. Видно, какого былъ расположенія сей писецъ къ своему духовенству, ежели только

Таковая добродѣтельная жизнь Владиміра есть весьма ясное доказательство, колико въ душѣ его дѣйствовала сила и благодать Евангелія. Ибо ученіе Христово ничего толико не похваляетъ, какъ человѣколюбіе и милость; и на будущемъ судѣ входъ въ царство Божіе, какъ будто исключая всѣ прочія добродѣтели, обѣщается единымъ милостивымъ. „Гладенъ бѣхъ, и напитасте Мене: жаденъ бѣхъ, и напоисте Мене“, и проч. Почему Сынъ Божій объявилъ отличительнымъ учениковъ Своихъ знакомъ не другое что, какъ то: „аще любите другъ друга“. И сіе во Владимірѣ тѣмъ было примѣчательнѣе, что таковое милосердое расположеніе происходило не отъ природы его, но единственно отъ внутренняго увѣренія въ Евангельскомъ ученіи, и искренняго послѣдованія ему. Ибо до крещенія онъ совсѣмъ былъ не таковъ. Поразительно слышать, что онъ не дерзалъ казнить и злодѣевъ, чувствуя страхъ Божій, дабы и за сіе отвѣта не дать Богу. Хотя въ семъ онъ поправленъ былъ, и исправленіе, яко доказываемое словомъ Божіимъ, охотно принялъ; однакоже, сіе самое доказываетъ, колико онъ благоговѣлъ предъ Богомъ, и колико тщался во всемъ творить угодное Ему и ни въ чемъ Его не прогнѣвать. А изъ сего кто не утвердитъ, что принятою вѣрою онъ совершенно исправилъ прежнее свое житіе? И какіе дотолѣ въ немъ были пороки, какъ-то наипаче плотоугодіе и убійство Ярополка, который самъ къ тому поводъ подалъ, убивъ неповинно своего брата роднаго Олега,—сіи свои пороки Владиміръ довольно загладилъ своею живою вѣрою, покаяніемъ и дѣлами человѣколюбивыми: „милость бо хвалится на судѣ“; и „милостынею, по слову пророческому, „грѣхи свои искупилъ, и прегрѣшенія своя щедротами нищихъ“.

Ежели мы прочтемъ безъ пристрастія и со вниманіемъ исторію перваго изъ христіанъ равноапостольнаго Константина, и какая была его жизнь до христіанства, и какая въ христіанствѣ до крещенія, которое принялъ онъ уже при самой смерти, не въ Римѣ, но въ Никомидіи,—по исторіи современнаго ему Евсевія, и сравнимъ его со Владиміромъ: то едва ли не должны будемъ дать преимущество сему нашему равноапостольному Владиміру.

При самыхъ послѣднихъ дняхъ жизни Владиміровой едва было онъ не впалъ въ искушеніе: ибо былъ раздраженъ сыномъ своимъ Ярославомъ, княземъ Новгородскимъ, началъ было вооружаться на него идти войною. Но Богъ не допустилъ Владиміра до сего случившеюся

онъ его признавалъ своимъ; ибо съ такимъ пристрастнымъ къ духовенству христіанскому расположеніемъ, имѣющему столь малое понятіе о вѣрѣ христіанской, писателю, можно ли что-нибудь написать безпристрастное и истинное?

между тѣмъ кончиною, и тѣмъ предохранилъ его, дабы симъ поступкомъ онъ не опорочилъ остатокъ святой своей жизни.

Итакъ, скончался богоугодно блаженный Владиміръ, мѣсяца іюля 15 дня, 1015 отъ Рождества Христова, поживъ 67 лѣтъ, и погребенъ въ Кіевѣ, въ церкви Богородичной Десятинной, имъ созданной, и Церковію причтенъ къ лику святыхъ. По своему благочестію, доброму житію, по ревности къ насажденію вездѣ въ Россіи вѣры, и по просвѣщенію ея святымъ крещеніемъ и Евангельскимъ богопознаніемъ онъ заслужилъ, чтобы память его вся Россія праздновала не съ меньшимъ торжествомъ, какъ сколько празднуетъ святителю Николаю.

ГЛАВА VII.

По кончинѣ святаго Владиміра вступилъ на великое княженіе сынъ его, Святополкъ, и началъ свое правленіе тѣмъ, что убилъ родныхъ братьевъ своихъ Бориса и Глѣба и Святослава, и предпринималъ избить всѣхъ братьевъ, дабы всю власть въ Россіи единому имѣть; но Богъ не попустилъ. Самъ побѣжденъ братомъ своимъ Ярославомъ и въ бѣгствѣ злѣ скончалъ животъ свой; а неповинно убіенные имъ братья Борисъ и Глѣбъ почтены Церковію, яко святые мученики. Ярославъ же получилъ великое княженіе въ Кіевѣ, а потомъ единодержавіе и во всей Россіи.

Но, по намѣренію нашему, возвратимся къ повѣсти о правленіи церковномъ. Леонтій митрополитъ правилъ Церковію ревностно, и во всемъ споспѣшествовалъ Владиміру, утверждая и распространяя вѣру, и устроя по мѣстамъ церкви. При его правленіи, въ самомъ началѣ насаждаемаго христіанства, явился развратный монахъ, именемъ „Андреянъ“; и видно, грекъ, понеже былъ скопецъ. Онъ порицалъ церковные законы, и епископовъ и пресвутеровъ и монаховъ; но прибавляютъ лѣтописцы, что былъ онъ мыслей своевольныхъ и житія развратнаго. Ибо какъ бы добрый и честный монахъ могъ порицать состояніе монашеское, въ коемъ самъ онъ находился? Но благодареніе Богу, что сія опасная искра скоро погашена:—монахъ митрополитомъ не только усмиренъ, но еще приведенъ въ раскаяніе и исправленіе жизни.

По кончинѣ Леонтія, митрополита кіевскаго и всея Россіи, былъ митрополитъ Іоаннъ Грекъ, призванный отъ Цареградскаго патріарха еще при жизни Владиміровой.

Выше показано, что не только учреждена митрополія въ Кіевѣ со властію надъ всѣмъ Россійскимъ духовенствомъ, но и епископы по городамъ, какъ то: въ Новгородѣ, въ Черниговѣ, въ Ростовѣ, въ Бѣлогородѣ, во Владимірѣ, и по городамъ другимъ, пишутъ Лѣтописцы,

однако, по какимъ, именно, не обозначено; но мы не оставимъ въ своихъ мѣстахъ объяснить, гдѣ и когда епархіи учреждены.

Митрополія Кіевская учреждена бысть въ Кіевѣ, какъ въ столичномъ тогда градѣ Россіи, которая, имѣя свою собственную область, непосредственно отъ митрополита зависящую, простирала свою опредѣленную власть и на другихъ всѣхъ епископовъ Россійскихъ.

Митрополитъ Кіевскій избираемъ и поставляемъ былъ отъ патріарха Цареградскаго: ибо по большей части были они, въ первыя времена, изъ грековъ; а сіе для Церкви Россійской можно было почитать на тогдашнее время не малою пользою: ибо греки были тогда просвѣщеннѣе, церковные догматы и учрежденія болѣе знающіе, а притомъ и правами и обхожденіемъ возвышеннѣе. Были по временамъ избираемы въ митрополиты и изъ россіянъ,—о чемъ послѣ сказано будетъ,—и поставляемы россійскими епископы; но сіе почиталось отъ нѣкоторыхъ неправильнымъ, и выходили изъ того раздоры: поелику вѣрили, что, безъ отношенія къ патріарху Константинопольскому и безъ благословенія его, митрополитъ законнымъ признаваемъ быть не могъ.

По правиламъ митрополитъ подлежитъ суду своихъ подобластныхъ епископовъ; но въ исторіи Россійской, особливо въ древнія времена, мало тому примѣровъ было. А въ случаѣ важныхъ какихъ либо дѣлъ, или въ неудовольствіи митрополитомъ, или въ отрѣшеніи его, относились обыкновенно къ патріарху Цареградскому.

Митрополитъ Всероссійскій избранныхъ и ему представленныхъ епископовъ посвящалъ на епархіи съ прочими епископами; а мало видно, чтобы онъ то дѣлалъ единою своею властію. Приходящія на нихъ жалобы онъ же разбиралъ и судилъ, и по суду запрещалъ въ служеніи, или отставлялъ, или извергалъ; и, конечно, сіе дѣлалъ съ соборомъ и согласіемъ своихъ братій епископовъ, ибо правила не иначе повелѣваютъ.

Нѣкогда посѣщалъ онъ епархіи, надсматривая, все ли управляется порядочно; хотя нерѣдко сіе, къ сожалѣнію, происходило болѣе для собиранія даровъ и обогащенія, нежели съ намѣреніемъ прямо богоугоднымъ, какъ не мало таковыхъ образовъ показываетъ исторія. Даже при посѣщеніяхъ требовались митрополитами отъ епископовъ нѣкоторые точные оброки, столь отяготительные, что отъ нѣкоторыхъ епископовъ, какъ то, именно, отъ Новгородскаго, посылаемы были къ Цареградскому патріарху на то жалобы; и отъ патріарха было предписано, что именно митрополиту при посѣщеніяхъ брать. И сіе тщательный и любопытный любитель церковной исторіи въ Лѣтописцахъ нашихъ обрѣсти можетъ.

Когда митрополитъ Кіевскій, сталъ именоваться Кіевскимъ и „Галицкимъ“, такъ, какъ и нынѣ онъ именуется, мнѣ не извѣстно; но ви

димо, сколь велика была собственная его епархія. Ибо сей Галичъ былъ столичный городъ въ Галиціи, которая нынѣ, по раздѣленіи Польши, состоитъ подъ владѣніемъ кесаря Римскаго, ибо вѣра Греко-россійская простиралась тогда на многія области, зависѣвшія отъ великаго княженія Кіевскаго, а послѣ подпавшія подъ владѣніе польское. Вѣра православная Греко-россійская была по всей Галиціи, Волыни, Подоліи и по не малой части Литвы; было тамъ и много православныхъ епископовъ, отъ митрополита Кіевскаго зависѣвшихъ, о коихъ послѣ не оставимъ упомянуть. Даже и въ наше время, еще до присоединія къ намъ Польши, были тамъ многія церкви православныя и монастыри, зависѣвшіе отъ митрополита Кіевскаго и епископа Переяславскаго; а епископство изъ многихъ оставалось уже въ наше время только одно Могилевское. Ибо всѣ прочія епархіи и многія церкви отторжены къ уніи, насиліемъ и коварствомъ папистовъ.

Епископы Россійскіе обыкновенно избираемы были владѣющимъ тою областію княземъ, съ согласія, однако, лучшихъ изъ духовенства и гражданства, и по избраніи представляемы были для посвященія митрополиту. Епископы управляли каждый своею епархіею въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ полный хозяинъ; и не только ни единъ епископъ въ епархію другаго ни по какимъ дѣламъ ни мало не входилъ, но ниже самъ митрополитъ. Каждый епископъ въ своей епархіи поставлялъ священниковъ и діаконовъ и причетниковъ, и ихъ по винамъ запрещалъ, и по суду извергалъ; такъ же опредѣлялъ архимандритовъ и игуменовъ и игуменей, и ихъ или переводилъ, или лишалъ своихъ чиновъ; а монаховъ принимать и постригать и сами настоятели власть имѣли.

Епископъ благословлялъ устроять церкви и монастыри; и во все то митрополитъ входить, по правиламъ, власти не имѣлъ; ибо единственно отъ него зависѣла одна особа епископская, ежелибы произошла на него какая жалоба, или доносъ въ неустройствѣ. Власть же епископовъ простиралась и до свѣтскихъ людей въ его епархіи, въ устроеніи вновь церквей и въ освященіи ихъ, или и въ ихъ поправленіи; въ сомнительныхъ бракахъ требовалось рѣшеніе отъ епископа. Да и вообще никто не могъ въ бракъ вступить, доколѣ въ правленіяхъ, отъ епископа учрежденныхъ, не будетъ изыскано, что тотъ бракъ никакому сомнѣнію не подлежитъ, и выдаваемы были на то письменные виды, кои назывались „вѣнечныя памяти“, съ платежемъ нѣкоторыхъ малыхъ пошлинъ. Такъ же до суда епископскаго надлежали разводы между мужемъ и женою, и кровосмѣшные и прелюбодѣйственные и любодѣйственные случаи; ихъ же суду предоставлены были и дѣла волшебныя.

Подъ надзираніемъ епископовъ состояли учрежденныя богадѣльни и больницы, и содержаніе ихъ: духовныя завѣщанія не почитаемы были дѣйствительными, ежели они не утверждены епископомъ.

Хотя не видно, чтобы были училища, однако оныя, еже ли гдѣ были, состояли подъ надзираніемъ епископовъ, какъ то видѣли, что при первомъ учрежденіи ихъ святымъ Владиміромъ они препоручены были митрополиту Михаилу.

Содержаніе же митрополита и епископовъ, каждаго по своей епархіи, происходило отъ той десятины, которая учреждена святымъ Владиміромъ. Но какъ таковая десятина была бы велика чрезмѣрно къ содержанію ихъ, да и для народа была бы зѣло отяготительна, и не миновало бы то роптанія: то и не видно, чтобы сіе установленіе было исполняемо. А вмѣсто того даны были митрополиту и епископамъ довольныя земли, рыбныя ловли, села и деревни, — чѣмъ и замѣнена была оная десятина безъ отягощенія народнаго. А сверхъ того, епископы довольствовались доходами епаршескими; именно, назначено было, что брать съ постановленія священника, діакона равно причта, и съ даваемыхъ имъ и архимандритамъ и игуменамъ граматъ; также съ граматъ, даваемыхъ на построеніе церквей и „вѣнечныхъ памятей“; а при томъ и каждая церковь была обложена годовымъ небольшимъ платежемъ, смотря по приходу, сей платежъ назывался „данныя деньги“. Да и другіе нѣкоторые были, случайные доходы, какъ-то, ежели епископъ самъ погребалъ, или церковь освящалъ. Изъ древности еще видно, что всѣ тѣ земли, кои принадлежали церквамъ, ежели какимъ случаемъ тѣ церкви были упраздняемы, принадлежали онѣ ко владѣнію епископскому.

Но все то движимое и недвижимое имѣніе не шло въ наслѣдство епископское, и епископъ не имѣлъ власть продавать оное, но оставалось всегда принадлежащимъ епископской каоедрѣ; церкви же и ихъ причтъ содержались отъ добровольнаго, за исправленіе требъ, подаянія своего прихода. А сельскіе, сверхъ того, имѣли земли, индѣ больше, индѣ меньше; а нѣкоторыя церкви градскія и сельскія, и особливо соборныя, имѣли села и деревни, и нѣкоторыя изъ нихъ весьма немалое число.

Въ священный чинъ избираемы были изъ всякаго состоянія, но болѣе причетническія дѣти; а въ епископы изъ одного монашескаго чина.

ГЛАВА VIII.

(О монастырях).

Лѣтописцы пишутъ, что святый Владиміръ, по ниспроверженіи идоловъ и ихъ служенія, повелѣлъ ставить церкви и монастыри; но видно, что были монастыри еще и при святомъ Владимірѣ. Ибо святый Антоній, какъ пишетъ Несторъ, пришедъ съ Аѳонской горы въ Кіевъ, ходилъ по монастырямъ, но не полюбилъ ни единаго изъ сихъ; и потомъ избралъ ту гору, гдѣ послѣ устроилъ Печерскій монастырь. И въ Ростовѣ Авраміевъ монастырь былъ основанъ Авраміемъ, по разрушеніи на томъ мѣстѣ бывшаго идола Волоса, еще при Владимірѣ: ибо Аврамій, устроивъ уже монастырь, скончался 1010 года; да и въ Новогородской епархіи нѣкоторые, какъ то Валаамовъ монастырь, на озерѣ Невѣ, устроенъ еще при первомъ епископѣ Іоакимѣ, опредѣленномъ при князѣ Владимірѣ. Но и великій князь Ярославъ въ 1037 году построилъ два монастыря, святаго Георгія и святыя Ирины, и, во время перенесенія мощей святыхъ Бориса и Глѣба, поминаются уже игумены, кромѣ печерскаго Ѳеодосія, Софоній святаго Михаила, Германъ святаго Спаса, Николай Переяславскій; а Печерскій монастырь, что нынѣ именуется Кіевопечерская Лавра, уже основанъ святымъ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, при великомъ князѣ Изяславѣ, сынѣ Ярославовомъ. Церковь заложена игуменомъ Ѳеодосіемъ и Михаиломъ епископомъ Юрьевскимъ въ 1073 году, а окончена игуменомъ Стефаномъ въ 1075 г., какъ пишетъ Несторъ; но иные Лѣтописцы пишутъ о лѣтахъ инако. А святымъ игуменомъ Ѳеодосіемъ, еще при жизни святаго Антонія, онъ уже приведенъ въ надлежащій монастырскій порядокъ, какимъ образомъ исправлять въ монастырѣ всякую службу Божію, и какъ монашествующимъ проходить подвигъ своего постническаго и уединеннаго житія, учредивъ все по уставу греческому Студійскому, и по примѣру Аѳонской горы, гдѣ святый Антоній самъ былъ, и все видѣлъ, и тамъ постриженъ былъ.

И какъ сіе учрежденіе происходило со всякимъ благочиніемъ и общею похвалою, то и всѣ Россійскіе монастыри послѣдовали сему примѣру Печерскаго монастыря, а потому онъ заслужилъ преимущество предъ всѣми другими, и старшими его монастырями.

Гдѣ же, какіе и когда вновь устроены монастыри, по ихъ весьма не малому числу, особливо, когда еще многіе изъ нихъ до 1764 года не были упразднены; въ сіе входить мы не намѣрены, а предоставляемъ самому любоохотному читателю въ разныхъ Лѣтописцахъ и

повѣствованіяхъ то изыскивать, или учинить о томъ особую исторію; однако, о нѣкоторыхъ монастыряхъ, когда и кѣмъ учреждены, въ послѣдованіи сей повѣсти, упомянуть не оставимъ.

Монастыри были поставляемы по большей части нѣкоторыми набожными и уединенными пустынниками, но съ благословенія своего епископа; и бывъ съ начала малыя пустыньки и мало извѣстныя, потомъ по малу возрастали и въ знатность приходили. Ибо ежели гдѣ, то особливо въ монастыряхъ, видимо было благочестіе и богоугодное житіе. Но не рѣдко монастыри получали свое основаніе отъ набожныхъ князей, отъ бояръ и знаменитыхъ людей, также и отъ самихъ епископовъ.

Въ монашеское состояніе всякій могъ вступать изъ всякаго состоянія, безъ всякаго затрудненія, и, по принятіи ихъ, по искусѣ и способности къ монашеской жизни, были постригаемы; притомъ, не воспрещаемо было монаху переходить изъ одного монастыря въ другой, по своему изволенію, доколѣ то уже въ 18 столѣтіи было воспрещено. Но, чтобы кто по своей волѣ могъ оставить монашество, таковыхъ примѣровъ не видно; развѣ были лишаемы монашества за каковыя либо важныя преступленія.

Примѣчательно, что, когда, по несчастію отечества нашего, между удѣльными князьями происходили почти непрестанно междоусобныя брани, и отъ того грады и села были разоряемы и опустошаемы; а потомъ, когда наступило и большее несчастіе, что, отъ таковыхъ междоусобныхъ браней разоренная и истощенная, Россія подвержена была игу татаръ, которые ужаснымъ образомъ и остатокъ опровергали и испраздняли, что все происходило чрезъ нѣсколько вѣковъ,—въ сіе-то самое несчастливое время наиболѣе монастыри основывались и умножались. Причина тому есть видимая, что бѣдные христіане, видя всюду таковый мятежъ и всегдашнія или бѣдствія, или неминуемое опасеніе оныхъ, искали себѣ убѣжища въ уединенныхъ и удаленныхъ мѣстахъ, въ пустынѣ и монастыряхъ, дабы укрыть себя отъ бѣдствій, и, при восчувствованіи нѣкотораго покоя, безъ смущенія служить Богу, и въ упражненіи служенія Его находить отраду и утѣшеніе; а чрезъ то, оставивъ земное и тлѣнное, пріобрѣтать себѣ небесное и нетлѣнное.

Ибо и вообще монашескому житію подалъ начало таковый же случай. Ибо Павелъ Ѳивейскій, при бывшемъ гоненіи на христіанство, укрылся отъ онаго въ дальнюю въ Египтѣ пустыню, и тамъ единъ препроводилъ подвигъ свой въ изнуреніи и умерщвленіи плоти и страстей, тамъ же и скончался. Каковому примѣру его начали послѣдовать и другіе, конечно убѣгая отъ таковой же бури волнующагося міра; а чрезъ то и утвердилось монашество.

Кромѣ сихъ душевныхъ выгодъ, столь нужныхъ для церкви воинствующей на землѣ и Подвигоположникомъ ея назначенной всегда быть подъ крестомъ, въ монастыряхъ заслуживало похвалу и то, что съ лучшимъ благочиніемъ въ нихъ исправлялась служба Божія; и многіе между многими, недостойными монашескаго имени, были и такіе, которые добродѣтельнымъ своимъ житіемъ, подавали другимъ богоугодный примѣръ, и своими, хотя отъ простоты, но отъ добраго сердца происходящими наставленіями вразумляли ихъ, исправляли и просвѣщали.

Произошла же отъ устроенія монастырей и сія польза, ежели должно почитать пользою то, что въ самое время общаго вездѣ разоренія и опустошенія, какъ выше сказано, устроеніемъ монастырей воздвигаемы были наилучшія зданія церквей, каковыхъ тогда, кромѣ монастырей, или еще не было, или едва ли съ ними могли быть сравнены.

Монахи въ Россіи съ начала получали содержаніе свое работою своихъ рукъ, земледѣліемъ или каковымъ художествомъ, а притомъ и отъ доброхотнаго мірянъ подаянія, и все было общее. И тогда, конечно, житіе ихъ было лучшее, когда были соединены молитва и трудъ, а чрезъ то и духъ освящался, и тѣло не разслабѣвало, и праздность не подавала случая къ порокамъ. Но послѣ, по набожности государей и князей, и другихъ знаменитыхъ людей, вотчины, села и деревни монастырямъ даны были на содержаніе, чрезъ что хотя наружность стала видѣе и благолѣпнѣе, но внутренняя красота умалялась. Ибо таковый, готовый во всемъ, достатокъ, индѣ и изобиліе, уменьшили трудъ и ввели праздность; а отъ того—разслабленіе душевное и тѣлесное. Притомъ же, многозаботливое попеченіе о правленіи селъ и деревень, и умножившееся хозяйство, причиняли великое препятствіе упражненію во благочестіи, на которое они единственно себя посвятили, и болѣе привязывало ихъ къ міру, коего отреклись; однако, со всѣмъ тѣмъ, конечно, были и суть между ними нѣкоторые избранные Божіи, и въ тайнѣ духа служащіе Богу въ простотѣ и чистотѣ сердца.

Каковое вновь, въ 1764 году, произошло о монастыряхъ учрежденіе, каковое назначено имъ содержаніе, коликое положено число таковыхъ желающихъ въ монашество принимать, и какіе монастыри упразднены, какіе же оставлены, и о прочемъ, до монастырей и монаховъ принадлежащемъ,—то всѣмъ не безъизвѣстно, или о томъ всякъ можетъ удобно справиться.

ГЛАВА IX.

Великій князь Ярославъ былъ благочестивъ и весьма тщателенъ, чтобы въ Россіи, колико тогда возможно было, ввести просвѣщеніе, о чемъ сказано будетъ послѣ. Онъ заложилъ и освятилъ въ 1037 году соборную Софіи, Премудрости Божіей, церковь, и для митрополита домъ, которую и освятилъ митрополитъ Ѳеопемптъ. Ибо по кончинѣ митрополита Іоанна, который пасъ Церковь 27 или 28 лѣтъ, былъ поставленъ на его мѣсто патріархомъ Цареградскимъ Ѳеопемптъ. А сынъ Ярославовъ, князь Новгородскій Владиміръ построилъ въ Новгородѣ соборную церковь, также Софіи, въ 1045 году, кои обѣ церкви, довольно пространныя, и пребываютъ до нынѣ, и едва ли гдѣ есть церкви въ Россіи древнѣе ихъ: древностію едва ли уступаетъ имъ, или и не превосходитъ ли соборная въ Черниговѣ церковь Святаго Спаса.

Великому князю Ярославу заблагоразсудилось вынуть изъ земли кости Ярополка и Олега, умершихъ въ язычествѣ братьевъ Владиміровыхъ, а его дядей, и окрестить ихъ и положить въ церкви Богородичной. Таковый случай, какъ необыкновенный и странный, заслуживаетъ болѣе удивленіе, нежели подражаніе.

По кончинѣ митрополита Ѳеопемпта, который пасъ Церковь Россійскую около 12 лѣтъ, великій князь Ярославъ, имѣя съ греками войну, а потому находя препятствіе, чтобы отъ патріарха Цареградскаго требовать митрополита, по совѣту и опредѣленію Россійскихъ епископовъ, въ сходственность правила апостольскаго, избралъ благочестиваго житія и просвѣщеннаго пресвутера постника Иларіона Россіянина, который первый на горѣ, гдѣ нынѣ—Кіевскія пещеры, ископалъ себѣ пещерку, и въ ней тайно, приходя, молился Богу. И его Россійскіе епископы посвятили въ митрополита, но чрезъ сіе никакъ не нарушенъ союзъ съ церковію греческою, или зависимость митрополитовъ Кіевскихъ отъ патріарховъ Цареградскихъ: и послѣ по престаніи брани, какъ пишутъ нѣкоторые, митрополитъ Иларіонъ посылалъ въ Царьградъ къ патріарху, отдавая ему должное повиновеніе и прося благословенія на митрополію, что и получилъ; и пасъ Церковь Божію лѣтъ 11.

Потомъ скончался благочестиво великій князь Ярославъ Владиміровичъ 1054 года, и погребенъ въ имъ состроенной митрополитской церкви святой Софіи, живъ 76 лѣтъ. И надъ нимъ устроенъ надгробный камень, съ рѣзьбою древнею, который и нынѣ открытъ въ придѣльной, Софіи святой, церкви; и мы видѣли его съ любопытнымъ удовольствіемъ. При немъ начала вѣра христіанская возрастать и

утверждаться: ибо былъ водимъ благочестіемъ. Кромѣ помянутой соборной церкви Премудрости Божіей, устроялъ многія церкви и монастыри, и ихъ украшалъ и снабдѣвалъ: духовный чинъ имѣлъ въ почтеніи, а особливо монашествующихъ; священникамъ опредѣлилъ изъ казны урокъ, или извѣстное содержаніе. Любилъ благочиніе и обряды церковные; а паче прилежалъ, чтобъ народъ свой привести въ просвѣщеніе. И для того изыскивалъ способныхъ переводчиковъ, и многія книги греческія велѣлъ переводить на Славянскій языкъ, и, какъ самъ непрестанно упражнялся въ чтеніи книгъ, такъ и другихъ велѣлъ вездѣ по тѣмъ книгамъ обучать,—чрезъ что и духовенство просвѣщалось, и христіанство умножалось и утверждалось въ вѣрѣ и благихъ дѣлахъ. Сверхъ того, онъ издалъ уставъ въ пользу духовенства слѣдующій: „се азъ князь великій Ярославъ Владиміровичъ, по данью отца моего (Владиміра) сгадалъ есьми съ митрополитомъ Иларіономъ Кіевскимъ и всея Россіи; сложилъ есьми со греческимъ номоканономъ, что не подобаетъ сихъ судовъ (церковныхъ) судити князю, ни боярамъ его; далъ есьми митрополиту, епископамъ и попамъ и дьякопамъ свободу по всѣмъ градомъ; не емлютъ съ нихъ, ни съ ихъ дѣтей, ни мыть (пошлины), ни явку, ни тамгу (таможенный сборъ), ни всмычьи; а кто имѣтъ въ тыя суды вступатися въ церковныя, тотъ станетъ со мною на страшномъ судѣ предъ Вседержителемъ Богомъ, и будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ 318, иже въ Никеи, и всѣхъ святыхъ, аминъ". О семъ пишетъ Лѣтописецъ, печатанный въ Москвѣ, въ Синодальной типографіи 1781 года. Онъ же, великій князь Ярославъ, въ крещеніи Георгій, построилъ въ Кіевѣ при златыхъ вратахъ церковь во имя ангела своего, святаго великомученика Георгія, и, освятивъ, установилъ вездѣ праздновать оный день освященія; что и до нынѣ совершается ноября, въ 26 день.

Итакъ, благовѣрный Ярославъ по всѣмъ оным дѣламъ заслужилъ, дабы память его была прославляема вѣчно.

ГЛАВА X.

По немъ великое княженіе получилъ сынъ его, Изяславъ Ярославичъ. По кончинѣ митрополита Иларіона, поставленъ митрополитомъ отъ Константинопольскаго патріарха Георгій. Въ лѣто 1072 сей митрополитъ Георгій былъ на препесеніи мощей святыхъ Бориса и Глѣба при великомъ князѣ Изяславѣ, и два епископа, Петръ Переяславскій и Михаилъ Юрьевскій. А въ другихъ Лѣтописцахъ пишетъ, что еще были Стефанъ Бѣлгородскій и Іоаннъ Холмскій. О митрополитѣ Георгіи чѣтъ сомнѣнія, что былъ митрополитомъ въ Кіевѣ. Но нѣкоторые по-

лагаютъ, что между Иларіономъ и симъ Георгіемъ былъ митрополитъ Ефремъ. Ибо въ Лѣтописцѣ Никоновскомъ пишется, что епископъ Новогородскій Лука Жидята былъ оклеветанъ отъ своего холопа Дудика въ неподобныхъ рѣчахъ, и епископъ позванъ въ Кіевъ, и тамъ осудилъ его митрополитъ Ефремъ, и пребылъ тамъ три года, но потомъ Лука епископъ оправданъ и отпущенъ на свою епархію; однако, на пути скончался, а клеветники наказаны. Но нѣкоторые, вѣроятно, думаютъ, что сей Ефремъ есть тотъ же Иларіонъ, въ схимничествѣ переименованный Ефремомъ: ибо съ лѣтосчисленіемъ сіе выходитъ сходно.

По Лукѣ, епископѣ Новгородскомъ, поставленъ Стефанъ, коего, по прибытіи, въ Кіевѣ удавили нечестивые его холопы.

Примѣчать надлежитъ, что въ первыя времена именовался „владыкою“ единъ епископъ Новгородскій. Ибо во многихъ лѣтописцахъ о древнихъ епископахъ пишется просто: „имя рекъ“ епископъ Ростовскій, или Черниговскій, или Юрьевскій; но Новогородскаго епископа обыкновенно именовали „владыка Новогородскій“,—и я мню, для того, что тогда въ Новгородѣ правленіе было какъ республиканское, и епископъ Новгородскій и въ гражданскомъ правленіи имѣлъ великое участіе, и почитался первымъ въ правленіи участвующимъ,—какъ то видно изъ послѣдующихъ временъ во времена великаго князя Іоанна Васильевича и царя Іоанна Васильевича, что архіепископы Новогородскіе представляются, какъ изъ первыхъ правителей и по дѣламъ гражданскимъ. И ежели сіе есть истинно, то въ исторіи духовной, Россійской и Греческой, сей есть примѣръ единственный; но послѣ имя „владыки“ присвоено и всѣмъ епископамъ по власти ихъ не гражданской, а духовной.

Поминаются бывшими на пренесеніи мощей епископы Петръ Переяславскій и Михаилъ Юрьевскій. И потому учреждены вновь двѣ епархіи: Переяславская, близъ Кіева, при великомъ князѣ Изяславѣ митрополитомъ Иларіономъ, и былъ первый епископъ Петръ; а другая—Юрьевская. И сей городъ Юрьевъ, по мнѣнію моему, не надлежитъ почитать Юрьевъ Ливонскій, построенный великимъ княземъ Ярославомъ, что нынѣ называется Дерптъ; но Юрьевъ бывшій не далеко отъ Кіева. И точно пишется, что Юрьевъ, который стоялъ близъ Кіева, Половцы разорили и сожгли, и жители вышли въ Кіевъ и въ другіе города, и для нихъ построенъ другой городъ Святополчъ, куда выведены Юрьевцы со своимъ епископомъ Маріномъ въ 1094 году, или 95-мъ; но послѣ сей городъ Юрьевъ паки выстроенъ.

Въ Лѣтописцѣ Никоновскомъ поминаются еще, сверхъ вышеписанныхъ, епископы: Стефанъ Бѣлогородскій и Іоаннъ Холмскій. А посему еще въ сіе время прибыла епархія Холмская или Хелмская, который

городъ Холмъ или Хелмъ и нынѣ въ Польшѣ состоитъ; и была епархія православная чрезъ долгое время, но потомъ на унію превращена. А о Бѣлогородскомъ и Владимірскомъ есть сомнѣніе и споръ, ибо иные поставляютъ тѣ города въ Польшѣ, гдѣ и нынѣ есть Бѣлгородъ; а Владиміръ на Волыни, гдѣ и нынѣ есть, и называется Владимірецъ,—и были въ немъ княженія Россійскія.

Я мню, что Бѣлгородъ надлежитъ почитать въ Польшѣ, а Владиміръ на Волыни, и тамъ были въ самомъ началѣ учреждены епископы. И во Владимірѣ на Клязьмѣ, и въ Бѣлгородѣ великороссійскомъ были также епископы, но гораздо послѣ; и отъ того вышло сіе несходство писателей.

ГЛАВА XI.

По Георгіи былъ митрополитъ Кіевскій и всея Россіи — Іоаннъ грекъ, поставленный отъ Цареградскаго патріарха, который и скончался 1089 года, бывъ на паствѣ 9 лѣтъ. Былъ мужъ искусный въ книгахъ и ученіи, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому богату и убогу, смиренъ же, молчаливъ и рѣчистъ, книгами святыми утѣшая печальныхъ, и таковаго не было въ Руси прежде.

На его мѣсто исходатайствовала Янка, дочь великаго князя Всеволода, изъ грековъ митрополита Іоанна же скопца, коего увидѣвъ народъ, что онъ худъ и сухъ, сказали: „се, мертвецъ пришелъ“, и чрезъ годъ умеръ, былъ мужъ не книжный, и умомъ простъ и простоглаголивъ.

По семъ же Іоаннѣ скопцѣ былъ митрополитъ Ефремъ изъ грековъ, который былъ прежде епископомъ Переяславльскимъ, и потомъ сталъ митрополитомъ Кіевскимъ, а жилъ въ Переяславлѣ, ибо Лѣтописецъ Никоновскій пишетъ, что митрополиты Кіевскіе въ то время болѣе жили въ Переяславлѣ, и тамъ епископовъ святили. Сему митрополиту Ефрему приписываютъ, что онъ создалъ великую соборную въ Переяславлѣ церковь святаго Михаила и многія другія церкви, и весьма ихъ украсилъ, и градъ Переяславль заложилъ каменный, и совершилъ его чудно. Но, сверхъ того, устроилъ бани каменныя, и больницы и врачей, и лѣчить опредѣлилъ безъ платежа, не только въ городѣ Переяславлѣ, но и по другимъ своимъ городамъ митрополитскимъ и по уѣздамъ, чего дотолѣ не было въ Россіи. Тоже устроилъ и въ Греціи, въ своемъ городѣ Милитинѣ; посему митрополитъ Ефремъ заслужилъ почитаться „достопамятнымъ“.

Все сіе было при владѣніи великаго князя Всеволода Ярославича, который вступилъ на мѣсто Изяслава Ярославовича, брата

своего, и былъ самодержцемъ всея Россіи; преставился 1093 года и погребенъ въ великой церкви Софійской. Былъ онъ издѣтска боголюбивъ, любитель правды, милователь убогихъ, почиталъ епископовъ и пресвитеровъ, попремногу любилъ черноризцевъ, и снабжалъ ихъ всѣмъ потребнымъ, воздержень отъ піянства и похоти, и любимъ былъ отцемъ своимъ паче братій своихъ.

На мѣсто его вступилъ на великое княженіе Святополкъ Изяславичъ. Во время сего княженія Ефремъ митрополитъ скончался, правивъ паствою 4 или 5 лѣтъ; былъ много добродѣтеленъ и святъ. И повѣствуется, что въ его время было перенесеніе мощей святителя Николая изъ Муръ Ликійскихъ въ градъ Баръ. Онъ уставилъ праздновать сей праздникъ Мая 9 дня въ Россіи: ибо извѣстно, что у грековъ сей день не празднуется.

По Ефремѣ былъ Николай грекъ, а по Николаѣ—Никифоръ, грекъ же. И хотя нѣкоторый Лѣтописецъ Николая не помнитъ, а полагаетъ о Никифорѣ, что онъ акибы изъ Полоцкихъ епископовъ поставленъ митрополитомъ русскими епископами; но другіе Лѣтописцы и каталоги полагаютъ Николая, а потомъ Никифора, и что они оба—изъ грековъ, и посвящены Цареградскимъ патріархомъ,—и пришелъ Никифоръ въ Русь въ 1106 году, правилъ паствою 10 лѣтъ.

Помнается, что Никифоръ митропол. поставилъ епископа Мину въ Полотскъ, а посему открывается епархія Полотская; но въ коемъ году она учреждена, кѣмъ, неизвѣстно. Гор. Полотскъ и нынѣ находится; но нѣтъ въ немъ православныхъ епископовъ, имѣются уніатскіе.

Сей митрополитъ Никифоръ многихъ князей Россійскихъ, въ непрестанномъ междоусобіи бывшихъ, примирялъ, колико могъ. Сей же митрополитъ, по просьбѣ игумена Печерскаго и по совѣту князя Святополка, уставилъ въ 1108 году, чтобы святаго Ѳеодосія вездѣ по Русской землѣ почитали Божіимъ угодникомъ, и день его праздновали. А въ 1114 году преставился великій князь Михаилъ, или Святополкъ Изяславичъ; и на его мѣсто вступилъ Владиміръ Всеволодовичъ „Мономахъ“.

ГЛАВА XII.

При семъ великомъ князѣ Владимірѣ и при митрополитѣ Никифорѣ началъ продолжать Несторову лѣтопись Сильвестръ, игуменъ святаго Михаила, въ 1116 году; а въ 1117 или 1118 годахъ святымъ Антоніемъ основанъ Антоніевъ монастырь въ Новгородѣ. Въ 1119 г. заложенъ въ Новгородѣ Юрьевъ монастырь игуменомъ Куріакомъ, при князѣ Всеволодѣ Мстиславичѣ; а иные относятъ его основаніе къ Ярославу или Георгію Владиміровичу.

Никифоръ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, скончался въ 1121 году, посвятивъ на многія прежде реченныя епархіи епископовъ, пасъ Церковь 15 лѣтъ; и въ тотъ же годъ пришелъ митрополитъ изъ Царьграда, грекъ Никита, посвященный цареградскимъ патріархомъ на Кіевъ и всея Россіи.

И посвятилъ Никита митрополитъ епископомъ Симеона во Владиміръ, не на Клязьмѣ; но Лѣтописецъ точно говоритъ, что во Владиміръ Волынскій. А каталогъ несправедливо счисляетъ его между епископами Владимірскими на Клязьмѣ. Посему слѣдуетъ разумѣть и прочихъ епископовъ Владимірскихъ и епархію Владимірскую не на Клязьмѣ, а на Волыни. Пишется, что митрополитъ Никита затворилъ въ темницѣ злаго еретика Дмитра, опровергающаго уставы церковные; кто сей былъ Дмитръ, и въ чемъ состояла его ересь,—не объясняется; но видно, что изъ сего худыхъ послѣдствій не вышло.

Въ Кіевѣ въ 1124 году былъ великій пожаръ, и сгорѣло единыхъ церквей, Несторъ пишетъ—до шести сотъ, а списокъ Никоновскій—до семи сотъ; но Татищевъ Лѣтописецъ полагаетъ только тридцать церквей.

А въ 1125 году скончался великій князь Владиміръ, въ крещеніи Ѳеодоръ Мономахъ Всеволодовичъ, и погребенъ въ Кіевѣ, въ Софійской церкви съ отцемъ и дѣдомъ своимъ. Былъ украшенъ всякими добрыми нравы и славенъ въ побѣдахъ такъ, что всѣ окрестныя страны боялись имени его. Всѣхъ Россійскихъ князей содержалъ во власти, и тѣмъ удерживалъ междоусобія. Прозванъ Мономахомъ или единоборцемъ для того, что, бывъ въ Херсонской землѣ у Кафы въ походѣ, воеводу херсонскаго на поединкѣ поразилъ, и, взявъ его живого и снявъ съ него живого золотую драгоцѣнную цѣпь и поясъ, на себя возложилъ.

По смерти его вступилъ на великое княженіе въ Кіевѣ сынъ его, Мстиславъ Владиміровичъ, въ крещеніи Петръ.

Митрополитъ Никита скончался въ 1126 году, правивъ Церковію 5 лѣтъ; а на его мѣсто вступилъ митрополитъ Михаилъ изъ грековъ, посвященъ отъ Цереградскаго патріарха.

Сей митрополитъ Михаилъ посвятилъ во епископа въ Смоленскъ епископа Михаила, а по инымъ—Мануила скопца, въ 1137 году. А по инымъ, первый епископъ въ Смоленскѣ былъ Игнатій въ 1128 году; а по Игнатіи—Лазарь, по Лазарѣ же—Мануилъ скопецъ. Сей Мануилъ изъ грековъ привелъ съ собою лучшихъ пѣвцовъ, и обучали людей пѣнію, конечно, греческому на распѣвъ греческій. И тако вновь открылась епархія Смоленская при митрополитѣ Михаилѣ, и при великомъ князѣ Мстиславѣ Владиміровичѣ.

При томъ сей же митрополитъ посвятилъ Ѳеодора скопца во Владиміръ Волынскій, по преставленіи епископа Владимірскаго въ Волыни.

*

А чтобы посвящаемы были епископы во Владимірѣ на Клязьмѣ, сего въ Лѣтописцахъ не видно.

При великомъ князѣ Мстиславѣ случилось, что зять Мстиславовъ Всеволодъ согналъ съ княженія черниговскаго дядю своего, Ярослава. Ярославъ просилъ помощи у великаго князя Мстислава противъ зятя его, Всеволода, представляя, что онъ, Мстиславъ, клялся ему и братіямъ его въ томъ, дабы ихъ никому не дать въ обиду; и хотя многіе вельможи совѣтовали Мстиславу не лишать зятя Чернигова и войны не начинать, но Мстиславъ клятвы своей нарушить не хотѣлъ. Въ сіе время нѣкоторый игуменъ Григорій Андреева монастыря былъ въ великой милости у Мстислава и у Владиміра, отца его, и въ почтеніи у всѣхъ людей. Сей игуменъ, въ небытность митрополита, и съ прочими духовными всемѣрно склоняли, чтобы онъ противъ зятя своего войны не предпринималъ. И когда на то Мстиславъ представлялъ, что онъ чрезъ то нарушитъ клятву, данную Ярославу, на сіе игуменъ сказалъ: „на мнѣ буди той грѣхъ, что преступиши крестъ; то бо есть легчайшее, нежели проліяти кровь христіанскую“. И весь священный соборъ тоже рекли: „на насъ буди грѣхъ; сотвори миръ“. И великій князь поступилъ по волѣ ихъ, нарушилъ клятву, и плакался о томъ во вся дни живота своего.

Нѣкоторые изъ новыхъ Лѣтописателей сей поступокъ игумена и духовныхъ охуждаютъ. Въ сужденіе сего вступить я не могу: надлежитъ для сего знать всѣ тогдашняго времени обстоятельства, которыя нынѣ весьма удалены, и въ лѣтописяхъ всѣ объяснены быть не могли. Совѣтъ же сей Мстиславу подавали не одни духовные, но и всѣ бояры, которымъ всѣ обстоятельства были извѣстны, и разумѣли они важность нарушенія клятвы. Итакъ, не входя въ сужденіе сего, а предоставивъ то единому всевѣдующему Богу, скажу только то, что могутъ быть случаи, въ кои клятва должна быть нарушена. Какъ-то Иродъ, обѣщавшись съ клятвою дать своей любовницѣ и до полуцарствія, несравненно лучше сдѣлалъ бы, еслибы сію беззаконную клятву нарушилъ, нежели чтобы, для сохраненія сей клятвы, святаго и неповиннаго Іоанна Крестителя умертвилъ.

Михаилъ митрополитъ посвятилъ во епископа Новгороду Нифонта, мужа святаго; а прежде бывый Іоаннъ сошелъ въ монастырь на безмолвіе.

ГЛАВА XIII.

По преставленіи великаго князя Мстислава Владиміровича, сѣлъ на великомъ княженіи братъ его, Ярополкъ Владиміровичъ Мономаховъ, въ 1132 году.

Въ 1135 году было смятеніе и мятежъ въ Новгородѣ; и Михаилъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, послалъ запрещеніе на весь Новгородъ. Новогородцы же, съ княземъ своимъ Всеволодомъ Мстиславичемъ и съ епископомъ ихъ Нифонтомъ, зѣло оскорбились и послали къ митрополиту въ Кіевъ съ челобитьемъ игумена Исаію и Якуна Иванкова, прося прощенія. Митрополитъ потому самъ поѣхалъ въ Новгородъ, и принятъ съ великою честію отъ всего Новгорода. Но нѣкоторые злые люди начали возбуждать Всеволода Мстиславича воевать на Суздаль и Ростовъ. Впрочемъ, митрополитъ Михаилъ всемѣрно уговаривалъ и удерживалъ, чтобы не проливали крови христіанской; „и аще“,—говорилъ,—„преслушаете меня, пойдете на Суздаль и Ростовъ, не выгодно вамъ будетъ. Аще бо и грѣшенъ есмь, но и мене грѣшнаго услышитъ Господь Богъ, молящася Ему со слезами“. Однако, Новгородцы его не послушали и негодовали на него. Но еще, когда митрополитъ хотѣлъ въ Кіевъ возвратиться, не пустили его, ниже кого изъ его людей, дабы,—говорили Новгородцы,—вѣсти не было въ Суздалѣ и Ростовѣ. Однако, сей ихъ походъ былъ несчастливъ: отъ Ростовцевъ они побѣждены были.

Сей случай для исторіи церковной есть важенъ, что запрещеніе возложено митрополитомъ на весь Новгородъ. О семъ въ Лѣтописцахъ поминается безъ объясненій нужныхъ обстоятельствъ, а именно: въ чемъ состояло возмущеніе, кто въ томъ былъ виновенъ; и на всѣхъ ли гражданъ безъ разбора было возложено запрещеніе. Ибо полное запрещеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ церквахъ службы никакой не производить, и въ домы ни съ какими требами священникамъ не ходить; а потому многіе запрещенные должны были умирать безъ исповѣди и святаго причастія, и быть погребаемы безъ отпѣванія, а младенцы оставаться безъ крещенія, браки—безъ вѣнчанія. И еслибы вообще всѣ граждане безъ изъятія сему запрещенію были подвержены, трудно бы было сіе согласить съ справедливостію, съ порядкомъ и установленіемъ церковнымъ. Ибо, конечно, многіе изъ гражданъ могли быть не только въ томъ смятеніи не участны, но едва ли о причинахъ его и свѣдущи. Запрещеніе же церковное не можетъ падать, развѣ лично на грѣшника некающагося; и то не въ дѣлахъ гражданскихъ и мірскихъ, но въ дѣлахъ совѣсти, нарушающихъ правила вѣры и подлежащихъ суду Божію. Почему объ ономъ поступкѣ митрополита, не находя въ лѣтописяхъ объясненія всѣхъ обстоятельствъ, безошибочно судить не можно.

Сей же митрополитъ, по тогдашнему непрестанному князей между собою смущенію и междоусобію, примирялъ ихъ, какъ-то: великаго князя Ярополка съ племянниками его, въ 1136 году; но смерти же Яро-

полка также примирилъ онъ Вячеслава Владиміровича, который уже вступилъ было въ Кіевское владѣніе со Всеволодомъ Ольговичемъ въ 1138 году, каковый Всеволодъ и сѣлъ на великомъ княженіи въ Кіевѣ.

Митрополитъ Михаилъ, видя неустроенія и мятежи между князьями Россійскими и не возмогши болѣе сносить таковыхъ безпокойствъ, оставилъ митрополію и возвратился въ Царьградъ въ 1145 году; былъ мужъ добродѣтеленъ и святъ.

По великомъ князѣ Кіевскомъ Всеволодѣ, былъ краткое время, яко двѣ недѣли, на великомъ княженіи братъ его, Игорь Ольговичъ; а потомъ, въ 1146 году, вступилъ на великое княженіе въ Кіевѣ Изяславъ Мстиславичъ.

Не было митрополита въ Россіи, доколѣ не было извѣстія о кончинѣ въ Царьградѣ предреченнаго Михаила митрополита, который оттуда не возвратился, а пасъ Церковь Божію 19 лѣтъ.

ГЛАВА XIV.

По смерти его поставленъ въ митрополиты Кіева и всея Россіи Климентъ, или Климъ Россіянинъ, взятый изъ Смоленска, гдѣ онъ пребывалъ въ затворничествѣ и былъ схимникъ, непрестанно упражняясь въ молитвѣ и въ чтеніи божественныхъ книгъ; былъ зѣло книженъ и учителенъ, и многія книги написалъ. Посвященъ же былъ своими шестью епископами въ Кіевѣ, въ 1147 году, безъ всякаго отношенія къ Цареградскому патріарху. А на посвященіи его были епископы: Онуфрій Черниговскій, Ѳеодоръ Бѣлоградскій, Евонмій Переяславскій, Даміанъ Юрьевскій, Ѳеодоръ Владимірскій и Мануилъ Смоленскій.

Пишется въ нѣкоторыхъ Лѣтописцахъ, аки бы Климента посвящали главою Климента папы Римскаго, которую святый Владиміръ принесъ съ собою изъ Корсуня; но во многихъ Лѣтописцахъ сего не обрѣтается. И ежели сіе такъ происходило, то таковое постановленіе было странное, и ни мало съ церковнымъ положеніемъ не согласное. Можетъ быть, думали сіи епископы тѣмъ замѣнить благословеніе патріархово, и свое постановленіе чрезъ то болѣе уважить.

Таковое поставленіе Россіянина безъ отношенія къ Цареградскому патріарху учинено по желанію и повелѣнію великаго князя Изяслава, по причинѣ, какъ нѣкоторые Лѣтописцы пишутъ, мятежа и многихъ волненій, бывшихъ въ Константинополѣ; а болѣе, какъ примѣчательно, великому князю не угодно было, что прежній митрополитъ грекъ оставилъ митрополію и выѣхалъ изъ Россіи,—опасаясь, чтобы и впредь таковаго, или подобнаго отъ грековъ не случилось.

На таковое поставленіе добровольно ли, или нѣтъ, согласились и Россійскіе епископы. Но многіе на сіе вознегодовали не только изъ духовныхъ, но и изъ мірскихъ князей, особливо тѣ, кои не доброжелательствовали великому князю Изяславу, а держались стороны великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукова, который былъ соперникъ Изяславу. Болѣе всего сему воспротивился Нифонтъ, епископъ Новгородскій, другъ князя Юрія Владиміровича; и когда митрополитъ приглашалъ его съ собою служить, онъ отрицался, представляя какъ онъ, такъ и другіе, кои тѣмъ постановленіемъ не были довольны, что таковое поставленіе есть не правильно: поелику оно, въ противность прежнихъ примѣровъ и постановленія, учинено безъ благословенія патріарха Царградскаго и тамошняго собора. Въ семъ епископъ Нифонтъ и посланіями частыми отъ патріарха Цареградскаго похваляемъ и подкрѣпляемъ былъ; и въ семъ мнѣніи Нифонтъ и скончался. Ибо, услышавъ, что новый митрополитъ Кіеву въ Царьградѣ поставленъ Константинъ грекъ, весьма тому возрадовался и полетѣлъ въ Кіевъ, дабы признать его митрополитомъ и получить отъ него благословеніе. Но, не возмогши сего дождаться, смертію упрежденъ былъ и погребенъ въ Кіевѣ въ пещерахъ, и причтенъ ко святымъ.

Разсуждая о семъ поставленіи Климента, не находится никакого сомнѣнія, чтобы онъ не могъ быть избранъ и поставленъ своими епископами. Ибо правила дозволяютъ, чтобы митрополитъ былъ избираемъ и поставляемъ отъ сущихъ въ области его епископовъ. Но, по принятому уже обычаю, потребно было на то истребовать отъ патріарха Цареградскаго согласіе, дабы соблюсти соединеніе и союзъ съ церковію восточною,—каковый миръ только есть потребенъ и спасителенъ между всѣми церквами святыми, а особливо тогда для церкви Россійской. Каковое согласіе патріарховъ Цареградскихъ, чтобы Россійскимъ епископамъ избирать и поставлять своихъ не только митрополитовъ, но и патріарховъ, послѣ и послѣдовало, съ сохраненіемъ, однако, мира церковнаго, какъ то въ послѣдствіи увидимъ.

Патріархъ Цареградскій, не почитая, видно, Климента правильнымъ митрополитомъ и отъ нѣкоторыхъ россіянъ къ тому побуждаемый, посвятилъ митрополита Кіеву и всея Россіи Константина изъ грековъ, уже въ 1156 году, еще при жизни митрополита Климента. И того же года пришелъ онъ въ Кіевъ, и срѣтилъ его съ честію самъ великій князь съ дѣтьми, не Изяславъ, но Юрій Владиміровичъ, который тогда былъ на княженіи кіевскомъ, изгнавъ Изяслава; а Изяславъ, бѣжавъ, взялъ съ собою и митрополита Климента.

И въ тотъ же годъ епископъ Ростовскій Несторъ пришелъ въ Кіевъ къ митрополиту Константину поклониться и принять благослове-

ніе; однако, бывъ оклеветанъ отъ домашнихъ своихъ (но не объясняется, въ чемъ то оклеветаніе состояло), отъ митрополита лишенъ епископіи, хотя послѣ оправданъ, а клеветники наказаны. Но и паки Несторъ епископъ изгнанъ съ престола Ростовскаго и Суздальскаго за новое противное преданіе церковному ученію, яко бы, по его мнѣнію, не надлежало разрѣшать на мясо въ день Рождества Христова и Богоявленія, ежели случатся въ среды и пятки; тоже и во всѣ среды и пятки всего года.

При митрополитѣ Константинѣ и Несторѣ, епископѣ Ростовскомъ, при великомъ князѣ Ростовскомъ и Суздальскомъ Андреѣ Боголюбскомъ, съ согласія патріарха Цареградскаго, уставлено праздновать животворящему кресту 1-го Августа; а по какой причинѣ, о семъ явствуетъ въ Прологѣ.

Какъ скоро изгнанъ съ княженія Кіевскаго великій князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, то паки возобновилось несогласіе между митрополитомъ Константиномъ и княземъ Мстиславомъ, сыномъ изгнаннаго Изяслава, ибо сей князь, возобладавъ Кіевомъ и подражая отцу, не терпѣлъ митрополита Константина, держался Климента. И митрополитъ Константинъ, избѣгая таковаго несогласія и боясь мщенія, бѣжалъ изъ Кіева въ Черниговъ, гдѣ и скончался въ 1159 году, правивъ митрополіею 4 года. Но при смерти своей учинилъ странное завѣщаніе, которое исполнить поручилъ епископу Черниговскому Антонію подъ клятвою; а завѣщаніе состояло въ томъ, чтобы по смерти не погребать его ни епископу, ниже другому кому, но, привязавъ къ ногамъ веревку, извлечь тѣло его изъ града и повергнуть на съѣденіе псамъ и птицамъ на расхищеніе. Епископъ, боясь нарушить заклинаніе, исполнилъ сіе; и это всѣхъ привело въ ужасъ и удивленіе. Такимъ образомъ, тѣло поверженное лежало; но на другой день великій князь Черниговскій Святославъ Ольговичъ съ епископомъ Антоніемъ взяли тѣло съ честію и оное погребли въ четвертый день по его кончинѣ.

Между тѣмъ великое преніе происходило о митрополитѣ между великими князьями—Смоленскимъ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Кіевскимъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Смоленскій настоялъ, чтобы возвратить изъ Чернигова митрополита Константина, а Кіевскій держался Климента, говоря, между прочимъ, что Константинъ проклялъ отца его Изяслава. И не могли иначе согласиться, развѣ чтобы оставить обоихъ митрополитовъ, и по иного послать въ Царьградъ къ патріарху; и послали въ 1159 году. И въ тотъ же годъ пришелъ изъ Царьграда на Кіевъ и всея Россіи митрополитъ Ѳеодоръ, и принялъ его съ честію великій князь Кіевскій Ростиславъ Мстиславичъ.

Нѣгдѣ пишется, что аки бы митрополитъ Константинъ, пришедъ въ Кіевъ, собралъ соборъ и низложилъ съ престола Климента, какъ неправильно посвященнаго; да и всѣхъ тѣхъ, кои посвящены были Климентомъ, лишилъ степеней ихъ. Ежели сіе подлинно имъ учинено, то таковаго поступка никакъ оправдать не возможно. Но ни въ какихъ Лѣтописцахъ, мною видѣнныхъ, сего не обрѣтается.

Въ книгѣ—„Пращицѣ“ напечатано, что былъ соборъ въ Кіевѣ при великомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ, въ 1157 году; а потому сему собору должно быть при митрополитѣ Константинѣ (первомъ грекѣ, вмѣсто митрополита Климента въ Царьградѣ поставленномъ)—на одного монаха, именемъ Мартина, который называлъ себя грекомъ, сродникомъ Цареградскому патріарху Лукѣ, но послѣ оказался армянинъ родомъ. Сей Мартинъ училъ разнымъ ересямъ, смѣшанным изъ армянскихъ и латинскихъ заблужденій, между собою несообразныхъ, какъ то, между прочимъ, поститься въ каждую субботу, а въ Великую субботу не поститься; изображать крестъ двуперстно, какъ нынѣ раскольники изображаютъ, ходить въ обрядахъ церковныхъ посолонь, служить на седми просвирахъ, „аллилуіа“, говорить по дважды, и прочія разныя нелѣпости, въ той книгѣ—„Пращицѣ“ исчисленныя. Соборъ былъ отъ всего духовнаго чина, на коемъ Мартинъ былъ осужденъ и проклятъ, ибо хотя во всѣхъ заблужденіяхъ своихъ и принесъ извиненіе и раскаяніе, но въ двухъ ересяхъ, признавая Христа быти единаго естества (что свойственно армянамъ), и что Онъ снесъ плоть съ неба, а не воспріялъ отъ Святыя Дѣвы, остался нераскаяннымъ. Потомъ Мартинъ проклятъ и въ Царьградѣ отъ патріарха Луки и тамошняго собора, и сожженію преданъ. Подлинное дѣяніе сего собора найдено въ Кіевѣ въ Пустыно-Николаевскомъ монастырѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія, и отдано для храненія въ Сѵнодальную Типографскую библіотеку, а списокъ съ него слово въ слово напечатанъ въ 1718 году. Пишущаго Россійскую церковную исторію должно не мало удивить, что о семъ соборѣ ни въ какихъ нашихъ древнихъ лѣтописцахъ, ни въ Степенныхъ, писанныхъ самими митрополитами всероссійскими Кипріаномъ и Макаріемъ, не поминается, даже въ почитаемомъ „Стоглавомъ“ соборѣ, гдѣ нѣкоторыя Мартиновы заблужденія утверждаются, о семъ соборѣ ни словомъ не сказано. И хотя сей соборъ, какъ въ дѣяніи собора пишется, состоялъ изъ всего духовнаго чина; но кто, именно, на семъ соборѣ былъ изъ епископовъ Россійскихъ, которые по порядку должны были приложить руки къ дѣянію, въ томъ дѣяніи не находится; кромѣ, что по листамъ рукою митрополита Константина внизу написанное: „Господинъ Константинъ митрополитъ всея Россіи“, и и проч., увѣряетъ предбудущій родъ, утверждая сей соборъ и ручаясь

за подлинность онаго.—Ежели по дѣянію сего собора судить, то онаго еретика, монаха Мартина, надлежитъ почитать первымъ начальникомъ и заводчикомъ тѣхъ заблужденій, кои взошли въ Россійскую церковь, и коихъ нынѣ раскольники упорственно держатся. Хотя же раскольники сего собора не принимаютъ и, чтобы онъ былъ, опровергнуть силятся, однако не много чрезъ то себѣ въ защищеніе пріобрѣсти могутъ, ибо и безъ сего собора Церковь православная многія имѣетъ, сильныя къ изобличенію ихъ заблужденія, доказательства, какъ то сіе всякъ благоразумный можетъ видѣть изъ многихъ противу ихъ изданныхъ отъ Церкви книгъ.

ГЛАВА XV.

Въ сіе время владѣніе великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго наиболѣе было въ Ростовѣ и Суздалѣ.

При семъ князѣ, Юрьѣ Владиміровичѣ, полагается основаніе царствующаго града Москвы въ 1147 году, но иные начало ея полагаютъ весьма старѣе. И вѣроятно, что она прежде была, но не велика и не знатна, а великій князь Долгорукій ее лучше устроилъ и въ знатность привелъ. Ежели основаніе Москвы полагать въ 1147 году, то ей до нынѣшняго (1804-го) года будетъ 657 лѣтъ.

По смерти великаго князя Юрія Владиміровича, сынъ его, Андрей Юрьевичъ, прозываемый „Боголюбскій“, вступилъ во владѣніе княженія Ростовскаго и Суздальскаго въ 1158 году и сѣлъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ заложилъ городъ гораздо больше противъ прежняго, и съ особеннымъ раченіемъ его устроялъ и украшалъ.

Притомъ, заложилъ въ семъ градѣ церковь каменную во имя Пресвятыя Богородицы, и оную весьма богато и великолѣпно украсилъ. Въ сію церковь принесъ онъ изъ Кіева образъ Богородицы, о каковомъ глаголютъ, яко писанъ Лукою Евангелистомъ, и каковый принесенъ былъ къ отцу его въ Кіевъ въ кораблѣ, изъ Царьграда, нѣкоторымъ купцомъ Пирогощею; и украсилъ тотъ образъ богатою утварью. Сей образъ нынѣ находится въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ и и называется образомъ „Владимірскія Богородицы“.

Въ сію, толико обогащенную, церковь соборную князь Андрей Боголюбскій далъ великіе доходы, многія лучшія села, и волости, и слободы и, по примѣру святаго Владиміра, уставилъ въ оную церковь собирать десятину, въ торгахъ десятую недѣлю,—тоже со всякаго хлѣба и скота десятину.

Все же сіе дѣлалъ онъ съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобы во Владимірѣ основать столицу великаго княженія, со властію надъ всею Россіею,

а также утвердить въ немъ митрополію всероссійскую, къ чему подавали ему и случай бывшія тогда пренія и негодованія между духовными и мірскими, по причинѣ постановленія митрополита Климента, а потомъ Константина, котораго отецъ его, а, конечно, и онъ не принималъ.

Почему великій князь Андрей Юрьевичъ и отправилъ въ Царьградъ къ патріарху посла своего, Якова Станиславича, прося, да благословитъ градъ Владиміръ митрополіею и да поставитъ въ него митрополита. Но патріархъ съ совѣтомъ собора своего, гдѣ былъ и Несторъ, епископъ Ростовскій и Суздальскій, и посолъ отъ Ѳеодора митрополита Кіевскаго,—на сіе не согласился, отписавъ (и о семъ есть особливое пространное посланіе патріархово къ великому князю), что двумъ митрополитамъ въ Россіи быть по правиламъ не слѣдуетъ; а надлежитъ остаться единому митрополиту въ Кіевѣ по прежнему, какъ издревле было, что Ростовскій епископъ, въ области коего—и градъ Владиміръ, можетъ имѣть пребываніе и во Владимірѣ, коли князь на то соизволитъ. Притомъ оправдываетъ патріархъ епископа Ростовскаго Нестора, аки бы онъ училъ не разрѣшать на мясо въ Господскіе праздники, коли случатся въ среду и пятокъ, и въ прочихъ, на него нанесенныхъ, клеветахъ, въ чемъ-де онъ оправданъ и своимъ митрополитомъ Ѳеодоромъ, а виновнымъ въ томъ—какой-то Ѳеодоръ, видно попъ, который, бывъ лишенъ своей церкви и уча противное церковному преданію, чтобы разрѣшать на мясо во всѣ праздники и парочитыхъ святыхъ, аще случатся въ среды и пятки, и во всѣ же среды и пятки всей Пятидесятницы, и ругая монашескій чинъ, взнесъ сіи клеветы на своего епископа Нестора. Почему и проситъ патріархъ, и опредѣляетъ, чтобы помянутый Несторъ принятъ былъ непремѣнно въ свою епархію въ Ростовъ со всякою почестію. Видно, что для сего оправданія своего былъ Несторъ въ Царьградѣ, а также и посолъ митрополита для того же; а примѣчательно и для того, чтобы воспрепятствовать, дабы другой митрополитъ во Владиміръ поставленъ не былъ.

Итакъ, хотя великій князь Андрей Юрьевичъ не получилъ сего своего желанія; однако, градъ Владиміръ чрезъ его княженіе началъ приходить въ большую силу, такъ, что и въ Кіевъ князи многіе имъ были поставляемы, и Кіевское княженіе начало ослабѣвать, а Владимірское возрастать; напослѣдокъ, Кіевскіе митрополиты и сами пришли во Владиміръ, какъ впослѣдствіи увидимъ.

Между тѣмъ, какъ Несторъ, епископъ Ростовскій, былъ въ оклеветаніи и запрещеніи, а митрополитовъ положили обоихъ не признавать, явился нѣкто Леонъ, или Леонтій епископъ на епархію въ Ростовъ и Суздаль; но Ростовцы и Суздальцы его изгнали: понеже началъ онъ умножать церкви и грабить поповъ. Да и князь Андрей Боголюбскій

его не принялъ и изгналъ, яко не по правиламъ поставленнаго, еще при жизни епископа Ростовскаго Нестора. Потомъ же хотя его, Леона, и принялъ великій князь, но какъ онъ сталъ учить напротивъ помянутаго попа Ѳеодора, чтобы не разрѣшать на мясо въ Господскіе праздники, въ Рождество и на Крещеніе, ежели случатся въ среду или пятокъ,—то паки принужденъ былъ оставить епископію свою и пойти въ Царьградъ, и тако обличенъ и осужденъ былъ предъ патріархомъ и царемъ греческимъ Мануиломъ; и когда Леонъ безстыдно вопилъ противу царя, то слуги царевы ударили его въ шею и хотѣли утопить въ рѣкѣ въ присутствіи россійскихъ пословъ—Кіевскаго, Суздальскаго, Переяславльскаго и Черниговскаго.

Въ сіе же время, въ 1160 году, князь Андрей Владиміровичъ оказалъ прямое дѣйствіе вѣры Евангельской. Ибо когда пошелъ на него войною князь Мстиславъ Изяславичъ, чтобы отнять у него градъ Пересопницу, а по инымъ Песочницу;—князь Андрей послалъ ему сказать: „брате любимый! аще хочеши моея власти, се азъ исхожду изъ града своего, и изъ всея области своея съ женою и съ дѣтьми своими; и имѣніе свое и богатство все оставляю, точію мало на потребу себѣ и дѣтямъ своимъ взяхъ, и умыслихъ лучше въ чужой землѣ нищетствовати, нежели кровь проліяти бѣдно и со грѣхомъ за тлѣнная и мимотекущая; рече бо Господь: кая польза человѣку, аще и весь міръ пріобрящетъ, а душу свою отщетитъ?“... Таковымъ, исполненнымъ мудрости христіанскія, отзывомъ тронутъ бывъ до умиленія и удивленія, князь Мстиславъ оставилъ его спокойна, просилъ у него прощенія и послалъ еще къ нему многіе дары, желая быть въ его любви.

А князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, по сгорѣніи въ Ростовѣ прекрасной и отличной, хотя деревянной, церкви, заложилъ новую, каменную; и при закладкѣ обрѣтены мощи Леонтія епископа, Ростовскаго чудотворца, и съ благословенія митрополита Ѳеодора и Іоанна епископа Ростовскаго уставлено тотъ день праздновать.

Митрополитъ же Ѳеодоръ Кіевскій и всея Россіи примирилъ великаго князя Ростислава Мстиславича Кіевскаго съ великимъ княземъ Черниговскимъ, со Святополкомъ Ольговичемъ и съ другими, и преставился въ 1163 году; насъ Церковь Христову три лѣта.

ГЛАВА XVI.

А на другой годъ пришелъ изъ Царьграда отъ патріарха Іоаннъ митрополитъ на Кіевъ и на всю Русь, и принятъ былъ съ подобающею честію отъ всего духовенства и народа, и отъ великаго князя Ростислава Мстиславича.

Сей митрополитъ Іоаннъ поставилъ епископомъ Новгородскимъ Нілю; и новый епископъ Нілія прежде послалъ многіе дары въ Кіевъ къ митрополиту Іоанну, а потомъ и самъ съ игуменомъ и съ посадники отправился въ Кіевъ; и митрополитъ учествовалъ его зѣло, и благословилъ ему архіепископомъ называться. И оттолѣ, съ 1166 года, стала архіепископія въ Новгородѣ, и началъ епископъ Новгородскій царицаться архіепископъ, владыка Новгородскій; и даровалъ архіепископу Нілію митрополитъ ризы и стихарь со источники; и бысть радость многа въ Новѣгородѣ.

И Новогородцы дали многіе дары митрополиту Кіевскому Іоанну, какъ-то: злато, сребро и жемчугъ, и отъ всякаго шелковаго и отъ всякаго мягкаго, и отъ иныхъ многихъ дары, якоже и число превыде.

И въ тотъ же годъ преставился митрополитъ Іоаннъ Кіевскій и всея Россіи, бывъ митрополитомъ два года; былъ мужъ весьма учительный въ духовномъ знаніи и мірскомъ, и писалъ къ римскому папѣ, увѣщевая его обратиться къ прежнему благочестію.

А на другой годъ, 1167-й, на Кіевъ пришелъ отъ патріарха изъ Царьграда митрополитъ Константинъ, и принятъ честно великимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ и всѣмъ народомъ, и, вшедъ въ церковь, воздали благодареніе Богу.

Сей митрополитъ, узнавъ, что игуменъ Полукарпъ Печерскій, подобно какъ и Ѳеодоръ, поминаемый въ посланіи патріаршемъ, училъ, что всѣ Господскіе праздники и нарочитыхъ святыхъ, хотя бы случились въ среду и пятокъ, можно разрѣшать на сыръ и млеко и яйца, и масло коровье монахамъ, а мірянамъ и на мясо; тоже и на всѣ среды и пятки во всю Пятидесятницу,—сіе митрополитъ съ разсужденіемъ собора воспретилъ и игумена Полукарпа заточилъ. Вспомогали же митрополиту епископы Антоній Черниговскій и Переяславскій. И хотя Черниговскій епископъ возбранялъ своему князю Черниговскому и боярамъ творить сіе; но они его не слушали, а, напротивъ, князь Черниговскій, не терпя таковаго воспрещенія, изгналъ епископа изъ Чернигова, и онъ переселился въ Кіевъ и съ своими къ митрополиту Константину; при семъ же митрополитѣ приходили послы отъ римскаго папы, но кто, именно, и съ какимъ дѣломъ, въ Лѣтописцахъ не объясняется; однако, по извѣстному и всегдашнему желанію и усилію папъ, не для чего иного, какъ чтобы склонять къ пагубному соединенію съ латинами. А нѣгдѣ пишется, что акп бы онъ склонялъ великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго съ сыномъ Мстиславомъ вступить въ крестоносные походы, которые тогда по сумасбродству были производимы почти всею Европою по хитрымъ и дальновиднымъ наущеніямъ папскимъ.

По взятіи и разореніи Кіева въ 1170 году, и по изгнаніи князя Кіевскаго Мстислава Изяславича, который убѣжалъ во Владиміръ Волынскій, Мстиславъ Андреевичъ посадилъ въ Кіевѣ дядю своего Глѣба Юрьевича; а ни отецъ его князь Андрей, ни сынъ его не сѣли въ Кіевѣ, видя изнеможеніе Кіевскаго княженія,—но остались во Владимірѣ на Клязьмѣ, пользуясь властью великаго князя россійскаго.

Въ 1171 году пріиде изъ Царьграда на епископство въ Ростовъ нѣкоторый Ѳеодоръ монахъ, сущій тать и разбойникъ. Онъ былъ постриженникъ Печерскаго монастыря, племянникъ знатнаго нѣкоего боярина, Петра Бориславича. Пошелъ со многимъ имѣніемъ въ Царьградъ и просилъ патріарха, чтобы поставилъ его въ митрополита въ Кіевъ, говоря ложно, что митрополита въ Кіевѣ нѣтъ; но патріархъ не пришялъ словъ его. Онъ же паки настоялъ, чтобы его поставилъ хотя во епископа въ Ростовъ, о коемъ, конечно, увѣрялъ, что епархія праздна, и, по небытности митрополита, не отъ кого въ Россіи поставлену быть. Итакъ, безъ всякаго основанія, видимо, по единому безстыдному мздоимству и симоніи, патріархъ поставилъ Ѳеодора епископомъ въ Ростовъ. Былъ же сей Ѳеодоръ предерзкій, безстыдный, несытый сребролюбіемъ, яко адъ, безчеловѣчный, безожный; тѣломъ зѣло крѣпкій, языкомъ велерѣчивый, мудрованіемъ злохитрый, такъ что нѣкоторые справедливо о немъ говорили, яко отъ діавола есть.

По прибытіи его въ Ростовъ, князь великій Андрей Юрьевичъ не восхотѣлъ принять его; но посылалъ его къ митрополиту Кіевскому, дабы по порядку принять отъ него благословеніе и дозволеніе, но лже-епископъ Ѳеодоръ и слышать того не хотѣлъ, говоря: „не митрополитъ меня поставилъ, но патріархъ вселенскій; такъ отъ кого-же другаго еще искать мнѣ дозволенія и благословенія“? Къ сему дерзновенію приложилъ еще большія и неслыханныя злодѣянія. Досадуя на великаго князя, запрещенію подвергъ весь градъ Владиміръ, да и другія по многимъ городамъ и селамъ церкви, такъ что церкви безъ службы оставались. Вездѣ имѣнія грабилъ, муча князей и бояръ; а постельничаго княжаго, человѣка богатаго, ограбивъ и измучивъ, стремглавъ распялъ; инымъ волосы и головы, и бороды свѣчами сожигалъ, инымъ языкъ, и носъ, и уши, и уста отрѣзывалъ; иныхъ на стѣнахъ и на доскахъ распиналъ, иныхъ пополамъ разсѣкалъ, а женъ богатыхъ, измучивъ, въ котлахъ варилъ; и былъ всѣмъ страшенъ и ужасенъ: рыкалъ, аки левъ; а великъ, аки дубъ; и дерзокъ и безстыденъ, аки діаволъ.

Всѣ люди, видя таковыя злодѣянія лже-епископа сего, пришедъ къ великому князю Андрею Юрьевичу, съ плачемъ просили, чтобы защитилъ ихъ отъ таковаго злодѣя. И хотя великій князь паки увѣ-

щевалъ его, чтобы пересталъ злодѣйствовать, но онъ ругалъ не только князя, но хулилъ Бога и святыхъ. Почему великій князь, поймавъ его и сковавъ, послалъ къ митрополиту Константину въ Кіевъ; но онъ и митрополита ругалъ, и ярясь хулилъ Бога и святыхъ. Потомъ митрополитъ, конечно, съ совѣта собора, и со властію обладателя Кіева, повелѣлъ на шею его навязать жерновый камень и бросить въ воду, говоря по Евангелію: „аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, лучше есть ему паче, да обяжется камень жерновый на выю его и потопленъ будетъ въ морѣ“. Итако злый злѣ погибе. А въ одномъ Лѣтописцѣ пишется, что ему языкъ отрѣзанъ, и рука правая отсѣчена, и глаза выпуты,—чего онъ, конечно, былъ достоинъ.

ГЛАВА XVII.

По убіеніи благовѣрнаго великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, и по причисленіи его къ лику святыхъ за его благочестивое и благотворительное житіе, и по многихъ, послѣ смерти его, мятежахъ и междоусобіяхъ, наконецъ, взошелъ на великое княженіе Владимірское братъ блаженнаго Боголюбскаго, великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, Долгорукова сынъ, а Владиміра Мономаха внукъ, коего княженіе было долговременно и славно.

По смерти митрополита Константина, который правилъ паствою 8 лѣтъ, пришелъ изъ Царьграда на митрополію Кіевскую Никифоръ грекъ. Къ сему митрополиту Никифору великій князь Владимірскій, Всеволодъ Юрьевичъ, избравъ игумена Луку на епископство въ Ростовъ, посылалъ его въ Кіевъ для посвященія. И хотя митрополитъ прислалъ было въ Ростовъ епископа грека Николая; но великій князь не принялъ его и просилъ паки о томъ же,—почему игуменъ Лука и посвященъ митрополитомъ Никифоромъ во епископа Ростова, Суздаля и Владиміра въ 1185 году. И сей Лука былъ молчаливъ, долготерпѣливъ и смиренъ, и милостивъ, и утѣшителенъ, трудолюбивъ, и въ благочестіи подвиженъ.

Тѣмъ же митрополитомъ посвященъ въ Новгородъ въ архіепископа, на мѣсто умершаго Иліи, братъ его родный Гавріилъ. И сей былъ вторый архіепископъ Новгородскій; а по Гавріилѣ былъ посвященъ Мартирій.

Къ великому князю Всеволоду приходилъ епископъ Черниговскій Порфирій въ 1187 году, дабы примирить его съ князьями Рязанскими: поелику Рязань была подъ епископствомъ Черниговскимъ; и, съ помощію Луки, епископа Ростовскаго, склонили великаго князя къ міру. Но Порфирій епископъ, пришедъ въ Рязань, иначе и несовѣстно князьямъ

Рязанскимъ превратилъ слова великаго князя, и сказалъ ложь, опорочивъ тѣмъ свой санъ. И потому съ безчестіемъ возвратился другимъ путемъ въ Черниговъ. Князь Всеволодъ хотѣлъ его поймать, но оставилъ.

По смерти же Луки, епископа Ростовскаго, который погребенъ во Владимірѣ,—по избранію великаго князя Всеволода, посвященъ въ Кіевѣ тѣмъ же митрополитомъ Никифоромъ во епископа Ростова, Суздаля и Владиміра духовникъ великаго князя Іоаннъ, мужъ добродѣтельный и пастырь добрый, въ 1190 году.

Въ сіи годы надлежитъ почитать основаніе двухъ знаменитыхъ монастырей, Рождествина во Владимірѣ, которой почитался первымъ въ великой Россіи и послѣ обращенъ въ каоедру епископскую, и Варламіева Хутыня въ Новѣгородѣ.

Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ въ 1196 году требовалъ отъ великаго князя Кіевскаго Рюрика Ростиславича, свата своего, чтобы ему, яко старѣйшему всѣхъ въ родѣ князей, уступлены были грады: Торческъ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Каневъ. Но князь Кіевскій уже отдалъ тѣ грады зятю своему, князю Роману, съ клятвою и съ крестнымъ цѣлованіемъ, чтобы тѣхъ градовъ никому не отдавать,—и потому крѣпко стоялъ въ томъ, чтобы клятвы не нарушить. Хотя же онъ давалъ другіе города князю Всеволоду, но тотъ другихъ не принималъ, и изъ сего выходила между ними распря великая и опасность войны.

Князь Кіевскій требовалъ въ томъ совѣта отъ митрополита Никифора, и митрополитъ на то сказалъ: „возверзи на Господа печаль твою: азъ сойму съ тебя тотъ грѣхъ, еже цѣловалъ еси своему князю Роману Мстиславичу, да утолится вражда, и да не проліется кровь; даждь убо зятю своему иныя области вмѣсто тѣхъ, а Всеволоду даждь области, ихъ же онъ желаетъ; и утолиши вражду его“. Тогда князь великій Рюрикъ весьма возрадовался, пріемъ совѣтъ благъ отъ митрополита. Сей поступокъ митрополита былъ ли сану его свойственъ, о томъ Богу судить. Но зять Рюриковъ, Романъ, совершенно поправилъ сіе дѣло своею честностію, прямо христіанскою, ибо онъ на то самъ добровольно согласился, говоря своему тестю: „мене ли ради, отче, тебѣ со сватомъ своимъ брань имѣти и въ нелюбви жити? и ты, отче, иную волость вмѣсто тоя дай мнѣ, или купами за ню дай, во что будетъ была“. Но когда паки возгорѣлась между тестемъ и зятемъ война, то митрополитъ Никифоръ ихъ примирилъ и утвердилъ присягою.

Въ 1198 году пишется, что великій князь Всеволодъ Юрьевичъ послалъ епископа Павла въ Переяславль русскій; а Никоновскій Лѣтописецъ пишетъ, что поставленъ Павелъ на епископство въ Переяславль русскій, мужъ тихій, и кротокъ, и смиренъ зѣло. Но изъ какихъ былъ

сей Павелъ, и на чье мѣсто, и кѣмъ посвященъ, и въ какой городъ, въ Переяславль ли, что близъ Кіева, или въ Переяславль, нынѣ зовомый Залѣсскій, не объясняется. Ибо Переяславль Залѣсскій, который прежде назывался Переяславль у озера Клещина, великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ заложенъ былъ уже въ 1195 году. Но по всей связи исторической видно, что Павелъ епископъ поставленъ въ Переяславль русскій, что нынѣ въ малой Россіи.

ГЛАВА XVIII.

Между симъ преставился митрополитъ Кіевскій Никифоръ, 1196 или 1197 года, а на его мѣсто вступилъ митрополитъ Матоей грекъ, неизвѣстно въ коемъ году; но примѣчательно, что около 1200 года: ибо имъ въ Кіевѣ посвященъ во архіепископа въ Новгородъ Митрофанъ въ 1201 году. И потому вѣроятно, что, въ небытность митрополита, послалъ великій князь Всеволодъ въ Переяславль русскій готоваго епископа Павла, о чемъ выше помянуто.

Въ 1204 году латины, франки и венеціане взяли Царьградъ, и, по избіеніи многихъ грековъ, ограбили всѣ церкви и все, что въ нихъ ни было драгоцѣннаго; а книги древнія, уставы царскіе, патріаршескіе и всякую святыню, отличныя иконы и мощи отвезли къ папѣ въ Римъ. И по свойственному папѣ гонительному на Церковь духу, царя и патріарха православнаго греческаго, и епископовъ, и пресвутеровъ изъ Царьграда изгнали, а своихъ развратныхъ поставили, церкви же обратили на свои костелы; и поставили своего царя и патріарха латынина. А патріархъ православный греческій принужденъ былъ удалиться въ Вионнію, во градъ Никею, гдѣ уже нѣкоторые митрополиты Кіевскіе отъ патріарховъ греческихъ были поставляемы, какъ въ послѣдствіи увидимъ. Но Россіяне совсѣмъ были отвращены отъ того, чтобы ходить въ Царьградъ для поставленія отъ латинскаго патріарха, доколѣ чрезъ недолгое время греки паки взяли Царьградъ, и все нечестіе латинское очистили.

Папа Римскій, слышавъ, что Романъ, князь Галицкій, побѣдилъ венгровъ и поляковъ, папѣ единовѣрныхъ, и что всю Русь подъ себя привелъ, прислалъ къ нему въ 1205 году пословъ своихъ, чтобъ его склонять въ латинскую вѣру, обѣщая притомъ ему дать города и сдѣлать его королемъ. Романъ съ ними имѣлъ преніе, доказывая ихъ заблужденіе изъ Священнаго Писанія; а они безстыдно въ своемъ стояли. И какъ между таковымъ преніемъ выговорилъ посолъ папскій: „колико папа есть мощенъ, и можетъ его устроить богата и сильна, знаменита мечемъ Петровымъ“! на сіе князь Романъ, вынувъ изъ

ноженъ мечъ и показавъ его папскому послу, сказалъ: „такой ли то— мечъ Петровъ у папы? Ежели имѣетъ такой, то можетъ города давать; а азъ, доколѣ имамъ его при бедрѣ, не хочу куповати, развѣ кровію, яко же отцы и прадѣды наши размножали землю Русскую". Колико покушеній коварныхъ употреблялъ папа, дабы подвлечь Россію подъ свое иго; но, благоразуміемъ владѣтелей, Богъ отъ того предохранилъ доселѣ.

На Митрофана, архіепископа Новгородскаго, была клевета, неизвѣстно, какая; и Новгородцы, возмутившись, ограбивъ и обезчестивъ, изгнали его и послали въ заточеніе въ Торопецъ. А на его мѣсто избрали Антонія, монаха Хутынскаго, который еще прежде изгнанія Митрофанова ходилъ въ Царьградъ; и оттуда вывезъ, неизвѣстно, какой-то гробъ Господень; и послали его въ Кіевъ къ Митрополиту ставиться. И Антоній поставленъ Матѳеемъ митрополитомъ во епископа въ 1212 году; но едва ли не погрѣшность Лѣтописцевъ: „ибо въ Новгородѣ была уже архіепископія".

Въ 1208 году [1]) поминается Рязанскій епископъ Арсеній, который умолилъ съ Рязанцами, чтобъ великій князь Всеволодъ Юрьевичъ не воевалъ на градъ ихъ,—что и учинилъ князь Всеволодъ. Но въ слѣдующемъ году, когда тотъ же князь городъ Рязань сжегъ, и людей всѣхъ вывелъ съ собою во Владиміръ, и всю Рязанскую землю пусту сотворилъ, тогда и епископа ихъ Арсенія вывелъ съ собою.

Въ сіе ли время Рязанская епархія устроена, или прежде, или сей епископъ откуда пришелъ, и на то время въ Рязани по какимъ-либо обстоятельствамъ пребывалъ, въ Лѣтописцахъ найти не могъ. Впрочемъ, выше помянуто объ епископѣ Черниговскомъ Порфиріи, приходившемъ къ сему же князю для смиренія, что Рязань состояла подъ епископіею Черниговскою.

Въ 1210 году Матѳей, митрополитъ Кіевскій, приходилъ къ великому князю Всеволоду во Владиміръ отъ великаго князя Всеволода Чермнаго, и отъ всѣхъ Ольговичевъ Черниговскихъ, дабы ихъ примирить, что и учинилъ; и князь Всеволодъ съ честію его принялъ.

Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ въ 1213 году скончался и погребенъ во Владимірѣ. Былъ славенъ по всей Россіи: ибо многія войны произвоцилъ съ успѣхомъ и правилъ благоразумно, княживъ 37 лѣтъ. А прежде его, въ 1205 году, жена его Марія скончалася, постригшися, во благочестіи, бывъ украшена всякими добродѣтелями христіанскими, и погребена во Владимірѣ, въ построенномъ ею монастырѣ, называемомъ Княгининымъ.

---

[1]) О семъ поминается въ Никоновскомъ Лѣтописцѣ, на листѣ 302

По смерти князя Всеволода, сѣлъ на великомъ княженіи Владимірскомъ сынъ его Юрій младшій; а старшій его братъ, Константинъ,— на Ростовѣ и Ярославлѣ, по завѣщанію отцовскому; чѣмъ Константинъ былъ недоволенъ.

Князь Юрій Всеволодовичъ выпустилъ содержимыхъ князей Рязанскихъ и епископа ихъ Арсенія.

Въ 1214 году Угорскій, или Венгерскій Король посадилъ въ княженіи Галицкомъ, что въ Польшѣ, сына своего и православныя церкви преобратилъ въ латинскія; но сіе разумѣть надлежитъ, что сіе учинилъ онъ съ нѣкоторыми церквами и нѣкоторыхъ принудилъ на унію. Ибо извѣстно, что весьма долгое время православіе въ Галицкомъ княженіи, или, какъ нынѣ называютъ, въ Галиціи продолжалось; и потому православный митрополитъ Кіевскій, и по раздѣленіи Митрополіи, назывался Кіевскимъ и Галицкимъ, и нынѣ сію титлу себѣ присвояетъ.

Во Владимірѣ же хотя не было особаго епископа, а былъ одинъ Ростовскій, Суздальскій и Владимірскій; но какъ княженія раздѣлились: Ростовское осталось при Константинѣ, а Владимірское—при Юрьѣ Всеволодовичахъ, и между ними было несогласіе: то и не восхотѣли, чтобъ власть духовная зависѣла отъ другаго княженія. И потому, какъ Іоаннъ, епископъ Ростовскій, Суздальскій и Владимірскій, мужъ добродѣтельный, оставилъ свою епископію (вѣроятно, убѣгая того затрудненія, что одинъ князь хотѣлъ пребывать ему въ Ростовѣ, а другой во Владимірѣ) и пошелъ въ монастырь на уединеніе, то и выбрали князи себѣ епископовъ особыхъ.

Князь Константинъ избралъ въ Ростовъ игумена Пахомія, отца своего духовнаго, а князь Юрій Рождественскаго Владимірскаго игумена Симона въ Суздаль; и послали ихъ въ Кіевъ, гдѣ митрополитомъ Матѳеемъ и посвящены оба въ одинъ 1215 годъ. Итакъ, новая прибыла епархія Суздальская; и епископы Суздальскіе были вмѣстѣ и Владимірскіе и Тарускіе; и обыкновенно по столицѣ великаго князя пребывали во Владимірѣ; а Ростовскіе епископы уже остались Ростовскими и Ярославскими.

По смерти же Пахомія, въ Ростовъ посвященъ во епископа монахъ Кириллъ Матѳеемъ митрополитомъ, въ 1216 году.

Въ 1218 году епископъ Полоцкій Владиміръ принесъ изъ Царьграда къ великому князю Константину Всеволодовичу въ городъ Владиміръ часть нѣкую страстей Господнихъ, и нѣкоторыя мощи, которыя, съ особеннымъ церковнымъ обрядомъ, были встрѣчены и поставлены въ церкви; и епископъ Полоцкій, конечно, не остался безъ награжденія.

*

Антоній, архіепископъ Новгородскій, пошелъ въ Торжекъ; а Новгородцы въ то время приняли паки изгнаннаго прежде архіепископа Митрофана,ославъ къ Антонію сказать: „ступай, куда тебѣ любо“. Антоній пришелъ въ Новгородъ, и было между нимъ и Митрофаномъ преніе; и Новгородцы обоимъ епископамъ сказали: „подите въ Кіевъ къ митрополиту Матѳею, и кого онъ намъ пришлетъ, тотъ намъ и Владыка“. И послали ихъ въ Кіевъ съ выбранными отъ себя. И митрополитъ Митрофана оправдалъ, и, тотъ возвратился въ Новгородъ; а—Антонію далъ епископство Перемышльское въ Польшѣ. Когда сіе епископство уставлено, извѣстія не нахожу. Но извѣстно, что въ Польшѣ изъ давнихъ лѣтъ, кромѣ помянутыхъ нами епископовъ,—Владимірскаго на Волыни, Юрьевскаго, Переславльскаго, Холмскаго, Полоцкаго, были еще въ Польшѣ епископы православные, Галицкіе въ Галиціи, Минскіе, Туровскіе, Луцкіе и Острожскіе, и прочіе.

ГЛАВА XIX.

Матѳей, митрополитъ Кіевскій, преставился въ 1221 году; пасъ Церковь Божію 8 лѣтъ. Въ томъ же году великій князь Юрій Всеволодовичъ заложилъ городъ на устьѣ рѣки Оки, и нарекъ его Новымъ градомъ Нижнимъ.

А въ 1224 году поставленъ митрополитъ Кіеву и на всю Русь Кириллъ грекъ; а иные пишутъ, что россіянинъ посвященъ въ Никеи греческими архіереями, по благословенію патріарха Германа.

По смерти архіепископа Новгородскаго Митрофана избрали Новгородцы въ архіепископа монаха Хутынскаго Арсенія; но пришелъ паки изъ Перемышля прежній архіепископъ Антоній въ Новгородъ и сѣлъ на своемъ столѣ; однако, скоро сошелъ съ архіепископіи и переселился въ монастырь Хутынскій. Но какъ была великая и долговременная отъ дождя непогода, Новгородцы причли сіе въ вину избранному отъ нихъ архіепископу Арсенію, говоря, что онъ согналъ архіепископа Антонія на Хутынь, давъ многу мзду князю Ярославу: то его, Арсенія изгнали въ Хутынь, а Антонія архіепископа изъ Хутыня паки посадили на архіепископство; и отъ того былъ великій мятежъ въ городѣ, и иные ограблены, а иные убиты. И послѣ таковаго мятежа избрали жребіемъ монаха Спиридона, и послали его въ Кіевъ съ посадникомъ и съ первыми людьми, и онъ поставленъ во архіепископа митрополитомъ Кіевскимъ Кирилломъ, 1230 года. И примѣчательно, что Арсеній избранъ только во архіепископа, но не посвященъ: ибо о поставленіи его не упоминается. А Антоній разболѣлся вельми и онѣмѣлъ, и былъ нѣмъ черезъ 6 лѣтъ, и скончался въ 1232 году.

Въ 1226 году князь Владимірскій Юрій Всеволодовичъ съ племянниками своими пошелъ ратовать противъ князя Олега Курскаго; тогда же случился тамъ митрополитъ Кіевскій Кириллъ, и онъ ихъ смирилъ и до кровопролитія не допустилъ.

А князь Юрій, полюбивъ его, просилъ къ себѣ во Владиміръ; и въ бытность сію во Владимірѣ поставилъ онъ въ епископа игумена, а, по нынѣ Лѣтописцамъ, архимандрита Рождественскаго, что во Владимірѣ, Митрофана Суздалю, Владиміру и Переславлю Залѣсскому, на мѣсто бывшаго епископа Суздальскаго и Владимірскаго Симона, который сошелъ въ монастырь и, посхимившись, скончался, и погребенъ во Владимірѣ. Ежели сей новый епископъ Митрофанъ былъ подлинно архимандритъ, то едва ли онъ—не изъ первыхъ архимандритовъ Россійскихъ: ибо доселѣ нигдѣ не поминаются, а только игумены. По сдѣланіи всякой почести митрополиту Кириллу, князъ Юрій проводилъ его и съ дѣтьми и съ братьями, и онъ возвратился въ Кіевъ.

А въ Новгородѣ открылись въ 1227 году волхвы и вѣдуны, погворицы, и многія волхвованія и потворы и ложныя знаменія творили. Поймавъ ихъ, Новгородцы повели въ архіепископскій дворъ, но придворные князя Ярослава за нихъ вступились; однако, Новгородцы, связавъ волхвовъ и раскладши великій огонь, всѣхъ ихъ сожгли. Въ чемъ состояло сіе волхвованіе, потворство и знаменія, исторія не объясняетъ; что, однако, есть весьма желательно, дабы справедливѣе о томъ можно было судить. Ибо нерѣдко отъ одного непросвѣщенія и невѣжества, а иногда и отъ злобы, люди неповинные пострадали или наказаны больше, нежели заслуживала вина ихъ.

Въ сіи времена многіе князи, какъ-то: Владиміръ Всеволодовичъ, братъ великаго князя Юрія, и великій князь Галицкій Мстиславъ Мстиславичъ, и князь Давидъ Муромскій, и княгиня князя Константина, при жизни еще своего мужа, и многіе другіе, постригшись въ монахи или въ схиму, при самой смерти, и скоро потомъ скончались. Чему и и въ послѣдующія времена было много примѣровъ къ подражанію, такъ какъ и при взятіи Владиміра Батыемъ всѣ почти въ церковь укрывшіеся пострижены были, а потомъ сожжены. Не возможно утвердить, чтобъ таковое, при настояніи уже смерти, постриженіе было основательно, или чтобъ жена, безъ развода законнаго отъ мужа, могла принять монашество, а мужъ могъ бы другую понять. Сіе происходило отъ излишней набожности и неумѣреннаго о монашествѣ воображенія А монаховъ самолюбіе могло льстить то, что великія особы постригаются, и черезъ то ихъ состояніе болѣе уважается.

Въ 1229 году одинъ христіанинъ болгарянинъ, именемъ Авраамій, куплю дѣя въ болгарахъ Камскихъ. Волжскихъ и Казанскихъ, и

живя христіански и добродѣтельно, былъ принуждаемъ отрещися вѣры христіанскія; и когда онъ на то никакъ не согласился, по мученіи, отсѣкли ему голову, тѣло же сего мученика оттуда принесли во Владиміръ, и погребли въ монастырѣ Богородичномъ, называемомъ Княгининымъ.

А въ 1230 году, по смерти Кирилла, епископа Ростовскаго, князи Ростовскіе избрали архимандрита Рождественскаго Владимірскаго, Кирилла же, испросивъ его у князя Юрья Владимірскаго, и послали его съ бояриномъ въ Кіевъ, гдѣ и посвященъ митрополитомъ Кириломъ во епископа Ростову, въ 1231 году.

Въ томъ же году было землетрясеніе по всеи Русской землѣ, такъ, что отъ того многія церкви разсѣлися; а въ Печерскомъ монастырѣ трапеза каменная пала во время самаго обѣда, и поставленное яствіе все завалило.

А митрополитъ Кириллъ пошелъ изъ Кіева съ Порфиріемъ, епископомъ Черниговскимъ и съ игуменомъ Берестовскимъ въ Володиміръ для примиренія князя Ярослава Всеволодовича Переславльскаго съ княземъ Черниговскимъ Михаиломъ, между коими возставала великая брань; и по многомъ затрудненіи примирилъ ихъ. А нѣкоторые Лѣтописцы, по Матѳеѣ митрополитѣ, полагаютъ — Діонисія и ему приписываютъ сіе примиреніе.

Въ 1233 году преставился въ Новгородѣ князь Ѳеодоръ Ярославичъ, сынъ Ярослава, племянникъ князя Владимірскаго Юрія, внукъ Всеволодовъ, и положенъ въ Юрьевѣ монастырѣ. А бракъ уже былъ изготовленъ: и невѣста приведена, и князи и бояре съѣхались, и вся красная и сладкая уготована; но все обратилось въ плачъ и рыданіе. Примѣръ превратовъ человѣческой жизни!

Въ семъ 1233 году полагается кончина Кирилла, митрополита Кіевскаго; но сей ли, о коемъ сказано въ 1224 году, или другой, есть не безъ сомнѣнія. Ибо въ нѣкоторыхъ Лѣтописцахъ и каталогахъ поставляются два митрополита, сряду оба Кириллы: о первомъ иные пишутъ, что онъ въ 1230 году оставилъ престолъ, и вмѣсто него былъ Кириллъ причетникъ; а другіе пишутъ, что скончался въ 1233 году. Гдѣ онъ посвященъ и кѣмъ—не видно; а, вѣроятно, россійскими епископами. А Лѣтописецъ Никоновъ утверждаетъ, что и сей послѣдній Кириллъ былъ гречинъ присланъ изъ Никеи, книженъ и философъ велій.

На мѣсто умершаго митрополита Кирилла пришелъ Іосифъ грекъ на Кіевъ, и на всю Русь изъ Никеи отъ патріарха, въ 1236 году.

ГЛАВА XX.

Въ 1237 году найде на всю Россію несчастливѣйшее безвременіе. Татары, пришедшіе подъ предводительствомъ князя ихъ, или царя Батыя, поплѣнили всю землю Русскую, начавъ отъ Рязани: и Москву, и Владиміръ, и Суздаль, и Ростовъ. и Ярославль, и Галичъ, и Переславль, и Дмитровъ, и Тверь, и Торжокъ, мало не дошедши Новгорода. Потомъ взяли Переяславль, городъ въ малой Россіи (и епископа Переяславльскаго убили), и Черниговъ, а, напослѣдокъ, въ 1240 году и Кіевъ; и вездѣ все разорили и пожгли, и князей по большей части избили, въ числѣ ихъ убитъ и великій князь Владимірскій Юрій Всеволодовичъ, и племянникъ его князь Василько Константиновичъ, князь добродѣтельный, и премногіе другіе. И тако вся почти Россійская земля разорена и опустошена; обстоятельное и многоплачевное описаніе сего читай съ горестію духа въ Лѣтописцахъ нашихъ древнихъ. Таковаго несчастія и можно было ожидать. Отъ самыя кончины святаго Владиміра, слишкомъ чрезъ двѣсти лѣтъ, почти никогда не переставали междоусобныя войны, ибо не было единодержавія, чтобъ всѣ князи Россійскіе были подвластны единому государю. Хотя и почитался великій князь Кіевскій, а потомъ Владимірскій, яко глава между князьями Россійскими, но не таковая его была власть, чтобъ прочіе князья почитали себя его подданными и повелѣніямъ его безотрицательно повиновалися; но всякъ почиталъ себя въ своемъ княженіи полновластнымъ и ни отъ кого независящимъ; а только нѣсколько уважали того, кто изъ нихъ былъ сильнѣе другихъ, Почему и на Кіевскаго великаго князя и Владимірскаго, видя ихъ безсиліе, нападали и ихъ съ великаго княженія сгоняли, и сами на томъ княженіи садились, доколѣ кто сильнѣйшій не свергнетъ и ихъ. И сіе происходило не между иноплеменными и чуждыми, но между своими ближними и сродными: братья на братьевъ, дядья на племянниковъ, и племянники на дядьевъ; ближніе скойственники на свойственниковъ, какъ-то, зятья на тестей, а тести на зятей. А иногда и отцы на дѣтей, и дѣти на отцовъ возставали, и ратовали злѣйшимъ образомъ, не яко человѣки, кольми паче не яко христіане, но яко лютые звѣри. И таковое междоусобіе было почти непрестанное, такъ, что рѣдко проходилъ годъ, чтобъ Лѣтописцы не сказали: „въ такое-то и въ такое-то лѣто бысть сѣча злая“. Причиною же всему тому было честолюбіе и корыстолюбіе. Всякъ хотѣлъ выставлять себя выше другихъ, и всякъ стремился чужое отнять и свое умножить; по несчастію же не было никакого твердаго положенія о наслѣдіи: всякъ изъ сродниковъ умершаго почиталъ владѣніе его принадлежащимъ себѣ, ежели онъ только былъ сильнѣе другихъ сродниковъ.

Въ таковой междоусобной враждѣ падали грады, села и деревни, и вмѣсто жатвы вездѣ были посѣкаемы люди, яко серпомъ класы. Бѣдные подданые должны были таковой власти жертвовать и всѣмъ имѣніемъ и жизнію. И какъ земледѣлія и рукодѣлія вездѣ были разоряемы, то и по нуждѣ многіе принуждены были вступать въ ратники, чтобъ получить добычу, и симъ грабежомъ себя прокормить. Притомъ, и въ стороннія съ иноплеменными войны вступали очень нерѣдко, весьма несправедливо, и безъ всякой причины; только единственно чтобъ оказать свою храбрость, и добычею непріятелей обогатиться. Почему и иноплеменные, бывъ тѣмъ разорены и насильствованы, взаимно старалися отмщать и, приходя во границы Россійскія, все разорять, сожигать, ограблять, убивать и плѣнять.

Удивляются нѣкоторые, что земля Россійская мало населена въ разсужденіи пространства земли, и въ сравненіи другихъ земель. Но, разсуждая непрестанныя разорительныя междоусобія, еще надобно удивляться и благодарить милосердіе Промысла Вышняго, что не сдѣлалась Россія совершенно пустынею; особливо, ежели взять въ разсужденіе и татарское прибывшее къ тому разореніе, и ихъ мучительную власть, которой чрезъ то стали подвержены князи Россійскіе, и принуждены были къ царямъ татарскимъ въ Орду ходить, испрашивая или утвержденія на наслѣдственное свое княженіе, или пожалованія того, яко изъ милости, что продолжалось не одинъ вѣкъ.

При таковомъ уже тиранскомъ игѣ татаръ почитать надлежитъ сущимъ гнѣвомъ Божіимъ, что Россійскіе князи, на весьма многіе удѣлы раздѣленные и одинъ отъ другаго независящіе, не только отъ междоусобій не преставали, но едва ли еще не болѣе ихъ умножали, и едва ли не болѣе было разоренія отъ своихъ князей, нежели отъ татаръ. Непрестанно между собою ссорились и бились, и въ своихъ ссорахъ нерѣдко относились къ татарскимъ царямъ. А сіи, при всей своей грубости, знали сію хитрость, что не только отъ междоусобій не унимали, но и паче возжигали, однихъ неправедно свергая, а другихъ неправедно жъ на ихъ мѣсто возводя,—и давали слабѣйшимъ татарскую помощь, которую наши князи не только охотно принимали, но еще и испрашивали. А чрезъ то сильнѣйшій князь становился слабымъ, а слабый еще болѣе ослабѣвалъ. Между тѣмъ народъ, въ ссорахъ сихъ честолюбивыхъ и нечестивыхъ князей, гибъ, земля пустѣла, и все приходило до крайности.

Ежелибъ между Россійскими князьями всегда было согласіе, или паче, ежелибъ единому всѣ подвластны были,—не только бъ татары, но и сколько бъ ни было народовъ, Россію побѣдить никакъ бы не возмогли. Это и самымъ дѣломъ послѣ оказалось при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ первомъ и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Пишущему церковную исторію позволительно взойти въ сіе разсужденіе небезважное, почему христіанская вѣра въ князьяхъ Россійскихъ, яко христіанахъ, мало дѣйствовала. Ибо всѣ они были христіане; а свойство вѣры христіанской есть миръ, любовь, смиреніе и безкорыстіе. Ежели благодать Евангельская въ чью душу прямо вселилась, не допустила бы она, чтобъ тотъ искалъ себѣ возвышенія, съ обидою другихъ, чтобъ грабилъ другаго, присвояя непринадлежащее ему, чтобъ не охотно простилъ нанесенное оскорбленіе или обиду, или не предоставилъ бы то суду Божію; а лучше бъ все претерпѣлъ, нежели чтобъ разорять и проливать неповинную кровь многихъ тысячей людей за едино воображеніе суетной славы, или для пріобрѣтенія корысти тлѣющей и скоро преходящей.

Съ одной стороны, зная таковое свойство духа Христова, съ другой—смотря на столь лютыя и непрестанныя междоусобія, видится, что князи и другіе властелины не были свѣдущи о прямомъ основаніи христіанства, и духомъ Евангелія не были просвѣщены. У многихъ вѣра состояла только въ одной наружности, въ однихъ внѣшнихъ обрядахъ; перемѣненъ наружной видъ, но не перемѣнилась душа. И для того ими строены были многія церкви, монастыри, богатые сдѣланы были вклады, и въ монашество постригались; но въ самое то же время, отъ междоусобій ихъ, кровь невинная лилась потоками. Не угоднѣе ли Богу пощадить одну невинную душу, нежели нѣсколько построить церквей? Многія причиненныя разоренія и убійства могла ли прикрыть монашеская риза? И безъ постриженія всякій христіанинъ обязывается, по Евангелію, отрещися самого себя, и тѣмъ самымъ долженъ онъ отрещися честолюбія и корыстолюбія, кольми паче съ обидою другихъ.

Владиміръ по ревности поспѣшилъ, а духовные греческіе рады были, чтобъ изъ язычниковъ сдѣлать христіанами чрезъ святое крещеніе. Ибо сіе гораздо есть легче, нежели чтобъ правилами Евангелія просвѣтить мысль каждаго, насадить въ сердцѣ плодоносную вѣру и открыть ему, или паче вселить въ него духъ Христовъ.

Но и по крещеніи, духовенство Россійское имѣло необходимый долгъ таковымъ ученіемъ непрестанно просвѣщать новонасажденныхъ христіанъ; однако же, едва ли оно съ надлежащею ревностію свой долгъ исполняло. Россійское духовенство еще само въ томъ имѣло нужду; а греческое, хотя было просвѣщеннѣе, но, можетъ быть, болѣе искало своей корысти и выгодъ мірскихъ, нежели, чтобъ упражнялось въ семъ многотрудномъ званіи; а не безъ того, чтобъ и своего рода честолюбіемъ не были заражены, какъ и мірскіе.

Нельзя сказать, чтобъ духовенство не обучало правиламъ вѣры и житія христіанскаго; но чтобъ сіе обученіе было дѣйствительно, на-

добно было учителямъ показывать образъ примѣрной добродѣтельной жизни; но ежели сего не доставало, то и истинное ученіе своего плода принести не могло. Что ученіе устрояетъ, то худой примѣръ разоряетъ.

Подлинно, исторія открываетъ, что многіе пастыри были просвѣщенные и добродѣтельные; и они многихъ ссорящихся примиряли, и отъ междоусобій и кровопролитій отводили. Сіе дѣлаетъ имъ честь безсмертную. Но какъ, со всѣмъ тѣмъ, междоусобія были всегдашія, то пастыри или не имѣли духомъ Божіимъ горящей ревности къ удержанію отъ того, или были воспящаемы боязнію плоти, чтобъ своихъ мірскихъ выгодъ не лишиться, и самимъ чего не пострадать, или уже сердца увѣщаемыхъ были столь грубы и ожесточены, что никакимъ ученіемъ, никакою ревностію не могли быть къ добру преклонены.

Справедливость велитъ сію честь отдать Россійскому духовенству, что нигдѣ исторія не открываетъ, дабы оно въ сихъ междоусобіяхъ было участно, то есть, чтобъ оно къ какимъ-либо войнамъ и кровопролитіямъ возбуждало, и могло быть почтено настоящею причиною оныхъ.

Сему точнаго и всѣми признаваемаго примѣра, безпристрастный читатель Россійской исторіи не найдетъ, развѣ кто по пристрастію и по заключеніямъ своего умствованія вывести то захочетъ. Были нѣкоторые изъ духовныхъ, которые пріятствовали болѣе одной изъ враждующихъ сторонъ, нежели другой; но, чтобъ отъ нихъ единственно возгаралась война, сего не обрѣтаемъ. Въ общихъ междоусобіяхъ изъ общаго несчастія и они исключаемы не были: грабили и жгли ихъ церкви и монастыри, самихъ лишали всего имѣнія, а иногда и жизни. И сіе приписать должно милосердому Промыслу, что сіи междоусобія не могли совсѣмъ удержать добрыхъ христіанъ, чтобъ они въ разныхъ мѣстахъ, когда одни сожгутъ, не устрояли другихъ домовъ Божіихъ; а нѣкоторые, удаляясь отъ общей бури въ дальнія пустыни, воздвизали тамъ церкви и монастыри, и общее опустошеніе чрезъ сіе сколько-нибудь дополняли. Ежели они, живя въ уединеніи, не были полезны другимъ (хотя сего утвердить не возможно: „не можетъ бо градъ укрытися верху горы стоя“), однако же, не были и вредны, никакого никому несчастія не причиняли. Поистинѣ можно сказать, что всѣ виновники междоусобій и кровопролитій лучше бъ сдѣлали, ежели бъ посвятили себя пустынному житію, нежели оныя начинать производить.

Сіе, что сказано о мірскихъ и о духовныхъ, сказано не такъ, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ не были избранные рабы Божіи, которые, живя въ простотѣ и чистотѣ сердца, служили Богу духомъ и истиною, общее несчастіе оплакивали, бѣдствующимъ подавали возможную руку помощи и молились со слезами милосердому Отцу тварей о мирѣ всего міра. Ибо сіе есть драгоцѣнное Евангельской вѣры свойство, что вѣру

нашу, любовь къ Богу и ближнему, служеніе Ему духомъ и истиною никакія войны, никакіе непріятели, никакія несчастія и разоренія затруднить и удержать не могутъ; но еще нѣкоторымъ образомъ споспѣшествуютъ, Ибо Основатель вѣры уставилъ Церкви Своей быть всегда подъ крестомъ и терпѣніемъ каждому стяжевать животъ свой.

Сказавъ нѣчто, относящееся къ случившемуся въ Россіи общему отъ татаръ разоренію и несчастію, приступимъ къ послѣдованію исторіи нашей.

ГЛАВА XXI.

При взятіи и разореніи Рязани татарами, поминается епископъ Рязанскій, что его соблюлъ Богъ; а потому можно заключить, что были уже епископы Рязанскіе, настоящіе, или временно по случаю бывшіе. А во Владимірѣ, при нашествіи татаръ, великая княгиня князя Юрья Всеволодовича, и съ дѣтьми, со снохами, со внучатами, съ боярами и боярынями, и со многими людьми заперлись въ церкви соборной; но татары, отбивъ церковныя двери, зажгли церковь. Почему всѣ оные и съ епископомъ Суздальскимъ и Владимірскимъ Митрофаномъ, причастившись прежде святыхъ Таинъ и постригшись, сгорѣли на хорахъ.

А въ Ростовѣ убіенныхъ отъ татаръ—великаго князя Юрья Всеволодовича тѣло, которое привезено безъ главы (послѣ найдена и глава), также тѣло и князя Василья Константиновича, племянника его, погребли въ Ростовѣ епископъ Ростовскій Кириллъ и несчастливая Василькова супруга. Былъ же князь Василько красенъ лицемъ, ко всякому благосклоненъ и добродѣтеленъ такъ, что послѣ него никто не могъ служить другому князю. Столько-то его любили!

По убіеніи князя Юрья Всеволодовича Владимірскаго, 1238 года, пришелъ изъ Новгорода во Владиміръ и сѣлъ на великомъ княженіи во Владимірѣ братъ его, князь Ярославъ Всеволодовичъ, и, очистивъ церковь отъ труповъ и костей мертвыхъ, людей оставшихся утѣшилъ. А тѣло брата своего Юрья изъ Ростова перенесъ и погребъ во Владимірѣ,—и положилъ съ отцемъ его, Всеволодомъ; въ Новѣ же городѣ оставилъ сына своего Александра.

Въ 1239 году Батый взялъ Переяславль русскій, что въ малой Россіи, и сожегъ, и епископа Симона и многихъ изсѣкъ, иныхъ въ плѣнъ повелъ. Потомъ такъ же поступилъ и съ Черниговомъ, но епископа Порфирія, плѣнивъ, потомъ отпустилъ.

А въ 1240 году взялъ и разорилъ градъ Кіевъ. Въ нѣкоторыхъ каталогахъ пишется, что митрополитъ Кіевскій Іосифъ убитъ Батыемъ, при взятіи Кіева; но Лѣтописцы о томъ молчатъ. Однако, вѣроятно, ибо

нигдѣ уже о немъ не упоминается до 1250 года; а въ семъ году полагается митрополитъ Кириллъ, какъ ниже увидимъ.

Въ сіи годы, бывъ на княженіи Новгородскомъ, Александръ Ярославичъ одержалъ великія побѣды надъ всѣми окрестными народами, и, получивъ славную побѣду надъ нѣмцами на рѣкѣ Невѣ, применованъ „Невскимъ“.

А отецъ его, великій князь Владимірскій, принужденъ итти въ Орду къ царю Батыю, съ сыномъ Константиномъ, и Батый его отпустилъ съ честію, давъ старѣйшинство во всей Русской землѣ.

Потому же и другіе Россійскіе князи многіе принуждены въ Орду ходить и испрашивать утвержденія на свое владѣніе.

А князь Черниговскій Михаилъ Всеволодовичъ и съ боляриномъ своимъ Ѳеодоромъ, по повелѣнію, пришли къ Батыю въ Орду; и имъ повелѣно было, чтобы напередъ совершить обрядъ, пройти сквозь два раскладенные костры огня и поклониться солнцу, огню и идоламъ. И хотя многіе князи русскіе и бояре по сему исполняли; но князь Михаилъ съ Ѳедоромъ почли сіе отверженіемъ своей христіанской вѣры, чтобы тварь почесть яко Творца, нечестивому велѣнію Батыеву не повинулися, и явно и свободно исповѣдывали Христа и истинную въ Него вѣру,—почему и осужденъ князь Михалъ на смерть. И по многомъ мученіи отрѣзалъ честную его главу, еще повторяющую: „Христіанинъ есмь“, (о стыда!) не татаринъ, но нѣкоторый христіанинъ отступникъ, который отвергся вѣры христіанской и принялъ татарскую. Ту же участь получилъ и боярин Ѳеодоръ. И тако мученическимъ вѣнцемъ увѣнчанные Христову вѣру прославили. Ихъ достодолжно Церковь причла къ лику святыхъ мучениковъ, и ихъ святые останки почиваютъ въ богатой ракѣ въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

Великій же князь Ярославъ Всеволодовичъ, паки бывъ въ Ордѣ и тамъ многія истомленія пріявъ, возвращаясь скончался на пути, въ 1246 году.

По смерти его, царь Батый позвалъ къ себѣ въ Орду сына его, Александра Ярославича Невскаго; и онъ вышелъ отгуда съ честію съ порученіемъ ему Кіева и всея Русскія земли.

ГЛАВА XXII.

Въ 1250 году пришелъ изъ Кіева Кириллъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, въ Черниговъ, потомъ въ Рязань и во Владиміръ, и вездѣ принятъ былъ съ честію. О немъ Лѣтописцы не упоминаютъ, изъ какого былъ рода; но каталоги почитаютъ его россіяниномъ, посвященнымъ отъ патріарха греческаго Арсенія въ Никеи. Но гдѣ до-

толѣ сей митрополитъ былъ, кѣмъ избранъ и отъ кого посланъ, извѣстій нѣтъ; а примѣчательно, что онъ посвященъ въ ономъ 1250 году. Сей митрополитъ, види, что Кіевъ совершенно разоренъ, и правленія порядочнаго въ немъ нѣтъ, мало жилъ въ Кіевѣ, а болѣе ходилъ по разнымъ Россійскимъ градамъ, исполняя должность свою; болѣе же пребывалъ во Владимірѣ, яко тогда знаменитѣйшемъ и столичномъ великихъ князей градѣ. А посему съ сего 1250 года можетъ почтено быть перенесеніе митрополіи Кіевской изъ Кіева во Владиміръ.

Бывъ во Владимірѣ, сей митрополитъ вѣнчалъ бракомъ князя Андрея Ярославовича, а потомъ, пошедъ съ епископомъ Кирилломъ Ростовскимъ въ Новгородъ, гдѣ срѣтилъ его великій князь Александръ Ярославичъ Невскій, и посвятилъ тамъ во архіепископа Новгородскаго Далмата, на мѣсто архіепископа Спиридона.

Сей же митрополитъ, когда великій князь Александръ Ярославичъ Невскій пришелъ паки изъ Орды отъ царя Сартака, съ великою честію стрѣтилъ его со кресты, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ во Владимірѣ, и привѣтствовалъ его на великомъ княженіи Владимірскомъ, на столѣ отца своего Ярослава Всеволодовича, въ 1252 году.

А въ 1254 или 55 году присланы отъ татаръ описывать русскую землю, дабы по той подушной переписи положить платить подать; но въ сію опись не вносили весь духовный чинъ, архимандритовъ и игуменовъ, иноковъ, поповъ, діаконовъ, и крылошанъ, и всего причта церковнаго: „кто на Господа Бога зритъ и служитъ Божіимъ церквамъ“.

Сей поступокъ татаръ примѣчанія и удивленія достоинъ. Почему они духовный Россійскій чинъ изъ описи и изъ платежа податей исключить разсудили? Кажется, какъ они были не христіане, а другой вѣры, и духовные Россійскіе, конечно, паче другихъ были расположены отвращеніемъ къ татарской вѣрѣ, яко, по общему мнѣнію, поганой: то и надлежало бы ожидать, чтобы татары и болѣе духовный чинъ податьми отяготить захотѣли, тѣмъ паче, что въ исторіи послѣ сего времени открываются нѣкоторыя ихъ предпріятія, дабы истребить христіанскую вѣру и ввести свою магометанскую; а потому, ослабивъ и утѣснивъ духовенство, нѣсколько удобнѣе къ тому проложили бы дорогу. По мнѣнію моему видится, что какъ первые завоеватели Россіи, Ордынскіе цари, были не магометанской вѣры, а языческой, почитатели Бога небеснаго; то они ко всякой вѣрѣ имѣли уваженіе, полагая, что какая бы вѣра ни была, но въ ней служеніе воздается единому, общему, отъ всѣхъ почитаемому, Богу. А потому и служители ея не сами по себѣ, но относительно къ Богу, Коего были служителями, таковое, по ихъ мнѣнію, заслуживали уваженіе, какъ и нынѣ таковое есть разсужденіе китайцевъ обо всѣхъ вѣрахъ, отъ коихъ татары

могли сіе заимствовать, поелику татары, происходя отъ монголовъ, коихъ потомки Россію плѣнили, около сихъ же временъ завладѣли Китаемъ. Или, ежели сія мысль есть выше, нежели, чтобы она татарамъ вмѣстительна быть могла, то, можетъ быть, симъ поступкомъ хотѣли они народу Россійскому, самому по себѣ набожному, угодить; а черезъ то привести, чтобы они съ меньшимъ роптаніемъ сносили возлагаемыя на нихъ подати.

Сверхъ того, что татарскіе цари не велѣли духовный чинъ класть въ подушную перепись и освободили ихъ черезъ то отъ подушнаго платежа,—они еще дали митрополитамъ всероссійскимъ Петру, Ѳеогносту и Алексію ярлыки, или граматы, въ коихъ они увольняли весь духовный чинъ отъ всякаго платежа не только ихъ лица, но и все ихъ недвижимое имѣніе, чтобы совсѣмъ ни съ чего отъ духовныхъ никакого сбора не требовать, и даже никакихъ даровъ въ Орду присылать не обязывать. Сіе болѣе видно въ самыхъ тѣхъ ярлыкахъ, кои въ лѣтописяхъ находятся, и особо въ древней Вивліотикѣ напечатаны. Въ ярлыкахъ тѣхъ изображено, что такая духовнымъ милость чинится отъ царей для того, что они за нихъ Бога молятъ, и дабы впредь за нихъ молили Бога.

Такое, учиненное Россійскому духовенству отъ татаръ, облегченіе и отличіе, конечно, могло подать случай, чтобы многимъ захотѣть вступать въ духовный и монашескій чинъ,—къ чему уже и общія междоусобія и разоренія довольно побуждали.

Митрополитъ Кіевскій Кириллъ поставилъ, на мѣсто умершаго епископа Кирилла, въ Ростовъ во епископа Игнатія; и въ томъ же 1261 или 62 году поставилъ онъ епископомъ въ Сарай Митрофана. Симъ поставленіемъ въ Сарай открылась новая епархія, Крутицкая. Сарай, или великіе Сараи, былъ столицею Ордынскихъ царей на Волгѣ; и вѣроятно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ—Саратовъ. Въ томъ городѣ, хотя татарскомъ, но непрестанно находилось множество Россійскихъ князей, по разнымъ дѣламъ,—и нѣкоторые долго тамъ жили; также, купцовъ Россійскихъ для торговли тамъ находилось весьма въ немаломъ числѣ, и всякаго другаго рода людей Россійскихъ. Митрополитъ Кириллъ конечно съ соизволенія, тогда бывшаго, великаго князя Александра Ярославича Невскаго, разсудили для удовольствія, по христіанскому званію Россіянъ и для чести самой Россіи, учредить въ Сараѣ епископство, и сей епископъ, пребывая въ Сараѣ, назывался Сарайскій; и какъ потомъ по близости приписаны къ нему и Рязанской епархіи церкви, стоящія по Дону рѣкѣ: то онъ потому назывался Сарайскій или „Сарскій и Подонскій“. По упраздненіи Орды и освобожденіи Россіи отъ татаръ, сіе епископство перенесено въ Москву, и учреждено его пре-

бываніе на крутой горѣ, на Москвѣ рѣкѣ, называемой „Крутицы“;—и былъ онъ помощникомъ митрополиту всероссійскому Московскому; однако, имѣлъ въ управленіи особую свою епархію, которая нынче вся почти состоитъ въ Калужской губерніи. И хотя просто назывался онъ Крутицкимъ архіереемъ, но писался и провозглашаемъ былъ на нашей памяти „Сарскимъ и Подонскимъ“. Столько-то старики наши умѣли сохранять древность! Въ наше время епископъ сей переименованъ Крутицкимъ и Можайскимъ, а потомъ и совсѣмъ епархія сія упразднена. А въ 1799 году вновь учреждена епархія Калужская и Боровская, въ которую всѣ почти церкви входятъ, бывшія въ Крутицкой или Сарской и Подонской епархіи.

Въ томъ же 1262 году нѣкій монахъ Зосима отрекся Христа и принялъ магометанскую вѣру, и получилъ отъ посла царскаго великую довѣренность, злостно поступалъ съ христіанами; онъ былъ убитъ и брошенъ псамъ на снѣденіе.

А въ 1263 году великій князь Александръ Ярославичъ Невскій, бывъ неоднократно въ Ордѣ, по возвращеніи оттуда, скончался, къ общему всѣхъ сожалѣнію, постригшись въ монашескій чинъ, и, по нареченіи имени „Алексій“, погребенъ митрополитомъ Кирилломъ во Владимірѣ, въ Рождествинѣ монастырѣ, и причтенъ къ лику святыхъ. Потомъ, по бывшемъ въ той церкви, гдѣ были мощи блаженнаго Александра, великомъ пожарѣ и по сгорѣніи всего въ церкви, по прошествіи отъ кончины его 462 лѣтъ, останки его перенесены въ С.-Петербургъ, повелѣніемъ Государя Императора Петра Перваго, гдѣ и учрежденъ монастырь, который нынѣ именуется Александро-Невская Лавра.

ГЛАВА XXIII.

Отъ папъ непрестанныя были покушенія, чтобы Россію совратить къ себѣ: ибо и къ сему великому князю Александру Римскій папа Иннокентій IV не оставилъ прислать своихъ миссіонаріевъ, чтобы его склонить и привлечь въ свою латинскую вѣру, то есть, покорить его и со всю Церковію, и со всѣмъ народомъ своей неограниченной и насильственной власти, присовокупляя къ своимъ уговариваніямъ и лестные козни, что папа можетъ помочь въ сверженіи ига татарскаго. Притомъ папа льстился отъ Александра получить такой же въ томъ успѣхъ, какой онъ исторгъ изъ Галицкаго князя Даніила, Романова сына, который имѣлъ слабость пристать къ латинству; а чрезъ то и всю свою Галицкую область туда же опровергъ. Но послѣ отъ повиновенія папѣ отрекся, за что папа не только его проклялъ, но еще наряднлъ своихъ

епископовъ итти противу его военною рукою, по свойству акибы Евангельскаго духа, принадлежащаго непогрѣшительной главѣ Церкви. Но великій Александръ, бывъ просвѣщенъ Богомъ и твердъ во благочестіи, не могъ уловленъ быть въ сіи сѣти; и отошли отъ него прелестники безъ всякаго успѣха съ посрамленіемъ,—за что Церковь Россійская особо должна прославить его память.

По кончинѣ Александровой, сѣлъ на великомъ княженіи Владимірскомъ и Новгородскомъ братъ его, Ярославъ Ярославичъ.

Въ 1269 году отказался отъ епархіи Сарайской епископъ Митрофанъ, а на его мѣсто поставленъ митрополитомъ Кирилломъ во епископа Ѳеогностъ, и уже наименованъ Переяславльскимъ и Сарайскимъ. Сіе, думаю, учинено въ честь Переяславльской, что въ малой Россіи, древней епархіи, которая, по разореніи Батыемъ Переяславля и по убіеніи епископа, видится, что оставалась безъ особаго епископа.

Когда Новогородцы въ 1270 году выслали отъ себя великаго князя Ярослава Ярославича, и изъ того возгаралась война, а князь и татаръ призвалъ на помощь, чтобы итти на Новогородцевъ; Новогородцы же защищать себя приготовились, и сколько ни просилъ ихъ князь принять его, даже извинялся, въ чемъ ихъ оскорбилъ,—но они въ своемъ упорно стояли: тогда великій князь просилъ митрополита Кирилла, чтобы онъ его съ Новогородцами помирилъ и за него имъ поручился. Это и учинилъ митрополитъ,ославъ къ нимъ грамату и увѣщевая къ миру, а не начинать кровопролитія, притомъ и угрожалъ властію духовною вязанія за непослушаніе, а за князя ручался. И сіе воздѣйствовало благополучно; война отложена, и Новогородцы съ княземъ примирились.

И въ тотъ же годъ оклеветанъ великій князь Рязанскій, Романъ Ольговичъ, предъ царемъ татарскимъ, акибы хулитъ царя и вѣру ихъ. Они же, его поймавъ, принуждали принять свою вѣру; но когда онъ отвергъ то съ презрѣніемъ и обличилъ ихъ вѣры безмѣстіе, тогда они всего его изрѣзали мучительнѣйшимъ образомъ,—и онъ причтенъ къ святымъ мученикамъ.

При семъ нѣкоторые писатели еще полагаютъ, что татары около сихъ временъ свою вѣру перемѣнили на магометанскую, что, видится, и есть истина. Ибо татары, по вѣрѣ своей языческой, были къ иновѣрцамъ снисходительнѣе. А извѣстно, что магометанская вѣра дышитъ и злобою и гоненіемъ противу всякой вѣры; и сіе ея злостное вдохновеніе, думать надлежитъ, было причиною, что такъ звѣрски поступлено съ княземъ Романомъ и другими.

Въ 1271 году великій князь Ярославъ Ярославичъ скончался и погребенъ въ Твери епископомъ Тверскимъ Симеономъ.

Сей Симеонъ былъ первый епископъ Тверскій, и отселѣ надлежитъ числить епархію Тверскую и Кашинскую, но съ котораго именно года, то сказать не могу: ибо не найдено, когда и кѣмъ оный епископъ посвященъ; былъ, впрочемъ, мужъ добродѣтельный и благоразумно строгій.

И потому начало и основаніе епархіи Тверской надлежитъ числить не съ князя Михаила Ярославича, но съ князя Ярослава Ярославича, отца его; и не при митрополитѣ Максимѣ, но при митрополитѣ Кириллѣ, какъ нѣкоторые пишутъ.

Въ семъ же году греки изгнали изъ Царьграда латинянъ, и очистили святое мѣсто отъ проклятаго латинства, при царѣ Михаилѣ Палеологѣ, который наружно, по видамъ политическимъ, къ уніи латинской преклонился; но православные патріархи, изшедъ изъ Никеи, паки стали въ Царьградѣ непоколебимы въ православіи, кромѣ патріарха Михаила Векка. И туда попрежнему наши митрополиты начали ходить для посвященія, къ православнымъ патріархамъ.

Митрополитъ Кириллъ въ 1274 году, бывъ въ Кіевѣ, привелъ оттуда игумена Печерскаго Серапіона, и поставилъ его во епископа Владиміру и Суздалю и Нижнему Новгороду. Се, уже здѣсь предпочтенъ Владиміръ Суздалю. Потомъ, по скорой смерти его, Серапіона, поставленъ другой, Ѳеодоръ; а въ Новгородъ, на мѣсто умершаго архіепископа Далмата, поставленъ митрополитомъ Кирилломъ въ Кіевѣ архіепископъ Климентъ, по избранію Новогородцевъ.

Въ 1277 году скончался великій князь Василій Ярославичъ, братъ Александра Невскаго, добрый христіанинъ, благочестивый и добродѣтельный мужъ, и погребенъ въ Костромѣ.

А въ 1279 году Ѳеогностъ, епископъ Сарайскій, посланъ былъ отъ царя татарскаго Менгутемира и отъ митрополита Кіевскаго Кирилла въ Царьградъ къ царю Михаилу и къ патріарху, отъ обоихъ съ грамотами и дарами; а въ чемъ сіе посольство состояло, не объясняется. Но желательно бы было знать, что татарскаго царя ввело въ одно дѣло съ митрополитомъ Россійскимъ.

Въ 1280 году митрополитъ Кириллъ, бывъ въ Кіевѣ и обходя грады по своему званію, и дошедъ Суздальской земли, запретилъ служеніе Игнатію, епископу Ростовскому, за то, что тѣло своего великаго князя Ростовскаго Глѣба Васильковича, уже девять недѣль погребенное въ соборной церкви, онъ велѣлъ въ полночь вынесть оттуда и погребсти просто въ монастырѣ Святаго Спаса. Но потомъ, по просьбѣ внука умершаго князя, Дмитрія Борисовича, бывъ упрошенъ, митрополитъ разрѣшилъ его, Игнатія, сдѣлавъ сильное наставленіе, чтобы впредь такъ строго и неразсудительно не поступалъ. Исторія не объ-

ляетъ, что привело епископа Игнатія къ такому поступку, чтобы можно было о немъ справедливо судить. Ибо сей случай тѣмъ удивительнѣе, что въ лѣтописяхъ описывается князь Глѣбъ Васильковичъ, яко христіанинъ зѣло благочестивый, добродѣтельный, нищелюбивый, къ духовному чину почтительный и въ благочестіи скончавшійся; да самъ же епископъ Игнатій его въ соборной церкви и погребалъ.

Въ томъ же году митрополитъ Кіевскій и всея Россіи Кириллъ преставился въ Переславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ и отпѣтъ Климентомъ, архіепископомъ Новгородскимъ,—Игнатіемъ, епископомъ Ростовскимъ,—и Ѳеодоромъ, епископомъ Владимірскимъ; а тѣло его повезено въ Кіевъ, и тамъ, по отпѣтіи всѣми русскими епископами, погребено въ соборной церкви. Пасъ Церковь Россійскую 31 годъ.

Игнатій же Ростовскій князей Ростовскихъ, въ великую вражду между собою пришедшихъ и къ брани готовившихся, примирилъ и отъ кровопролитія удержалъ, съ помощію великаго князя Владимірскаго Дмитрія Александровича.

ГЛАВА XXIV.

Въ 1283 году поставленъ патріархомъ митрополитъ Кіеву и всея Россіи Максимъ Грекъ въ Царьградѣ, и того же года пришелъ въ русскую землю; и не медля отправился сей митрополитъ въ орду, и оттуда того же года возвратился, но съ какимъ намѣреніемъ, не видно. А примѣчательно, чтобы получить благоволеніе отъ ордынскаго царя и утвержденіе на тѣ преимущества, коими прежде былъ пожалованъ духовный чинъ.

Въ 1284 году Максимъ митрополитъ позвалъ къ себѣ въ Кіевъ всѣхъ русскихъ православныхъ епископовъ, разумѣется тѣхъ, кои были около Кіева и за Днѣпромъ въ Польшѣ. Какая причина была сему созыву всѣхъ епископовъ, въ Лѣтописцахъ не объясняется. А примѣчательно, что, какъ митрополитъ положилъ оставить Кіевъ, по тогдашнему его разоренному и разстроенному состоянію, и перенести свою каѳедру во Владиміръ, гдѣ тогда было первое въ Россіи великое княженіе: то и разсудилъ о семъ объявить всѣмъ русскимъ епископамъ, и, конечно, обще на то согласясь, учредили, какимъ образомъ имъ относиться къ митрополиту по духовнымъ дѣламъ во Владиміръ.

Въ 1285 году митрополитъ Максимъ посѣщалъ разные города Россіи, былъ въ Новгородѣ и во Псковѣ, и принимаемъ былъ съ великою честію. А въ 1288 году Максимъ митрополитъ поставилъ Іакова во епископа Владиміру, Суздалю и Новгороду Нижнему, на мѣсто умершаго епископа Ѳеодора.

Въ томъ же году преставился первый епископъ Тверскій Симеонъ, пастырь добродѣтельный и строгій; а на мѣсто его въ Кіевѣ Максимомъ митрополитомъ посвященъ во епископа въ Тверь и Кашинъ игуменъ Андрей, который былъ родомъ литвинъ, сынъ князя Ерденя литовскаго. Въ томъ же году и въ Ростовъ посвященъ во епископа тѣмъ же митрополитомъ въ Кіевѣ игуменъ Тарасій, на мѣсто умершаго епископа Игнатія чудотворца.

Въ 1294 году паки поминается, что скончался Василій, епископъ Рязанскій. Изъ сего можно положить, что въ Рязани были уже епископы; но нигдѣ не поминается ни объ избраніи, ни о постановленіи ихъ. А въ 1295 году Максимомъ митрополитомъ поставленъ, во епископа Владиміру, Суздалю и Нижнему Новгороду, епископъ Симеонъ; а о прежепоставленномъ Іаковѣ, умеръ ли онъ, или куда переведенъ, не упоминается. И сей Симеонъ князей: Андрея Александровича Владимірскаго, Даніилу Александровича Московскаго и Михаила Ярославича Тверскаго и прочихъ, враждующихъ между собою и къ войнѣ междоусобной готовящихся, и предъ татарскимъ посломъ судившихся,— имѣлъ счастье примирить и до брани не допустить.

Въ 1299 году митрополитъ Максимъ, не терпя насилія отъ татаръ въ Кіевѣ и видя весь Кіевъ разоренный и жителей разшедшихся, совсѣмъ перешелъ во Владиміръ, яко тогда бывшій столичный между княженіями Россійскими городъ, и туда свою митрополитанскую каѳедру перенесъ, и взялъ себѣ въ непосредственную область, что было въ правленіи у епископа Владимірскаго, Суздальскаго и Нижегородскаго; а Владимірскаго епископа Симеона послалъ въ Ростовъ и далъ ему епископію Ростовскую. А о бывшемъ въ Ростовѣ епископѣ Тарасіи ничего не поминается, ибо онъ уже скончался въ 1314 году. И посему митрополія Кіевская всероссійская переведена совершенно во Владиміръ изъ Кіева; слѣдовательно, въ Кіевѣ она пребывала, считая съ перваго митрополита Михаила, то есть съ 988 года по сей 1299 годъ, включительно, 312 лѣтъ, и никогда уже послѣ сего съ правленіемъ всероссійской Церкви въ Кіевѣ не утверждалася. Ибо хотя послѣ, какъ въ послѣдствіи увидимъ, по раздѣленіи митрополіи на двѣ, Московскую и Кіевскую, митрополиты Кіевскіе православные, а нѣкоторые уніаты, и управляли епископами бывшими въ Польшѣ; но великороссійскіе епископы ихъ правленію не подлежали. А потомъ уже, по присоединеніи Кіева къ Россіи, и митрополиты Кіевскіе взошли подъ власть патріарховъ Московскихъ, и были уже не всероссійскіе, а только управляли своею епархіею такъ же, какъ и прочіе епископы; но никакой надъ прочими епископами, какъ прежніе митрополиты, власти не имѣли.

Митрополитъ Максимъ въ 1300 году ѣздилъ въ Новгородъ съ епископами Симеономъ Ростовскимъ и Андреемъ Тверскимъ, и посвятилъ тамъ во архіепископа Новгороду игумена Ѳеоктиста, на мѣсто умершаго Климента.

Въ сіе же время папа, не возмогши своими уговариваніями и кознями ни въ чемъ успѣть у россіянъ, взялся за оружіе, столь ему свойственное, за войну; послалъ своихъ крыжаковъ и съ ними склонилъ, или повелѣлъ шведамъ вооружиться. И они, пришедъ на Неву рѣку, на устьѣ Охты поставили сильную крѣпость, назвавъ ее „вѣнецъ земли“, думая чрезъ то удобнѣе разорять область Новогородскую. Но великій князь Андрей Александровичъ Владимірскій, сынъ великаго князя Александра Невскаго, въ сихъ же самыхъ мѣстахъ столь славно ихъ же самихъ побѣдившаго, пришелъ и крѣпость всю разорилъ до основанія, и людей избилъ. И тако ни во чтоже бысть хитрость ихъ.

Въ 1302 году преставился внукъ Александра Невскаго, князь Переславльскій Иванъ Дмитріевичъ, истинный христіанинъ, добродѣтельный мужъ, непрестанно въ законѣ Божіемъ упражнявшійся и благочестивою жизнію всѣхъ въ удивленіе приводившій. Онъ княженіе отказалъ Переяславльское дядѣ своему, князю Московскому Данилѣ Александровичу.

Но и самъ великій князь Данила Александровичъ въ слѣдующій годъ, постригшись, скончался и погребенъ въ Москвѣ, въ монастырѣ Даниловскомъ, который имъ построенъ на берегу Москвы рѣки, гдѣ и святые его останки почиваютъ; и Церковь память его прославляетъ со святыми. Сей монастырь, сынъ его Иванъ Даниловичъ Калита перенесъ на княжескій дворъ, внутрь Кремля, построивъ церковь во имя Спаса Преображенія; но потомъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ первымъ онъ перенесенъ на новое мѣсто близъ Крутицъ и именованъ Новоспасскимъ, а прежній монастырь въ Кремлѣ обращенъ въ соборъ, который и нынѣ находится подъ именемъ „Спаса на Бору“. Но и Даниловскій монастырь на рѣкѣ, многое время стоявъ праздно, паки возобновленъ игуменствомъ; опредѣлено въ немъ быть и Архимандріи.

Въ 1305 году преставился митрополитъ Максимъ и погребенъ во Владимірѣ въ соборной церкви, пасъ Церковь Христову 22 года.

ГЛАВА XXV.

(О перенесеніи митрополіи всероссійской въ Москву).

По кончинѣ митрополита Максима, патріархомъ Цареградскимъ поставленъ въ Царьградѣ въ митрополита Кіеву и всея Россіи Петръ, въ 1308 году. Онъ былъ родомъ Волынецъ, и тамъ въ устроенномъ

имъ монастырѣ былъ игуменомъ, и по своему отличному житію разуму былъ всѣмъ извѣстенъ.

По кончинѣ Максима митрополита, нѣкоторый игуменъ Геронтій самъ себя назначилъ на митрополитскій санъ, и, взявъ всю святительскую утварь и жезлъ пастырскій, и причтъ митрополичій, отправился въ Царьградъ, надѣясь, вѣроятно, мздою получить сей санъ. Сіе дерзновеніе, разнесшееся по Россіи, всѣхъ привело во удивленіе и негодованіе; дошло оно и до Волыни, гдѣ пребывало благочестіе. Князь Волынскій, или Галицкій (ибо Волынь принадлежала до княженія Галицкаго, что въ Польшѣ), восхотѣлъ сей случай обратить въ свою пользу. Онъ предпріялъ епископство Галицкое обратить въ митрополію всероссійскую, а чрезъ то область свою возвести на великое княженіе всероссійское. Началъ онъ склонять игумена Петра, чтобы шелъ въ Царьградъ ставиться въ митрополиты, и напослѣдокъ его склонилъ; и Петръ отправился съ граматою отъ князя и съ посланникомъ въ Царьградъ, и туда достигъ прежде Геронтія. И потомъ Петръ былъ посвященъ въ митрополита Кіеву и всея Россіи, въ 1308 году; а Геронтію отказано, да и вся митрополичья утварь и жезлъ отъ него отобраны, и Петру вручены.

Того же года пришелъ митрополитъ въ Кіевъ, а въ слѣдующій годъ во Владиміръ. Не остался онъ въ Кіевѣ по той же причинѣ, по коей и предшественникъ его Максимъ вышелъ изъ Кіева, но еще и болѣе для того, что тогда въ Кіевѣ и въ Польскихъ, благочестіе держащихъ, странахъ начала весьма усиливаться унія и гонительный папскій духъ. Однако, правленіе Кіевской церкви и всѣхъ православныхъ въ Польшѣ епископовъ принадлежало до сего митрополита.

Въ томъ же году Петръ митрополитъ во Владиміръ поставилъ въ Новгородъ во архіепископа Давида, на мѣсто Ѳеоктиста, отбывшаго въ монастырь на обѣщаніе.

А въ 1310 году ходилъ митрополитъ Петръ въ Брянскъ мирить князей Брянскихъ, но не имѣлъ успѣха: воспослѣдовало сраженіе, на коемъ убитъ, не послушавшій совѣта митрополичьяго, князь Брянскій, дядя—отъ племянника; а митрополитъ спасся, скрывшись въ церкви.

Но потомъ, въ слѣдующемъ году, когда Димитрій Михаиловичъ Тверскій предпринималъ итти войною въ Нижній-Новгородъ и завладѣть Владиміромъ, тогда Петръ митрополитъ воспретилъ ему сіе начинаніе, лишая его благословенія. Онъ послушалъ его и, испросивъ отъ него разрѣшеніе, оставилъ предпріятіе.

Въ томъ же году, на мѣсто отказавшагося Ростовскаго епископа Симеона, митрополитъ посвятилъ въ Ростовъ во епископа Прохора, архимандрита Спасскаго, изъ Ярославля.

А въ слѣдующемъ году Петръ митрополитъ лишилъ чина епископскаго Измаила, епископа Сарайскаго, а на его мѣсто поставилъ епископомъ въ Сарай Варсанофія. По какимъ винамъ лишенъ епископства Измаилъ, и соборнымъ ли судомъ, или единою властью митрополичьею,—того въ Лѣтописцахъ не видно. Извѣстно же, что по правиламъ митрополитъ самъ собою лишить епископа сана не можетъ, но судомъ епископовъ въ соборѣ.

Въ 1313 году ходилъ митрополитъ Петръ въ Орду къ новому царю Озбяку, для испрашиванія новаго ярлыка или граматы подтвердительной на свободу духовныхъ отъ всякихъ податей; и Петръ былъ принятъ, и скоро отпущенъ со всякою честію,—слѣдовательно, должно заключить, что съ полученіемъ своего желанія.

Примѣчательно, что въ Лѣтописцахъ пишется, что царь Озбякъ „обасурманился“, то есть принялъ магометанскую вѣру: Слѣдовательно, до сего времени татары были не магометанской вѣры. А чрезъ сіе болѣе воздѣйствовалъ гонительный духъ противу христіанства: ибо магометане гораздо меньше терпятъ всякую другую вѣру, нежели язычники, каковы дотолѣ были татары.

Въ 1315 году родился преподобный Сергій Радонежскій, чудотворецъ.

Въ томъ же году на мѣсто отказавшагося епископа Андрея Тверского и пошедшаго въ монастырь, Петръ митрополитъ поставилъ въ Тверь во епископа Варсанофія.

О семъ Андреѣ, епископѣ Тверскомъ, Степенные и Лѣтописцы пишутъ, что онъ нѣкоторыхъ возбуждалъ, чтобы не принимать митрополита Петра въ митрополію. И когда сего не получилъ, а всѣ его приняли, то уже вступилъ въ доносъ къ патріарху Цареградскому, написавъ многія ложныя и хульныя дѣла. Патріархъ посему прислалъ отъ себя духовную особу, чтобы на соборѣ всѣ жалобы разсмотрѣть, и Петру бы на ономъ себя очистить. Былъ потому соборъ въ городѣ Переславлѣ, гдѣ присутствовали, при посланникѣ отъ патріарха, епископъ Ростовскій Симеонъ, игуменъ Прохоръ и другихъ игуменовъ и іеромонаховъ и священниковъ множество; и князи Тверскіе Димитрій и Александръ, дѣти Михаила Ярославича. Позванъ на соборъ и Тверскій епископъ Андрей. Великая на соборѣ была молва и мятежъ, такъ, что едва до безмѣстности не доходило. Однако, Петръ своимъ смиреніемъ и благоразуміемъ все утишилъ и себя оправдалъ, а епископъ Андрей остался посрамленъ, и его Петръ во всемъ томъ великодушно простилъ. Весьма сожалительно, что нигдѣ въ Лѣтописцахъ не упоминается ни о причинахъ, почему Андрей принимать Петра митрополита не желалъ,—ни о винахъ, какія онъ на него доносилъ,—ни о томъ, какія объясненія и

доказательства съ одной и другой стороны были представляемы собору. Все сіе узнавъ, можно бы основательнѣе судить о дѣлѣ семъ.

Однако, что послѣ того Андрей отъ епархіи отказался, по вѣроятности можно заключить, что онъ или чего-нибудь еще опасался со стороны митрополита, или, совѣстію бывъ обличаемъ, разсудилъ свой стыдъ въ уединеніи скрыть. Но сей же случай доказалъ, что митрополитъ подлежитъ суду своего собора.

Въ 1319 году великій князь Михаилъ Ярославовичъ Тверскій, по непримиримой враждѣ сродника своего, князя Юрія Даниловича Московскаго, убитъ въ Ордѣ и погребенъ въ Твери, въ соборной церкви, и причтенъ къ святымъ. А потомъ и князь Юрій Даниловичъ убіенъ отъ сына князя Михаила, Димитрія Михаиловича, въ Ордѣ; а за то и князя Димитрія въ Ордѣ убили.

Въ 1325 году, на мѣсто умершаго архіепископа Новгородскаго Давида, Петръ митрополитъ посвятилъ во архіепископа Новгороду Юрьевскаго архимандрита Моусея, въ Москвѣ.

Въ семъ 1325 году совершенно утвердился Петръ митрополитъ пребываніемъ своимъ въ Москвѣ: ибо дотолѣ, хотя и болѣе жилъ въ семъ градѣ, но жилъ и во Владимірѣ, и другіе грады переходилъ и въ нихъ нѣсколько пребывалъ. А въ семъ году, возлюбивъ великаго князя Ивана Даниловича за его благочестіе, добрые нравы и благоразуміе, что его княженіе всѣхъ мирнѣе, и что великое княженіе Владимірское, по смерти брата его, князя Юрія Даниловича, ему принадлежитъ и ему дано, и что онъ, родившись и воспитавшись въ Москвѣ, столицу свою въ ней утвердить намѣренъ,—переселился совсѣмъ въ Москву. И просилъ великаго князя Ивана Даниловича, чтобы устроилъ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ самъ и погребстись пожелалъ, предвѣщая ему, что, чрезъ утвержденіе каѳедры митрополитской въ Москвѣ, княженіе его и градъ предъ всѣми другими возьметъ преимущество. Великій князь охотно на сіе согласился и началъ строить соборную церковь, а Петръ митрополитъ зѣло прилежалъ о скорѣйшемъ ея окончаніи, гдѣ и гробъ себѣ заложилъ. Но не благоволилъ Богъ узрѣть святому Петру окончаніе храма. Ибо скончался онъ въ 1326 году, мѣсяца декабря 21 дня, во благоуханіи святыни и Ѳеодосіемъ епископомъ Луцкимъ погребенъ въ новосозидаемой церкви, въ присутствіи князя Ивана Даниловича.

Городъ Луцкъ былъ въ Польшѣ, и тамъ была епархія православная Луцкая. Итакъ, совершенно надлежитъ полагать начало митрополіи всероссійской въ Москвѣ съ 1325 года, а изъ митрополитовъ всероссійскихъ Московскихъ Петръ былъ первый. Хотя же митрополиты пребывали и въ Москвѣ, а въ Кіевѣ только своихъ намѣстниковъ дер-

жали; однако, писались и провозглашаемы были не Московскими, а Кіевскими и всея Россіи, имѣя уваженіе къ тому граду, гдѣ отъ начала митрополитскій престолъ основанъ и чрезъ столь долгое время тамъ состоялъ, и дабы епископовъ, бывшихъ въ Польшѣ, при своемъ управленіи удержать. Но послѣ, какъ митрополіи раздѣлились, начали именоваться Московскими и всея Россіи, о чемъ въ послѣдствіи увидимъ.

Сіе утвержденіе митрополіи всероссійской въ Москвѣ не мало могло послужить къ увеличенію Москвы, и къ преимуществу ея княженія предъ другими княженіями, а потомъ и къ подчиненію ихъ. Ибо въ то время многія были княженія, одно отъ другого не зависящія и великому княженію себя подчиненными не почитавшія. Но власть митрополита духовная простиралась на всю Россію, и чрезъ то, мѣсто пребыванія митрополита, было яко центръ, соединяющій въ едино мѣсто и привлекающій всѣ княженія, по дѣламъ духовнымъ. Сіе тотчасъ предусмотрѣли князья Россійскіе и завистнымъ окомъ на сіе взирали. Ибо узнали они, что, и по смерти митрополита Петра, пришедшій митрополитъ Ѳеогностъ въ Москвѣ же утвердилъ свою каѳедру. Сіе имъ было непріятно, ибо такъ пишутъ Лѣтописцы: „инымъ же княземъ многимъ и не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща“. Но и безъ сомнѣнія тѣми же причинами были побуждаемы князь Владимірскій Андрей Боголюбскій и князь Волынскій, что они предпринимали митрополію Россійскую утвердить: одинъ во Владимірѣ, а другой въ Галичѣ, въ Галиціи.

Но рѣдко бываетъ добро, чтобы изъ того не выходило какое зло. Когда митрополиты оставили Кіевъ, и онъ былъ раззоренъ и опустошенъ, и князи Россійскіе, прежде имѣвъ его первымъ предметомъ своего властолюбія, и помышлять о немъ престали, тогда онымъ удобно, безъ всякаго сопротивленія, по сосѣдству завладѣлъ литовскій князь Гедиминъ, въ 1319 году. И какъ онъ былъ латинской вѣры, то и начала по малу въ Кіевѣ, а паче далѣе Кіева въ Польшѣ, въ православіе вводима быть пагубная унія, пронырствами и хитростями духовныхъ латинскихъ, которая, напослѣдокъ, причинила и отдѣленіе тамошнихъ епархій отъ Московской митрополіи, какъ скоро увидимъ.

Въ 1327 году выдумано въ Ордѣ злѣйшее предпріятіе. Щелканъ, сродникъ царя Узбека, присланъ въ Тверь, чтобы тамъ завладѣть княженіемъ и потомъ, по избіеніи Россійскихъ князей, учинить властителями татаръ и по всѣмъ русскимъ градамъ, и по малу истребить христіанскую вѣру, а ввести магометанскую. Ежели бы Богъ попустилъ сему злу исполниться, совершенно бы Россія погибла, даже и съ именемъ своимъ. Но „наказуя наказа ны Господь, смерти же не предаде насъ“.

Оный Щелканъ сожженъ княземъ Тверскимъ Александромъ Михайловичемъ, по побѣжденіи его и татаръ, и тѣмъ сіе предпріятіе рушилось и болѣе не возобновлялось.

ГЛАВА XXVI.

По кончинѣ святаго митрополита Петра, пришелъ изъ Царьграда на митрополію русскую Ѳеогностъ грекъ, и, бывъ въ Кіевѣ и въ другихъ градахъ, и во Владимірѣ, потомъ пришелъ въ Москву, и тамъ утвердилъ мѣсто пребыванія своего, во дворѣ предшественника своего, святаго Петра митрополита, въ 1328 году.

Въ томъ же году учиненъ великимъ княземъ Владимірскимъ и Московскимъ, со многими другими княженіями, Иванъ Даниловичъ Калита, и основалъ свою столицу въ Москвѣ, гдѣ и родился и воспитанъ, и гдѣ всероссійская митрополія уже была утверждена, а чрезъ то и градъ Москва начала увеличиваться и прославляться, и княженіе Московское приходить въ большую силу. И по Божіему споспѣшествованію и по разумному великаго князя правленію, Москва съ своею областію пребыла въ покоѣ и тишинѣ чрезъ 40 лѣтъ.

Въ томъ же году митрополитъ Ѳеогностъ посвятилъ Антонія во епископа Ростову и Ярославлю, на мѣсто умершаго епископа Прохора, а на мѣсто умершаго Тверскаго Варсанофія посвятилъ въ Тверь во епископа Ѳеодора, бывъ во Владимірѣ-Волынскомъ.

Въ 1329 году митрополитъ Ѳеогностъ ходилъ въ Новгородъ и въ другіе города, и въ Волынь, и въ Галичъ. Таковыя частыя и долговременныя отъ Москвы отлучки митрополитовъ, и по городамъ странствованія, хотя могутъ быть почитаемы посѣщеніями пастырскими, къ обозрѣнію, все ли въ порядкѣ, и ко устроенію всего лучшаго; однако, не безъ того было, чтобы не привлекало ихъ къ тому и корыстолюбіе. Ибо, посѣщая епархіи и грады, немалыми поборами и великимъ на себя и своихъ содержаніемъ, были иногда въ тягость посѣщаемымъ,— какъ-то о семъ самомъ митрополитѣ вскорѣ показано будетъ. Но что они отлучались часто и въ Кіевъ, и въ Польскія мѣста, во Владиміръ-Волынскій, и въ Галичъ, въ Галицію,—въ томъ могутъ быть извинены. Ибо тамъ было много епархій православныхъ, какъ-то: Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Владимірская на Волыни, Галицкая, Перемышльская, Слуцкая, Холмская, Туровская и прочія. О нихъ всѣхъ въ нашихъ Лѣтописцахъ не упоминается, чтобы въ тѣ епархіи кто посвящаемъ былъ съ того времени, какъ митрополиты Кириллъ, Максимъ и Петръ по большей части пребывали во Владимірѣ и Москвѣ. А только поминается о посвященіи въ великороссійскіе города, какъ-то: въ Новгородъ,

въ Ростовъ, въ Суздаль, во Владиміръ на Клязмѣ, въ Тверь и въ Сарай. Почему и была нужда митрополитамъ нерѣдко ѣздить въ Кіевъ и въ Польскія мѣста, для посвященія во епископы на разныя тамошнія епархіи; а туда избираемые во епископа, для посвященія во Владиміръ и Москву приходить, видно, не охотились, или по отдаленію мѣста, или по неуваженію великороссійскихъ городовъ, или по политическимъ причинамъ тамошнихъ владѣльцевъ.

Въ бытность митрополита Ѳеогноста въ Новгородѣ, великій князь Иванъ Даниловичъ и всѣ князья русскіе, по строгому и непремѣнному требованію царя Азбяка, чтобы они сыскали Тверского князя Александра Михайловича и къ нему прислали,—пошли къ Пскову съ татарами, разоривъ до конца Тверь. Ибо Азбякъ на него крайне гнѣвенъ былъ за то, что Щелкана, его сродника, и съ татары въ Твери разбилъ и сожегъ, а князь Александръ убѣжалъ во Псковъ; и Псковитяне, по многимъ требованіямъ Россійскихъ князей, въ томъ числѣ и самихъ родныхъ братьевъ Александровыхъ, его не выдавали и хотѣли за него до смерти сражаться.

Въ такомъ случаѣ Россійскіе князья склонили митрополита Ѳеогноста, чтобы оный митрополитъ на него, на князя Александра, и на Псковитянъ возложилъ отлученіе и проклятіе, ежели онъ не согласится идти въ Орду, а Псковитяне его не выдадутъ, представляя въ резонъ, что иначе вся Русская земля отъ татаръ и царя ихъ до конца разорена будетъ. Это митрополитъ и исполнилъ,—въ чемъ поступилъ онъ болѣе по политическимъ видамъ, нежели по правиламъ церковнымъ. Князь Александръ Михайловичъ, бывъ зѣло тронутъ таковымъ отлученіемъ его и Псковитянъ, убѣжалъ оттуда въ нѣмцы, но потомъ по многимъ оборотамъ самъ согласился пойти въ Орду, гдѣ убитъ былъ и съ сыномъ своимъ.

Въ 1330 году царь Азбякъ пожаловалъ епископа Сарайскаго граматою, чтобъ его никто не обидѣлъ, и все исполнилъ по прошенію его. А въ слѣдующемъ году митрополитъ Ѳеогностъ, на мѣсто отбывшаго въ монастырь и посхимившагося архіепископа Моисея, посвятилъ, по избранію Новгородцевъ, священника Григорія, и по избраніи постриженаго и названнаго Василіемъ, во архіепископа въ Новгородъ, во Владимірѣ-Волынскомъ. А на посвященіи томъ были епископы: Аѳанасій Владимірскій, Григорій Полоцкій, Ѳеодоръ Галицкій, Маркъ Перемышльскій и Іоаннъ Холмскій. Не поминаются епископы Переяславльскій и Бѣлгородскій, что близъ Кіева: ибо видно, что сіи епархіи, по разореніи Батыемъ, упразднились. А съ новопоставленнымъ архіепископомъ Новгородскимъ Василіемъ въ препровожденіи были не токмо посадники Новгородскіе, но и другихъ людей до шестисотъ человѣкъ.

Въ то же время Псковичи, бывъ подъ духовною властью у архіепископа Новгородскаго, предпріяли у себя во Псковѣ сдѣлать особаго епископа, и уже избрали на то нѣкоего Арсенія, и послали съ просьбою о поставленіи его къ митрополиту Ѳеогносту, къ чему склонили просить за нихъ и князя Александра Михайловича Тверского, и всѣхъ князей Литовскихъ, конечно, православныхъ (ибо тогда въ Литвѣ почти всѣ были православной греческой вѣры); но не исполнилъ по ихъ прошенію митрополитъ, дабы не оскорбить Новгородскаго епископа и боясь раздражить Новгородцевъ.

Въ 1333 году митрополитъ Ѳеогностъ былъ и въ Царьградѣ, и въ Ордѣ, а неизвѣстно для чего; и прибылъ въ Москву.

Въ томъ же году князь Иванъ Даниловичъ заложилъ соборную Архангела Михаила церковь и въ томъ же году окончилъ.

Въ томъ же году женилъ князь Иванъ Даниловичъ сына своего Симеона, взявъ за него княжну Литовскую Августу; и она крещена и названа Анастасіею. Была она, конечно, латинской вѣры; и видно, что тогда латинянъ перекрещивали.

А архіепископъ Новгородскій Василій приходилъ къ великому князю Ивану Даниловичу и къ митрополиту Ѳеогносту съ почтеніемъ и со многими дарами.

А въ 1336 году, по смерти епископа Ростовскаго Антонія, поставилъ митрополитъ Ѳеогностъ Гавріила епископомъ въ Ростовъ.

ГЛАВА XXVII.

Въ 1341 году преставился великій князь Иванъ Даниловичъ Калита, постригшись и посхимившись, и погребенъ въ новоустроенной отъ него церкви Архангела Михаила. А на его мѣсто царемъ Азбякомъ пожалованъ на великое княженіе Владимірское сынъ его, Семенъ Ивановичъ, прозываемый Гордый.

Въ томъ же году Брянчане убили своего князя Глѣба Святославича; и хотя, тамъ бывъ, отводилъ ихъ отъ того Ѳеогностъ митрополитъ, но ничтоже успѣлъ.

Возстала было брань князю Симеону и прочимъ съ нимъ князьямъ съ Новгородцами; но посредствомъ митрополита Ѳеогноста и архіепископа Василія примирились на условіяхъ.

Въ 1342 году митрополитъ Ѳеогностъ пошелъ въ Новгородъ со множествомъ церковнаго своего причта и со многими своими слугами; и было отяготительно владыкѣ Новгородскому и монастырямъ кормами и многими дарами. Таковое посѣщеніе не могло назваться пастырскимъ; и не могъ Ѳеогностъ съ Павломъ апостоломъ, также посѣщавшимъ

грады, имъ обращенные, сказать: „сребра и злата или ризъ ни единаго возжелахъ, сами вѣсте, яко нуждамъ моимъ и сущимъ со мною послужили руки мои сіи“.

Въ томъ же году Псковичи просили Ольгерда, Литовскаго князя, чтобъ онъ крестился и былъ у нихъ княземъ. Но онъ отрекся, сказавъ, что онъ уже крещенъ и въ другой разъ креститься не хочетъ. Изъ сего видно, что латинянъ въ Россійской Церкви перекрещивали. Однако, сына его Андрея крестили въ соборной церкви и у себя на княженіи посадили.

Въ томъ же году митрополитъ Ѳеогностъ ходилъ въ Орду къ новому царю Чанибеку, Азбякову сыну, дабы испросить новаго ярлыка или подтвержденія граматъ прежнихъ о неплатежѣ духовному чину податей.

Но вмѣсто того потребовано отъ него, чтобъ онъ или самъ за все духовенство платилъ, или бы дозволилъ имъ брать подать съ духовныхъ. Ибо нѣкоторые русскіе христіане доносили на своего пастыря татарскому царю, что митрополитъ со всего церковнаго причта царю дани не даетъ, а самъ съ нихъ собираетъ безчисленно много и злата, и сребра, и всякаго богатства,—почему надлежитъ ему давать въ Орду ежегодно дани. Но митрополитъ на сіе не согласился, представляя ихъ же прежнихъ царей граматы, коими они отъ всякаго платежа уволены. Татары на сіе объявили, что они знаютъ про сіи граматы и для того-то отъ него требуютъ, чтобъ онъ снялъ съ нихъ сіи клятвы, а сами они ихъ нарушить боятся; по снятіи же клятвы вольны будутъ они безъ грѣха подати съ духовныхъ брать, или можетъ онъ за всѣхъ духовныхъ платить.

Но митрополитъ Ѳеогностъ тѣхъ клятвъ съ нихъ не снималъ, а паче еще угрожалъ за нарушеніе тѣхъ клятвъ казнію отъ Бога. Татары за сіе во многой потомѣ содержали и мучили митрополита, но онъ въ томъ непреклоненъ остался; и, наконецъ, митрополитъ, раздавъ царю, царицѣ и князьямъ шестьсотъ рублей, былъ отпущенъ съ оставленіемъ свободы по прежнему.

Сей поступокъ татаръ есть примѣчанія достоинъ, что они нарушить прежнихъ граматъ не смѣли и клятвы на себя снять,—боялись отъ Бога казни. Таковую рѣдкую честность нельзя не похвалить, ибо она и въ христіанахъ рѣдка.

Въ 1346 году поставленъ въ Ростовъ епископъ Іоаннъ митрополитомъ Ѳеогностомъ.

А въ слѣдующемъ году присылалъ Шведскій король Магнусъ монаховъ латинскихъ въ Новгородъ, требуя, чтобъ назначить мѣсто, гдѣ бы собраться ученымъ, выбраннымъ отъ Новгородцевъ и выбран-

нымъ отъ него, чтобъ имъ возымѣть преніе о вѣрѣ. И которая вѣра, его ли, латинская, или Новгородцевъ, греческая, окажется истинною, ту обще всѣмъ принять: или имъ, латинамъ,—греческую, или россіянамъ—латинскую. А иначе, ежели они на сіе не согласятся, то онъ, король, со всею силою пойдетъ на Новгородъ войною. Таковый запросъ, конечно, былъ не королевскій, но по внушенію и дѣйствію папскому, да и нимало не основательный и совсѣмъ чуждъ духа Евангельскаго. Ибо преніемъ истина вѣры болѣе затмевается, нежели открывается; особливо, чтобъ еще на нехотящихъ вступить въ преніе о вѣрѣ вооружаться войною и, средствомъ насильственнымъ и кровопролитнымъ, принуждать къ принятію вѣры.

Таковому посольству Василій, архіепископъ Новгородскій, далъ благоразумный отвѣтъ, что ихъ праотцы приняли вѣру отъ грековъ, и они содержатъ ее свято, и увѣрены въ ея истинѣ; и потому никакъ ни съ кѣмъ въ преніе о вѣрѣ не входятъ, да и входить боятся, дабы не показаться, акибы они о своей вѣрѣ сомнѣвались. А ежели они хотятъ прется, то пусть посылаютъ о томъ къ патріарху въ Царьградъ, и онъ имъ да отвѣтствуетъ. А ежели король имѣетъ на Новгородцевъ какое неудовольствіе, можетъ о томъ объявить и въ справедливости получить отъ нихъ управу, такъ какъ и Новгородцы, ежели въ чемъ отъ него, короля, будутъ изобижены,—не оставятъ его извѣстить и надѣются такъ же получить удовлетвореніе справедливое.

Король и въ слѣдующій годъ повторилъ то же требованіе; и Новгородцы дали такой же отвѣтъ. Король послѣ того за сіе единое пошелъ на Новгородцевъ войною, но въ томъ удачи не имѣлъ: ибо Шведы, наконецъ, были побѣждены и, по зажженіи ихъ города, сгорѣли. Но король противъ совѣсти, нѣкоторыхъ россіянъ плѣнивъ, принудилъ ихъ принять свою вѣру. Вотъ каково свойство папы и его ревнителей! А король при смерти о семъ раскаивался, какъ видно изъ его духовной, которая въ томъ же году въ нашихъ Лѣтописцахъ обрѣтается.

Король Краковскій взялъ землю Волынскую и церкви греческаго закона превратилъ на латинскія; латинство ввелъ, а православіе истреблять сталъ. Сіе предвидѣлъ, говорятъ, святый Петръ митрополитъ, и для того митрополію въ Кіевѣ оставилъ: ибо въ тамошнихъ мѣстахъ унія уже всякимъ образомъ весьма утѣсняла православіе.

Около сихъ временъ былъ преподобный Стефанъ Махрицкій, собесѣдникъ преподобнаго Сергія, о коемъ пишется, что онъ удалился изъ Кіева по причинѣ гоненія отъ папистовъ и, бѣжавъ оттуда далѣе Москвы, устроилъ себѣ монастырь близъ Александровой слободы, на рѣкѣ Мологчѣ, и тамъ свято скончался,—каковый монастырь и нынѣ пребываетъ, завися отъ лавры преподобнаго Сергія.

Въ томъ же году Ѳеодоръ, епископъ Тверскій, князя Кашинскаго съ Тверскимъ, бывшихъ въ великомъ раздорѣ, привелъ въ миръ и любовь. А митрополитъ Ѳеогностъ, съ общаго совѣта съ великимъ княземъ Симеономъ Иванычемъ о нѣкоторомъ духовномъ дѣлѣ, послалъ къ патріарху въ Царьградъ; потомъ былъ митрополитъ въ Волыни и оттуда возвратился, или, паче вѣроятно, высланъ былъ, по завладѣніи Волынскою землею латиняниномъ, королемъ Краковскимъ.

Въ 1351 году митрополитъ Ѳеогностъ разрѣшилъ епископа въ Суздали, который былъ въ служеніи запрещенъ, да, видно, и епархіи лишенъ; а за какую вину и каковымъ судомъ,—извѣстія въ Лѣтописцахъ нѣтъ.

А въ слѣдующемъ году преставился Василій, архіепископъ Новгородскій; и Новгородцы избрали на его мѣсто прежняго архіепископа Моисея, и просили на то благословенія отъ митрополита Ѳеогноста, посылая въ Москву; и онъ далъ имъ на то благословеніе.

Архіепископъ Василій писалъ къ Ѳеодору, епископу Тверскому, о раѣ, находится ли онъ на землѣ, какъ Василій утверждалъ, или должно разумѣть рай мысленный, какъ Ѳеодоръ полагалъ. Въ семъ писаніи Василіевомъ добрая простота видна, но просвѣщенія не видно.

ГЛАВА XXVIII.

Въ 1352 году митрополитъ Ѳеогностъ поставилъ во епископа во Владиміръ Алексія. Алексій былъ старецъ добродѣтельный и благоразумный, митрополитомъ Ѳеогностомъ зѣло любимый, коего онъ, взявъ къ себѣ, поставилъ своимъ намѣстникомъ и правленіе всѣхъ дѣлъ духовныхъ ему поручилъ. Потомъ, видя себя приближающимся къ кончинѣ, митрополитъ съ общимъ совѣтомъ великаго князя Симеона Ивановича и князя Андрея Ивановича, и всѣхъ бояръ и вельможъ положили ему быть преемникомъ въ митрополіи. И для того, предварительно давъ ему санъ епископа Владимірскаго, отправили въ Царьградъ къ патріарху, послав отъ великаго князя и отъ митрополита съ грамотами, дабы никто другой въ митрополита всероссійскаго не былъ поставленъ, кромѣ сего, ими обще избраннаго, добродѣтельнаго и честнаго старца, епископа Алексія.

Но въ томъ же году нѣкоторый монахъ Ѳеодоритъ поставленъ митрополитомъ отъ Терновскаго, то есть, Болгарскаго патріарха, и пришелъ въ Кіевъ,—каковое производство было противу всякаго порядка и совѣсти. Ибо никто сего Ѳеодорита не избиралъ, и Терновскій патріархъ посвящать въ митрополиты въ Россію никакого права никогда не имѣлъ, да и за патріарховъ Терновскихъ, или Болгарскихъ архіе-

пископовъ ни Греческая, ни Россійская Церковь не признавала, а притомъ еще и при жизни Россійскаго митрополита Ѳеогноста.

Въ 1353 году митрополитъ Ѳеогностъ преставился и погребенъ въ Москвѣ, въ соборной Успенской церкви, близъ гроба Петра чудотворца; а погребали его: Алексій, епископъ Владимірскій,—Аѳанасій епископъ Волынскій,—и Аѳанасій, епископъ Коломенскій; пасъ Церковь Христову 20 лѣтъ.

Поминается въ первый разъ епископъ Коломенскій. Въ сіе время полагать надлежитъ начало Коломенской епархіи, при митрополитѣ Ѳеогностѣ и великомъ князѣ Симеонѣ Ивановичѣ (хотя нидѣ и иначе пишется); и сей Аѳанасій былъ первый епископъ Коломенскій. И ежели онъ посвященъ, какъ нѣкоторые пишутъ, Алексіемъ митрополитомъ: то развѣ, когда еще Алексій былъ епископомъ; и по болѣзни митрополита, съ его соизволенія, съ другими епископами его посвящалъ. Ибо Лѣтописцы пишутъ, что епископъ Аѳанасій Коломенскій былъ на погребеніи митрополита Ѳеогноста, вмѣстѣ съ Алексіемъ, епископомъ Владимірскимъ.

По смерти митрополита, скончался скоро и великій князь Симеонъ Ивановичъ, и братъ его князь Андрей Радонежскій.

По смерти Андреевой родился сынъ его, славный князь Владиміръ Андреевичъ Донской, благотворитель и другъ Сергіевъ.

Въ томъ же году возвратились посланные послы изъ Царьграда и принесли отъ патріарха Филооея грамату, и отъ царя Іоанна Кантакузина соизволеніе, чтобы шелъ Алексій, епископъ Владимірскій, на поставленіе въ митрополита, въ Царьградъ. Сіе требованіе могло почитаться излишнимъ, ибо Алексій былъ уже епископъ, и митрополитамъ особаго посвященія нѣтъ. Довольно было его на митрополіи утвердить одною присланною граматою. Но сего требовало или честолюбіе или корыстолюбіе.

Итакъ, Алексій отправился въ Царьградъ, и тамъ опредѣленъ въ митрополита всероссійскаго патріархомъ Филооесмъ, и въ слѣдующемъ году возвратился въ Москву.

Но, къ удивленію Россіянъ, случилось, что въ то же время, какъ еще Алексій былъ въ Царьградѣ, посвященъ тамъ въ митрополита же на всю Русскую землю нѣкоторый Романъ, видно, грекъ; и отъ того произошло неустройство и соблазнъ, чего прежде не бывало, а митрополиту Алексію—затрудненіе и безпокойство. Оба они прислали посланниковъ къ епископу Тверскому Ѳеодору; и видно, что и Романъ требовалъ, дабы онъ признаваемъ былъ за митрополита всероссійскаго, но Романъ въ Россіи не принятъ. Однако, Алексій митрополитъ принужденъ пойти въ другой разъ въ Царьградъ, куда предварилъ его и

Романъ; и былъ между ними споръ великій. Наконецъ, рѣшено, чтобы Алексій остался митрополитомъ на всей Русской землѣ; а Романъ—на Литовскую землю и Волынскую.

Сей соблазнительный и постыдный поступокъ Цареградскаго патріарха не можетъ быть приписанъ иному чему, развѣ беззаконному сребролюбію и поставляющаго, и поставляемаго. Не можно извинить то невѣдѣніемъ: ибо напередъ патріарху дано было знать, чрезъ нарочныхъ пословъ, что избранъ на митрополію Алексій епископъ, и чтобъ никто другой поставленъ не былъ; и потому онъ, по согласію Цареградцевъ, требованъ былъ для посвященія. Ежели же можно чѣмъ сіе извинить, то развѣ тѣмъ, что митрополиты Россійскіе Кіевъ оставили и переселились въ Москву; а въ то время и Кіевъ, и всѣ тамошнія, особливо за Днѣпромъ состоявшія, православныя княженія подпали подъ власть Литовскихъ князей, которые не охотно желали, чтобы власть духовная въ ихъ владѣніяхъ зависѣла отъ митрополита, въ Москвѣ пребывающаго,—и чрезъ то бы они почитались нѣкоторымъ образомъ принадлежащими къ Москвѣ. Да и примѣчательно, что сами епископы православные, въ тамошнихъ краяхъ въ Польшѣ живущіе, не весьма желали относиться по всякимъ дѣламъ своимъ къ Москвѣ. Конечно, таковыя ихъ расположенія и желанія и просьбы доходили до Царьграда, чтобы имъ имѣть митрополита, пребывающаго въ Кіевѣ, или особаго.

Посему патріархи Цареградскіе, поставленіемъ двухъ митрополитовъ, думали, конечно, удовлетворить и той, и другой сторонѣ, давая имъ титлы попрежнему—митрополитовъ Кіеву и всея Россіи. Однако, какъ бы то ни было, сей незаконный поступокъ далъ случай къ раздѣленію митрополіи, что одинъ былъ въ Москвѣ, а другой въ Польшѣ, какъ то послѣ увидимъ.

Въ тотъ же годъ, какъ преставился митрополитъ Осогностъ, не оставилъ архіепископъ Новогородскій Моисей послать пословъ своихъ къ патріарху Цареградскому Филоѳею и къ царю Іоанну Кантакузину, съ дарами и съ просьбою, чтобы облегчили великіе поборы, чинимые митрополитами при посвященіи ихъ, и защитили бы отъ великихъ насилій, причиняемыхъ ихъ посланными. На сіе посланные вынесли граматы отъ патріарха и отъ царя съ златыми печатями, коими опредѣляемо было, что брать съ поставленія, и какіе другіе имѣть расходы, и сколько давать пошлинъ церковныхъ, и другія постановленія; и притомъ принесли владыкѣ Новогородскому ризы крестчатыя, или „полуставріонъ“, и благословеніе всему Новгороду.

Сихъ граматъ мнѣ отыскать не случилось; а онѣ для исторіи весьма нужны: ибо по сему можно было бы лучше судить о семъ дѣлѣ.

По какъ ни судить, таковой поступокъ митрополитовъ Россійскихъ, особливо бывшихъ изъ грековъ, никакъ похваленъ быть не можетъ. Трудно его согласить съ примѣромъ апостольскимъ и съ саномъ святительскимъ. Болѣе въ семъ видно ревности о своихъ прибыткахъ, нежели о духовной пользѣ паствы своей.

Но, жалуясь на своихъ митрополитовъ, архіепископы Новгородскіе не меньше отягощали свои епархіи, какъ то видно будетъ изъ жалобъ Псковичей, жаловавшихся на тяготительныя посѣщенія архіепископовъ Новогородскихъ.

Есть грамата патріарха Цареградскаго Филооея, напечатанная въ Розыскѣ къ Псковичамъ, въ коей объясняется, что иное есть „мзда“, иное „протори“, или расходы, бываемые при поставленіи. Мздоимство, или симонія есть, когда производится кто въ какой либо чинъ духовный, на договорѣ платежа за то, и уважается не достоинство и заслуги, а единственно награда денежная; а потому и производится не тотъ, кто достоинъ, но кто болѣе дастъ. Сіе есть прямо мздоимство и симонія, и извержению подлежатъ за сіе и поставляющій, и поставляемый. А „протори“ суть или расходы, бывающіе добровольно при поставленіи, отъ избраннаго по достоинству, или въ нѣкоторую почесть трудящемуся, при его поставленіи, клиру,—что положено и нѣкоторыми церковными узаконеніями, и царей греческихъ уставами, въ коихъ даже означено, что поставленный добровольно, въ знакъ благодарности, долженъ для поставляющаго епископа устроить трапезу. Каковаго устроенія трапезы въ Церкви Россійской не бываетъ; а положено закономъ Государскимъ, за постановленіе, давать не епископу, но его клиру за труды: священнику и діакону по два рубли, а церковникамъ по одному рублю.

ГЛАВА XXIX.

Въ сіе время открылся преподобный Сергій Радонежскій, великій и славный мужъ. Онъ родился въ 1315 году, скончался въ 1393 году, живъ 78 лѣтъ. Основалъ онъ знаменитую обитель Свято-Троицкія Сергіевы лавры. Ежели положить ей основаніе съ 1338 года, въ который годъ Сергій, будучи 23 лѣтъ отъ рожденія, постригся (хотя онъ прежде избралъ сіе мѣсто и въ немъ жилъ, и церковь устроилъ): то пребыванію Троицкой лавры съ того года по (нынѣшній) 1804 годъ, включительно, будетъ 467 лѣтъ.

О житіи преподобнаго Сергія есть особая, мною сочиненная и напечатанная, повѣсть, а нѣкоторыя знаменитыя его дѣянія и въ послѣдствіи не будутъ умолчаны.

Во второе отбытіе Алексія митрополита въ Царьградъ, оставилъ онъ вмѣсто себя для правленія церковныхъ дѣлъ Аѳанасія, епископа Волынскаго, которому велѣлъ пребывать во градѣ Переяславлѣ: разумѣть надлежитъ, Залѣсскомъ, что у озера, а не въ русскомъ въ малой Россіи, ибо тогда сей малороссійскій Переяславль совершенно былъ оставленъ. А сей Волынскій епископъ, какъ видно, по введеніи въ Волыни латинства, оттуда изгнанъ былъ и прибѣгъ къ митрополиту православному всероссійскому въ Москву, который принялъ его, и, чтобы онъ не почитался быть безъ епархіи, для пребыванія и содержанія ему опредѣлилъ градъ Переяславль Залѣсскій, и отъ сего-то епископа Аѳанасія Волынскаго Сергій въ Переяславлѣ былъ поставленъ игуменомъ въ устроенную имъ обитель. Алексій митрополитъ поставилъ епископовъ: Игнатія въ Ростовъ, на мѣсто умершаго Іоанна, Ѳеофулакта, а по инымъ Ѳеоктиста, въ Смоленскъ, Іоанна въ Сарай и Василія на Рязань и Муромъ.

Съ сего времени надлежитъ числить начало Рязанской епархіи, при митрополитѣ Алексіѣ и при великомъ князѣ Іоаннѣ Ивановичѣ, съ 1366 года: ибо хотя прежде и поминаются епископы Рязанскіе, но нигдѣ о постановленіи ихъ не пишется. А потому примѣчательно, что они были пришлые и временные; или Черниговскіе епископы не именовались ли и Рязанскими: поелику Рязань была подъ епархіею ихъ, какъ прежде видѣли мы. И потому сей Василій и въ каталогахъ почитается „первымъ епископомъ Рязанскимъ“, при митрополитѣ Алексіѣ.

Ольгердъ, князь Литовскій, завладѣлъ Кіевомъ и всѣми тамошними землями, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; однако, Кіевскій престолъ, по духовенству, еще принадлежалъ Московскимъ и всея Россіи митрополитамъ.

Въ 1358 году позванъ Алексій митрополитъ отъ царицы Джани-Бековы Тандулы, чрезъ нарочныхъ, въ Орду, чтобы онъ, пришедъ исцѣлилъ ее отъ глазной болѣзни; и онъ, съ помощію Божіею, царицу исцѣлилъ и съ честію отпущенъ; а притомъ получилъ ярлыки, или граматы жалованныя, отъ царицы и отъ царя. Въ ярлыкѣ царицыномъ предписано, чтобы ему свободный проѣздъ имѣть до Царьграда, безъ всякой отъ кого-либо обиды; а отъ царя, чтобы ему и духовному чину, и всякому ихъ владѣнію свободну быть отъ всякихъ податей; а притомъ и прежнія граматы подтверждаются.

Въ слѣдующій годъ Алексій митрополитъ поѣхалъ въ Кіевъ, и проводили его владыки, и епископъ Тверскій Ѳеодоръ, котораго уговаривалъ митрополитъ, чтобы онъ еще правилъ своею паствою: ибо онъ, по нестроенію князей, хотѣлъ отъ оной отказаться. Причиною сей ѣзды Алексіевой можетъ быть почтено, что онъ захотѣлъ посѣтить Кіевскій

престолъ, по коему еще именовался; а притомъ предохранить ту страну отъ внѣдривающейся уніи и удержать тамошнихъ епископовъ при своей единой митрополичьей власти.

А въ небытность его преставился великій князь Московскій, тихій и кроткій, Іоаннъ Іоанновичъ.

Въ 1359 году, когда возвратился изъ Кіева Алексій митрополитъ во Владиміръ и въ Москву, пришелъ безстыдно въ Тверь и Романъ; но епископъ Тверскій Ѳеодоръ его не принялъ, даже не восхотѣлъ и видѣться съ нимъ. Почему, мало пребывъ въ Твери, принужденъ былъ возвратиться въ Литву безъ всякаго успѣха. Только князь Холмскій въ Тверскомъ княженіи, Всеволодъ Александровичъ, далъ Роману дары и проводилъ его въ Литву съ честію, видно, по досадѣ на князя Тверскаго, отъ коего онъ не принятъ, и съ коимъ князь Холмскій былъ въ непрестанной враждѣ.

А въ слѣдующемъ году Алексій митрополитъ, бывъ во Владимірѣ, посвятилъ во архіепископа въ Новгородъ Алексія, избраннаго отъ Новгородцевъ изъ простыхъ монаховъ, и по избраніи посвященнаго въ діакона и пресвитера Тверскимъ епископомъ Ѳеодоромъ, на мѣсто, въ другой разъ отшедшаго въ монастырь, архіепископа Моисея. А на мѣсто отказавшагося епископа Тверскаго Ѳеодора посвятилъ въ Твери Алексій митрополитъ, въ Тверь во епископа, игумена Василія.

Въ 1365 году Алексій митрополитъ основалъ въ Москвѣ, внутри Кремля, церковь и освятилъ во имя чуда Архистратига Михаила, и устроилъ монастырь, который прозванъ „Чудовскимъ“, и нынѣ пребываетъ, и есть каѳедра митрополитовъ Московскихъ. Ибо, когда пресѣклось патріаршество, напослѣдокъ, въ 1742 году, устроена вновь епархія Московская, и пребываніе митрополитамъ Московскимъ назначено въ семъ Чудовомъ монастырѣ, который дотолѣ былъ изъ знаменитыхъ и первыхъ въ Россіи монастырей.

Въ семъ же году преставился кроткій, и тихій, и благочестивый, и многодобродѣтельный, Суздальскій и Нижняго-Новгорода князь Андрей Константиновичъ, постригшись въ иноческій чинъ. Исторія, особливо церковная, одолжается прославлять память таковыхъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ мужей, и представлять ихъ потомству для подражанія, гораздо болѣе, нежели тѣхъ, кои только гремѣли войнами и ратями, къ разоренію другихъ и опустошенію земель.

Въ томъ же году Алексій митрополитъ лишилъ Алексія, епископа Суздальскаго, епархіи Нижегородской и Городецкой, которая къ Суздальской принадлежала; и въ томъ же году епископъ скончался. Но по какой винѣ, не видно; а примѣчательно, что епископъ какимъ-либо образомъ вмѣшался въ ссору между братьями родными, княземъ Суздаль-

скимъ Димитріемъ Константиновичемъ и княземъ Борисомъ Константиновичемъ, присвоившимъ себѣ Нижній-Новгородъ. Ибо князь Димитрій почиталъ княженіе Новгородское ему принадлежащимъ; но князь Борисъ сего до сего не допустилъ. Князь Димитрій просилъ защищенія отъ великаго князя Московскаго Димитрія Ивановича и прибѣгалъ къ ходатайству митрополита Алексія. Великій князь Димитрій и митрополитъ Алексій взяли сторону Димитрія Константиновича; и для того послали посла, именемъ, житіемъ и славою великаго, преподобнаго Сергія, игумена Радонежскаго, чтобы онъ князя Бориса склонилъ къ миру съ братомъ своимъ. Но князь Борисъ его не послушалъ,—почему игуменъ Сергій, по повелѣнію митрополита и великаго князя, на весь градъ объявилъ запрещеніе и всѣ церкви затворилъ; а потому всякая служба церковная и всякихъ исправленіе требъ должны остановлены быть. Сей поступокъ нѣкоторые новѣйшіе писатели предосуждаютъ. Подлинно, сіе дѣло между князьями было гражданское, а не церковное; и потому, ежели запрещеніе и слѣдовало объявить, то на оныхъ только, кои, по безпристрастномъ разсмотрѣніи, оказывались въ сей ссорѣ виновными и, по многимъ увѣщаніямъ, упорными оставались, а чрезъ то къ войнѣ и къ кровопролитію неповинному случай подавали. А что справедливо ли запрещенію подверженъ и весь городъ, изъ коихъ, конечно, многіе въ сей ссорѣ не только не были участны, но и едва ли о томъ свѣдущи,—надлежитъ намъ для сего знать всѣ тогдашнія обстоятельства, которыя свв. Алексію и Сергію были извѣстны, а отъ насъ сокрыты (ибо преподобный Сергій былъ только исполнителемъ повелѣнія митрополитскаго).

А митрополитъ и великій князь, видно, разсуждали, что симъ запрещеніемъ на весь градъ скорѣе князь Борисъ умягчится, и, какимъ бы то ни было образомъ, только брань и кровопролитіе удержатъ,—что и воспослѣдовало: ибо князья братья между собою, учинивъ раздѣлъ, примирились.

Въ слѣдующемъ году, когда произошла ссора между князьями Тверскими Василіемъ, Еремеемъ и Михаиломъ,—взошелъ въ сіе митрополитъ Алексій и велѣлъ ихъ разсудить епископу Тверскому Василію; и сей епископъ князя Михаила оправилъ.

Въ 1367 году, князи Тверскіе Михаилъ и Еремей позваны были чрезъ пристава митрополичья въ Москву предъ митрополита на судъ, и съ епископомъ Тверскимъ Василіемъ, который прежде судилъ ихъ. Но его судъ признанъ несправедливымъ, и онъ, епископъ, понесъ за то великій убытокъ; но чемъ сіе дѣло рѣшено, прямо не объяснено. Однако, довольно изъ обстоятельствъ заключить можно, что митрополитъ все наклонялъ въ пользу великаго князя Димитрія Ивановича Московскаго, который княженія удѣльныя начиналъ покорять подъ свою власть.

Ибо, когда потомъ великій князь Димитрій и митрополитъ Алексій, съ общаго совѣта, подъ видомъ дружнымъ, позвали въ Москву князя Тверскаго, Михаила Александровича, и, говоря съ нимъ и производя ему судъ третейскій, дабы учинить миръ и правду, но вмѣсто того и его и всѣхъ его бояръ посадили подъ стражу. И послѣ, хотя его, и со всѣми, и освободили, по нуждѣ нахожденія татарскаго; однако, князь Тверскій, по свободѣ учиненный съ великимъ княземъ, миръ почелъ принужденнымъ и измѣною, и весьма въ томъ жаловался на великаго князя Димитрія Ивановича, а еще болѣе на митрополита, говоря: „толику любовь и вѣру имѣлъ, паче всѣхъ, къ митрополиту сему, и онъ толико мя посрами и поруга".

О семъ поступкѣ митрополита Алексія не иначе судить можно, какъ, что онъ происходилъ отъ истинной любви къ отечеству. Видѣлъ онъ, до какого несчастія доведена Россія чрезъ многія удѣльныя княженія и чрезъ непрестанныя между ними брани и разоренія, и чрезъ то подвергла себя татарскому игу и, подъ симъ мучительнымъ и безчестнымъ игомъ состоя, отъ междоусобій не переставала. Видѣлъ также святый и просвѣщенный старецъ, что сему несчастію и игу конца не будетъ, ежели удѣльныя княженія будутъ продолжаться, и самодержавіе не будетъ возстановлено. Почему митрополитъ Алексій не только таковому великаго князя предпріятію, чтобы удѣльныхъ князей себѣ покорить, во всемъ споспѣшествовалъ; но едва ли не онъ, какъ старый и опытный и по сану уважаемый мужъ, младому князю таковый совѣтъ внушилъ и его подкрѣпилъ.

Въ 1368 году самъ папскій бискупъ съ своими крыжаками воевалъ на Псковъ. Таково есть свойство епископовъ латинскихъ, и такова ихъ вѣра! А въ слѣдующемъ году князь Тверскій Михаилъ Васильевичъ ѣздилъ въ Москву и жаловался митрополиту на своего епископа Василія. И въ чемъ сія жалоба состояла, и какъ дѣло рѣшено,—извѣстія нѣтъ.

Сему же митрополиту великій князь Димитрій поручилъ для храненія сына князя Тверскаго, Михаила Александровича, Ивана, выкупивъ его за долгъ въ Ордѣ за десять тысячъ рублей; и былъ, такимъ образомъ, содержанъ не малое время, доколѣ былъ выкупленъ.

Въ 1374 году митрополитъ Алексій посвятилъ въ Суздаль епископа Діонисія, архимандрита Печерскаго Нижегородскаго.

Въ томъ же году князь Владиміръ Андреевичъ, мужъ набожный, имѣя во владѣніи своемъ градъ Серпуховъ, основалъ тамъ на горѣ, монастырь, который названъ „Высоцкимъ", и доселѣ пребываетъ. Къ избранію мѣста и къ основанію монастыря призванъ преподобный Сергій Радонежскій, мужъ въ Россіи по своему житію славный; и поставилъ

въ новомъ монастырѣ изъ своихъ иноковъ, перваго игумена Аоанасія, который потомъ въ Царьградъ отшелъ и тамъ со святыми старцы скончался.

Онъ же, преподобный Сергій, крестилъ, рожденнаго отъ великаго князя Димитрія Ивановича, сына Юрія, или Георгія, въ Переяславлѣ.

Въ томъ же году Алексій митрополитъ посвятилъ въ Тверь во епископа Евѳумія въ Твери, на мѣсто умершаго епископа Василія, и пошелъ съ Твери въ Переяславль, съ посломъ патріаршескимъ Кипріаномъ. Почему сей посолъ присланъ, не объясняется; и онъ ли есть тотъ, что послѣ Алексія былъ митрополитомъ, или кто другой, неизвѣстно.

Въ 1375 году бросили въ рѣку Волховъ еретиковъ стригольниковъ — діакона Никиту, Карпа простца и третьяго человѣка съ ними, развратниковъ Христовой вѣры. Но въ чемъ сей, именно, развратъ состоялъ, въ Лѣтописцахъ не находится. А сіе для исторіи нужно, особливо, что за развратъ въ вѣрѣ Евангеліемъ предписано другое наказаніе, духовное, а не то, чтобы бросать въ рѣку.

А въ слѣдующемъ году, когда Новгородскій архіепископъ Алексій отказался отъ владычества, Новгородцы оскорбились зѣло и послали пословъ къ Алексію митрополиту въ Москву, дабы онъ своею властію склонилъ архіепископа Алексія паки принять свой престолъ; и Алексій митрополитъ послалъ на то свое повелѣніе и благословеніе. И Новгородцы потому, учинивъ „вѣче“, или сеймъ, послали съ челобитьемъ намѣстника великаго князя, и посадника, и тысяцкаго, и многихъ бояръ и лучшихъ людей упрашивать его. И владыка Алексій послушалъ митрополичья благословенія и челобитья Новгородцевъ. И потомъ архіепископъ сей ходилъ въ Москву съ посадниками Новгородскими къ Алексію митрополиту, видно, съ благодареніемъ и, пробывъ у него двѣ недѣли, возвратился.

ГЛАВА XXX.

Въ сіи времена многіе духовные греческіе, особливо изъ Сиріи и Палестины, гдѣ уже сарацины владѣли, много христіанъ утѣсняли и разоряли, начали приходить въ Москву ради милостыни и искупленія плѣнныхъ; какъ-то приходили при Алексіѣ митрополитѣ два митрополита греческіе: Германъ и Маркъ. А нѣкоторый архимандритъ Нифонтъ изъ Іерусалима, изъ монастыря святаго Михаила, собравъ довольную милостыню, да тою милостынею и на патріаршество сталъ во Іерусалимѣ.

Въ 1376 году пришелъ изъ Царьграда на Русь въ Москву митрополитъ Кипріанъ, поставленный Филооеемъ, патріархомъ Цареградскимъ. Но великій князь Димитрій Ивановичъ не принялъ его, сказавъ:

„есть у насъ митрополитъ Алексій; а ты почто ставившися на живаго митрополита?“ И онъ пошелъ съ Москвы въ Кіевъ, и тамъ жилъ. Но Кипріанъ послалъ свои граматы изъ Литвы и къ архіепископу Новгородскому, говоря, что поставилъ его патріархъ митрополитомъ на Русь. Но архіепископъ отвѣчалъ: „аще тя пріиметъ великій князь, то и намъ есп митрополитъ“.

Сей поступокъ патріарховъ весьма предосудителенъ, и никакъ его оправдать невозможно. Можно думать, что, какъ Романъ митрополитъ, живя въ Литвѣ, скончался еще въ 1362 году, то, по желанію и просьбѣ Литовскихъ князей и тамошняго православнаго духовенства, посвященъ Кипріанъ на праздное мѣсто въ Литву. А какъ онъ, по принятому правилу, долженъ быть посвященъ на Кіевъ и всю Русь, то и почелъ Кипріанъ имѣть право быть митрополитомъ всей Русской землѣ. Но никакъ извиненъ быть не можетъ, что онъ дерзнулъ придти и въ Москву при жизни законнаго митрополита и въ его правленіе входить. А что духовенство православное польское было мало наклонно къ митрополиту Всероссійскому, въ Москвѣ пребывающему, видно изъ того, что нигдѣ не поминается, чтобы митрополитъ Алексій посвящалъ въ епархіи православныя, въ Польшѣ состоящія, кромѣ Черниговскихъ. Да и когда Кипріанъ митрополитъ въ Москвѣ не принятъ, видно, что онъ въ Кіевѣ и въ тамошнихъ областяхъ за таковаго признанъ.

Сей случай Кипріановъ побудилъ митрополита Алексія, уже въ глубокую старость пришедшаго, чтобы при себѣ помыслить и положить достойнаго себѣ преемника. Зналъ онъ, что великаго князя и всѣхъ желаніе есть, дабы митрополиты были изъ природныхъ Россіянъ; зналъ же притомъ, что преподобный Сергій, игуменъ Радонежскій, во всей Россіи своимъ святымъ житіемъ заслужилъ отличное уваженіе, и для того его къ себѣ призываетъ и склоняетъ, дабы онъ послѣ его принялъ правленіе Россійской митрополіи.

И для того митрополитъ Алексій хотѣлъ уже, въ знакъ своего избранія, на Сергія возложить златую и драгую митрополитскую панагію; но Сергій, возмутившись весь и духомъ, и тѣломъ, и зрѣніемъ, и слышаніемъ, и словомъ, едва отвѣтствовалъ: „отъ юности моея не былъ златопосецъ, въ старости же паипаче хочу въ нищетѣ пребыти; а возлагаемая должность выше моея мѣры“. Просилъ митрополита, дабы ниже вспоминати ему о семъ, иначе онъ убѣжитъ и скроется въ неизвѣстныхъ и непроходимыхъ мѣстахъ. И тако на сей духовной борьбѣ преодолѣлъ Сергій и отпущенъ въ монастырь свой съ миромъ и любовію. Изъ всѣхъ дѣяній Сергіевыхъ ничто столь не доказываетъ, какъ сей случай, что Сергій имѣлъ смиреніе прямо нелицемѣрное, и зѣло былъ просвѣщенъ въ разумѣніи духа Евангельскаго.

Великій же князь Димитрій Ивановичъ, узнавъ отреченіе Сергіево и любя чрезмѣрно Новоспасскаго архимандрита Михаила, просто называемаго „Митяя“, усильно просилъ и склонялъ, и самъ собою и чрезъ многихъ князей и вельможъ, митрополита Алексія, чтобы по себѣ благословилъ на митрополію онаго архимандрита Митяя. Но св. Алексій, зная его непомѣрное честолюбіе и мірскую, а не духовную ведущаго жизнь, никакъ на него не согласился. Но о семъ Митяѣ послѣ еще вспомянемъ.

Послѣ сего, въ 1378 году февраля 12 дня, блаженный Алексій митрополитъ преставился на 85 году отъ рожденія; по благочестивому своему житію и по ревностному подвигу о благосостояніи Церкви, сподобился Церковію причисленъ быть къ лику святыхъ, коего мощи святыя и нынѣ почиваютъ въ устроенномъ имъ Чудовѣ монастырѣ.

Онъ многіе устроилъ монастыри, какъ-то, кромѣ Чудовскаго, Андроніевъ, что въ Москвѣ, на Яузѣ рѣкѣ, въ который испросилъ у преподобнаго Сергія перваго игумена Андроника; Печерскій Благовѣщенскій въ Нижнемъ-Новгородѣ, Царе-Константиновскій во Владимірѣ и женскій, Алексѣевскій, въ Москвѣ, во имя Ангела своего, Алексія человѣка Божія.

Между поставленными отъ святаго Алексія епископами помнаются Брянскіе, а именно Наеанаилъ; въ каталогѣ же еще помнается вторый, Евонмій. И потому надлежало бы отъ сего времени числить вновь прибывшую епархію, Брянскую; но не видно, чтобъ она продолжалася: ибо, кромѣ оныхъ двухъ епископовъ, болѣе не упоминается.

Вскорѣ по смерти святаго Алексія преставилась княгиня Андрея Константиновича Нижегородскаго, во инокѝняхъ Ѳеодора, христіанка благочестивая, добродѣтельная и благословенная.

ГЛАВА XXXI.

По кончинѣ святаго Алексія митрополита, вскочилъ дерзновенно на митропольскій престолъ помянутый архимандритъ Новоспасскій Михаилъ, или Митяй, по желанію великаго князя и по чрезмѣрной отъ него ему довѣренности. Онъ, еще бывъ попомъ, былъ его духовникомъ и первый въ Государственныхъ дѣлахъ, чрезъ многіе годы: ибо былъ его печатникъ, то есть, ко всѣмъ дѣламъ, вмѣсто руки Государской, печать прикладывалъ и оную печать на себѣ носилъ. Былъ собою взраченъ, дѣленъ, краснорѣчивъ, въ граматѣ и пѣніи и въ уставѣ церковномъ искусный, а паче всего отважный, или дерзновенный. По сей отважности и по надѣянію на великаго князя, не медля по кончинѣ святаго Алексія, взошелъ во дворъ митрополитскій, надѣлъ

самъ на себя бѣлый митрополичій клобукъ и мантію, и носилъ посохъ; сидѣлъ на каѳедрѣ митрополичьей и всю услугу митрополичью себѣ присвоилъ, и всѣ подати митрополичьи собиралъ, и всѣ дѣла церковныя, митрополиту подлежащія, судилъ, и все исправлялъ митрополичье, кромѣ служенія. Сіе всѣхъ привело въ удивленіе и соблазнъ, онъ же притомъ, по своему остроумію и отвагѣ, предпріялъ предложить, что нѣтъ нужды отправляться въ Царьградъ для посвященія отъ патріарха, а по правиламъ могутъ два или три свои Епископы поставить митрополита. А думать можно, что не забылъ Митяй напомянуть, что и прежде таковые примѣры въ Россійской Церкви бывали. И на сіе какъ великій князь, такъ и Россійскіе епископы согласились и благословеніе отъ Митяя приняли, и, конечно, посвятили бы его, что и не было бы противно церковному порядку, особливо, что въ Царьградѣ много мзда дѣйствовала, и изъ того происходили возмущенія и разстройства, какъ скоро увидимъ. Но препятствіемъ тому было: 1) что уже былъ митрополитъ, на Россію поставленный, Кипріанъ и жилъ въ Кіевѣ; 2) крѣпко сему воспротивился Діонисій, епископъ Суздальскій: поступокъ его весь осуждалъ и называлъ его просто „попомъ“; но и Митяй умѣлъ ему возразить, говоря: „ты меня называешь попомъ, а я въ тебѣ и попа не нахожу“. Притомъ, просился Діонисій отпустить его въ Царьградъ, ибо онъ настолько по ревности къ Церкви все сіе творилъ, какъ по равному же честолюбію, чтобъ самому быть митрополитомъ, какъ то послѣ и открылось. Діонисію ѣхать въ Царьградъ не дозволено, и онъ обѣщался не ѣхать, и поруку по себѣ далъ преподобнаго Сергія, въ чемъ сей, по своему добросердечію, и поручился; однако, Діонисій солгалъ, въ Царьградъ уѣхалъ и поручителя своего предалъ.

Митяй весьма гнѣвался за все то на Діонисія, да и на преподобнаго Сергія, почитая его, по избранію его святымъ Алексіемъ, соперникомъ себѣ, а по поручительству за Діонисія—ему сообщникомъ; посему и утѣснялъ и преподобнаго Сергія и обитель. Но сей святый старецъ, бывъ весь въ Богѣ, все сіе терпѣливо сносилъ и всему предпріятію Митяеву предвидѣлъ неблагополучный конецъ,—и для того говорилъ: „молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не попуститъ Митяю хвалящуся разорити мѣсто сіе святое и изгнати насъ безъ вины“; и молитва сія была услышана, и обращена въ пророчество.

Митяй владычествовалъ таковымъ образомъ полтора года со всею митрополитскою властію; напослѣдокъ, онѣми обстоятельствами былъ принужденъ отправиться въ Царьградъ для поставленія; и отправился весьма пышнымъ образомъ, взявъ съ собою превеликую свиту, или, какъ Лѣтописцы пишутъ, цѣлый полкъ, бывъ препровожденъ всѣми

духовными и мірскими, и самимъ великимъ княземъ и съ дѣтьми. Изъ духовныхъ при немъ были: архимандритъ Петровскій изъ Москвы Іоаннъ онъ былъ первый въ Москвѣ общаго житія начальникъ; второй архимандритъ изъ Переяславля, Горицкій, Пименъ; третій архимандритъ Коломенскій Мартинъ, и многіе игумены, и протопопы, и попы и діаконы. А изъ мірскихъ, посолъ великаго князя, большій бояринъ Юрій Васильевичъ, Кочевинъ Олешенскій, и многіе другіе бояре, и великаго князя, и митрополичьи и множество служителей. Притомъ великій князь далъ Митяю граматы неписанныя, а запечатанныя его печатью съ тѣмъ, что онъ, по силѣ тѣхъ граматъ, можетъ, ежели будетъ нужда, занимать денегъ, сколько хочетъ; а онъ все то платить обязуется.

Но все сіе гордое и пышное предпріятіе Богъ не благословилъ. Уже по морю приближались къ самому Царьграду, какъ Митяй нечаянно заболѣлъ и скоро на морѣ умеръ; а иные мнятъ, что онъ задушенъ и привезенъ мертвый въ Царьградъ, и тамъ въ Галатѣ погребенъ.

По кончинѣ его возсталъ мятежъ велій между провожающими его. Почли, что не для чего праздными возвращаться въ Россію, и новое дѣло начинать, и новые причинять убытки; а дѣло сіе кончить тѣмъ, чтобъ выбрать одного изъ трехъ помянутыхъ архимандритовъ. Духовные соглашались на архимандрита Петровскаго Іоанна, а мірскіе и бояре на Горицкаго Пимена. И какъ Іоаннъ противу того вопіялъ, и безъ воли великаго князя и избранія законнаго тому быть не соглашался: то его мучили, чтобъ не мѣшалъ предпріятію ихъ.

Пименъ съ бояры, нашедши вышепомянутыя неписанныя и запечатанныя граматы, написалъ въ сей граматѣ отъ себя, ложно къ царю и патріарху, что великій князь избираетъ онаго архимандрита Пимена на русскую митрополію, и проситъ онаго поставить. Но царь и патріархъ отвѣтствовали, что безъ причины представляется другой на митрополію: ибо есть тамъ уже готовый митрополитъ Кипріанъ, и мы его утверждаемъ. Но Пименъ и бояре, занявъ по оной великаго князя кабалѣ много денегъ, подкупили всѣхъ, кого надлежитъ,—столь много, что тѣхъ занятыхъ денегъ и съ процентами было до двадцати тысячъ рублей, который-де долгъ, пишетъ Никоновскій списокъ, и до сего дня ростетъ. А сколько роздали даровъ, того-де никто не можетъ ни сказать, ни исчислить.

Сими подкупами прельстившись, царь и патріархъ, наконецъ, склонилися на просьбу русскихъ, и Пименъ патріархомъ Нпломъ поставленъ въ митрополита на Русь; притомъ царь и патріархъ сказали, акп въ посмѣяніе россіянамъ, а себѣ яко въ оправданіе: „о Русь! или право, или не право глаголете; но мы истинствуемъ, творимъ и глаголемъ, вѣру имѣя вамъ“.

Таковое поставленіе Пимена никакъ правильнымъ почесть не возможно: ибо правила подвергаютъ изверженію и поставляемыхъ таковымъ образомъ на симоніи, и поставляющихъ. А поступокъ таковой Царьградскихъ патріарховъ непремѣнно требовалъ, чтобъ Россійская Церковь отъ таковой злоупотребляемой власти была освобождена, и митрополиты были избираемы и поставляемы своими епископы изъ своихъ. Великій князь Дмитрій Ивановичъ, извѣстившись о кончинѣ Митяя, зѣло опечалился и возмнилъ, что онъ умерщвленъ: понеже всѣ епископы, и архимандриты, и игумены, и священницы, и всѣ бояре, и людіе не желали быть митрополитомъ Митяю, а только единъ великій князь. А о поставленіи Пимена въ митрополиты смутился, и не только его принять, но ниже видѣть похотѣлъ; и потому въ Кіевъ по митрополита Кипріана послалъ племянника Сергіева, Ѳеодора, Симоновскаго игумена, духовника своего, зовя его къ себѣ на Москву. А о Митяи пространнѣе описаніе видѣть можно въ Лѣтописцѣ Никоновскомъ, довольно любопытно. И Кипріанъ митрополитъ, родомъ Сербянинъ, по призыву прибылъ въ Москву, въ 1380 году и принятъ былъ съ великою честію; и самъ великій князь срѣтилъ его за городомъ, и съ дѣтьми своими и со всѣми бояры.

Потомъ великій князь, извѣстившись о прибытіи митрополита Пимена, послалъ въ Коломну; и тамъ сняли съ него бѣлый клобукъ, и всю ризницу и казну отобрали, и послали его за приставомъ въ заточеніе въ Чухлому, а потомъ переведенъ въ Тверь. А дружину его, и совѣтниковъ и крылошанъ также развели по разнымъ мѣстамъ, и въ вериги желѣзныя посадили.

ГЛАВА XXXII.

Въ томъ же 1380 году было великое и кровопролитное побоище Мамаево, у великаго князя Димитрія Ивановича и русскихъ князей, съ Мамаемъ, Татарскимъ княземъ. И ежели вѣрить лѣтописямъ, было войска Россійскаго болѣе четырехъ сотъ тысячъ, а Татарскаго вдвое; и осталось Россійскаго только не съ большимъ сорокъ тысячъ, а татаръ еще болѣе побито. Но Россіяне получили верхъ, удержали мѣсто сраженія, а татары побѣжали. Сіе великое сраженіе подало надежду, что можно татаръ преодолѣть и ихъ иго свергнуть, ежели особливо всѣ князья и владѣльцы будутъ въ согласіи, какъ тогда случилось, кромѣ Олега Рязанскаго князя, который былъ предатель и измѣнникъ.

Великій князь Димитрій, прежде похода на сію войну, былъ у преподобнаго Сергія въ его обители, прося его молитвъ и благословенія.

Преподобный, призывая на него благословеніе небесное, именемъ Божіимъ предрекъ ему побѣду на враги; и притомъ, по просьбѣ князя Димитрія, далъ ему въ его воинство двухъ своихъ монаховъ—„Пересвѣта“ да „Ослябя“, которые въ мірскомъ житіи были изъ бояръ, великіе ратники, мужественные и въ военномъ дѣлѣ искусные. Сіи монахи охотно на сіе согласилися: видно, что въ нихъ еще горѣлъ духъ храбрости мірской, а Сергій ихъ посхимилъ, говоря, чтобъ они въ сраженіе вступали въ схимѣ, которое одѣяніе, какъ все вышито крестами, то, чтобъ оно и, на нихъ изображенный, крестъ служилъ имъ вмѣсто шлема и брони. Сей былъ новый подвигъ для монаховъ, которые, отрекшись міра и служа Богу мира въ тишинѣ, въ смиреніи и терпѣніи, обязались быть воинами Іисуса Христа противу плоти, міра и діавола, оружіями духа.

Пересвѣтъ схимникъ началъ сраженіе единоборствомъ съ однимъ вышедшимъ сильнымъ татариномъ; и столь крѣпко на копяхъ сразились, что тотчасъ пали оба мертвые и съ копями своими. А о другомъ схимникѣ—молчаніе въ Лѣтописцахъ; но вѣроятно, что и онъ убитъ: ибо не помнпается, чтобъ онъ остался въ живыхъ. И гробы ихъ, по преданію, находятся въ Москвѣ, при Рождественской приходской церкви, возлѣ Симонова монастыря.

Преподобный Сергій прислалъ отъ себя писаніе къ великому князю, увѣщавая его съ надеждою вступать въ бой, и благословенный хлѣбъ; и столь благоразумно сіе расположилъ, что сіе писаніе и хлѣбъ вручены были великому князю въ самой тотъ часъ, какъ сраженіе начиналось,—чѣмъ и онъ, и все воинство весьма ободрилось. Ибо о святости и духѣ пророчества Преподобнаго Сергія у всѣхъ было столь великое мнѣніе, что когда Олегъ Рязанскій, предатель и измѣнникъ, увидѣлъ, что великій князь идетъ съ воинствомъ противу татаръ, а онъ Мамая увѣрялъ, что великій князь не отважится противу его ополчиться, а убѣжитъ куда-нибудь въ дальнія страны, оставивъ все. Удивившись сему, Олегъ спрашивалъ своихъ бояръ: „откуда Димитрію Московскому таковая отважность“,—и они всѣ единогласно отвѣчали: „въ его области есть нѣкоторый монахъ Сергій, иже пророчество отъ Бога имѣя; и той монахъ вооружи его, и повелѣ ему пойти противу Мамая. И Олегъ, услыша сіе, устрашися и вострепета зѣло“.

Великій князь Димитрій Ивановичъ, по полученіи побѣды надъ Мамаемъ и по прибытіи въ Москву, скоро отправился въ Троицкій монастырь, къ преподобному Сергію, воздати Богу благодареніе и святому старцу за молитвенную помощь, и за данныхъ монаховъ, особливо за Александра-Пересвѣта, и притомъ поручилъ ему за всѣхъ убіенныхъ пѣть панихиды и отправлять литургіи. Каковое учрежденіе

послѣ во всей Россіи уставлено и нынѣ хранится, отправляемое въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ субботу называемую „Димитріевскую“, всегда бывающую предъ наступающимъ днемъ святаго Димитрія.

При семъ посѣщеніи, великій князь пожаловалъ преподобному Сергію многія вотчины на его обитель; а для любопытства прилагается здѣсь и списокъ съ граматы, на то данной великимъ княземъ Димитріемъ и Василіемъ Димитріевичемъ.

„Данье великаго князя Дмитрія Ивановича Донского, въ Сергіевъ монастырь.

Въ лѣто ѕ. ц. а.

„Далъ святой Троице живоначальной въ домъ, въ Сергіевъ монастырь, князь великій Дмитрій Ивановичъ Донской, игумену Сергію братію вѣчной поминокъ по своей душѣ, и по своихъ родителей, въ Радонежѣ сельцо Клементьево, да деревня Ооонасьево, да приселокъ Киясово, да половина Глинкова, половина сельца Зубачева, да приселокъ Борково и смельницею на ворѣ, сельцо Муромцово, да приселокъ Путилово, да погостъ Троица на березникахъ, деревня Ѳедоровское. Да въ Углецкомъ уѣздѣ далъ князь великій Дмитрій Ивановичъ Донской Чудотворцу Сергію сельцо Прилуки съ деревнями, да приселокъ Красное. Да въ Дмитровскомъ уѣздѣ далъ князь великій Дмитрій Ивановичъ Донской Чудотворцу Сергію сельцо Синково съ деревнями, а подавалъ тѣ дальныя села, какъ пришелъ съ Мамаева побоища.

„Великаго князя, Дмитрія Ивановича Донского, великая княгиня Овдотья обреклась молити Пресвятой Троице, и пречистые Богородицы, у свята старца Сергія молила, чтобы обней у пресвятые Троицы и у пречистые Богородицы умолилъ о чадородіи. И его святыми молитвами подаровалъ Богъ Государыне чадородіе, великаго князя Василія Дмитровича, да князь Юрья, и великая княгиня дала въ домъ святой Троице, и пречистой Богородице, и святому Сергію на молитву и братье на покой въ Перехте село свое Ѳедоровское съ приселки и сдеревнями въ Костромскомъ уѣздѣ“.

„Далъ князь великій Дмитрей Ивановичъ святой Троицѣ въ Сергіевъ монастырь на Москвѣ площадку и пятно нагайское впрокъ во вѣки“.

„Дано игумену Никону въ Сергіевъ монастырь влѣто ѕ. ц. к.

„Далъ святой живоначальной Троице, и пречистые Богородицы вдомъ игумену Никону сбратьею, князь великій Василій Дмитріевичъ сбратомъ своимъ, со княземъ Юрьемъ Дмитріевичемъ, ввѣчной поминокъ по своимъ душамъ, и по своимъ родителемъ, сельцо Присѣки сприселки, и здеревнями вбѣжецкомъ верху, да сельце Хупань спустотами, и со зерскими ловлями въ Переславскомъ уѣзде, и сварницами“.

Заслуживаетъ примѣчаніе, какъ, таковый нищеты любитель и отвергшійся всего, Сергій, согласился принять таковое щедрое и съ заботами соединенное подаяніе. Мнить можно, что не хотѣлъ Сергій непринятіемъ оскорбить вѣры Димитріевой; и что онъ таковое даяніе не къ себѣ относилъ, но къ устроенію обители и къ снабдѣнію странныхъ и неимущихъ. Ежели то, послѣ его, не такъ было употребляемо, отъ сего чуждъ былъ праведный мужъ.

А въ 1382 году Діонисій, епископъ Суздальскій, который спорилъ противу Митяя, и отъѣхалъ тайно въ Царьградъ, оттуда возвратился, привезши съ собою много иконъ, и мощей, и страсти Христовы, и отбылъ въ Новгородъ.

Привезъ епископъ Діонисій отъ патріарха Цареградскаго Нила грамату къ архіепископу Новгородскому Алексію, въ коей писано о проторяхъ, какія должны быть на поставленіи, и предостерегая отъ еретиковъ стригольниковъ. И потому уставлено, что брать съ поставленія въ Новгородѣ и Псковѣ, а чрезъ то мятежъ и соблазнъ пресѣченъ. Грамата сія, видно, прислана по отношенію Новгородцевъ, которые великими на поставленіяхъ издержками соблазнялися и смущалися: ибо то почитали „ставиться на мздѣ“, что всѣми правилами воспрещено. Чрезъ сію грамату они успокоились, или потому, что расходы противу прежняго уменьшены, или уважили власть Патріархову, то утверждающую, или почли за справедливое, какъ Никоновскій Лѣтописецъ пишетъ, что Діонисій при семъ имъ толковалъ, что „иное де есть мзда, а иное проторы и исторы на поставленіяхъ“. Но таковое толкованіе выше нами объяснено. И сей Діонисій не тщетно въ Царьградъ ѣздилъ: ибо хотя нынѣ митрополитомъ и не сталъ, но видно такимъ же толкованіемъ, какое Новгородцамъ дѣлалъ, испросилъ себѣ наименованіе „Архіепископа Суздальскаго“, и фелонь со крестами, и стихарь съ источниками, каковое отличіе было свойственно митрополиту.

Въ томъ же году было нашествіе царя Тахтамыша на Москву, которая имъ взята и до крайности разорена, и другіе окрестные грады. Князь великій Димитрій прежде избѣжалъ изъ Москвы и скрылся въ Костромѣ. А остались въ Москвѣ супруга его „Евдокія“ и митрополитъ Кипріанъ, который, видя нашествіе татаръ, а паче великій въ градѣ мятежъ и междоусобіе, и наглости безпримѣрныя, и сколько ни старался то прекращать, но успѣха не имѣлъ,—почему принужденъ былъ изъ такого мятежнаго града удалиться и великую княгиню спасти; но едва съ великимъ затрудненіемъ ихъ выпустили, и то ограбивъ ихъ: митрополитъ отбылъ въ Тверь, а великая княгиня на Кострому. По отбытіи Тахтамыша, возвратился великій князь въ разоренную и опустошенную Москву и послалъ бояръ звать митрополита въ Москву

изъ Твери, куда и прибылъ онъ. Но великій князь оказалъ митрополиту свое неудовольствіе, не извѣстно, почему. Ибо никакъ невѣроятно, какъ нѣкоторые Лѣтописцы пишутъ, что аки бы князь Димитрій прогнѣвался на митрополита за то, что онъ отлучился изъ Москвы: ибо и самъ великій князь изъ нея убѣжалъ; а ему болѣе, нежели митрополиту, надлежало свой градъ защитить. Какъ же бы онъ могъ осуждать въ томъ митрополита, или обличать его въ трусости, аки бы митрополитъ храбрымъ витяземъ долженъ быть? Вѣроятнѣе другой Лѣтописецъ пишетъ, что, по бытности митрополита въ Твери, князь Тверской поѣхалъ въ Орду доискиваться великаго княженія, и великій князь подозрѣвалъ, что онъ то учинилъ по совѣту митрополита.

Митрополитъ Кипріанъ, видя таковое великаго князя къ себѣ нелюбіе, удалился въ Кіевъ на свое мѣсто митрополитское, гдѣ и принятъ былъ отъ всѣхъ, со стрѣтеніемъ далече отъ града, съ великою честію и радостію; и въ Кіевскихъ странахъ управлялъ всѣмъ по власти митрополитской, и всѣ ему повиновались и почитали.

А великій князь Димитрій послалъ въ Тверь и велѣлъ Пимена изъ заточенія и изъ оковъ освободить, и звать на митрополитскій престолъ того Пимена, котораго прежде самъ князь не призналъ митрополитомъ, и въ заточеніе послалъ, коего постановленіе толико было неправильно. И Пименъ въ Москву прибылъ, и всѣми принятъ и стрѣченъ за городомъ, и самимъ великимъ княземъ и съ дѣтьми, и вступилъ Пименъ во все митрополитское правленіе. Въ таковомъ происхожденіи не можно ничего примѣтить порядочнаго и основательнаго.

Пименъ тотчасъ, бывъ въ Переяславлѣ, поставилъ епископа Савву въ Сарай, а съ нимъ были на посвященіи епископъ Ростовскій Матѳей гречинъ и Данила, епископъ Звенигородскій, а изъ Переяславля съ тѣми же епископы, бывъ на Костромѣ, поставилъ тамъ Михаила епископа въ Смоленскъ; а потомъ, бывъ во Владимірѣ, съ тѣми же епископы, посвятилъ тамъ Стефана Храпа въ Пермь,—и оттуда отпустилъ каждаго въ свое мѣсто. Здѣсь поминаются въ первый разъ двѣ епархіи — Звенигородская и Пермская. Хотя по исторіи видно, что были иногда епископы въ Звенигородѣ, или паче Свѣнигородѣ, на Свѣнѣ рѣкѣ состоящемъ, не далеко отъ Кіева, по ту сторону Днѣпра; но здѣсь разумѣть надлежитъ Звенигородъ, что близъ Москвы: ибо въ сіе время стали Звенигородскіе удѣльные князя быть особые. Но какъ сіе княжество не много продолжалось, то и послѣдованія епископовъ мало видно.

А вновь устроена Пермская, которая епархія и продолжалась; и помянутый Стефанъ былъ первый епископъ Пермскій, о коемъ еще въ послѣдствіи воспомянемъ.

Въ 1384 году поминаютъ Лѣтописцы о нѣкоемъ монахѣ Павлѣ, что былъ житія дивнаго и великій философъ; многія писалъ книги учительныя и ихъ къ епископамъ посылалъ, всѣмъ общій наставникъ и утѣшитель прозваніемъ „Высокій“, и въ семъ году, къ печали общей, скончался и погребенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Печерскомъ монастырѣ. О немъ епископамъ Нижегородскимъ прилежнѣе испытать есть долгъ.

Въ семъ же году, помянутый архіепископъ Суздальскій Діонисій паки пошелъ въ Царьградъ доискиваться, какъ послѣдствіе доказало, митрополіи. А съ нимъ великій князь отпустилъ туда же духовника своего, игумена Симоновскаго Ѳеодора, племянника преподобнаго Сергія, для дѣлъ, до правленія митрополіи Россійской надлежащихъ; а въ какой силѣ, не объясняется. Но примѣчать можно, что великій князь,ославъ съ нимъ духовника своего, едва ли не былъ согласенъ быть ему митрополитомъ.

Въ слѣдующемъ году Діонисій, архіепископъ Суздальскій, получилъ желаемое: онъ поставленъ въ митрополита на Русь и пришелъ въ Кіевъ и мыслилъ итти въ Москву. Но Кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ его удержалъ, сказавъ: „почто пошелъ еси въ Царьградъ ставитися въ митрополиты безъ нашего совѣта? Се бо на Кіевѣ есть митрополитъ Кипріанъ, и той есть всей Руссіи митрополитъ, пребуди убо здѣ сѣдя въ Кіевѣ“. И посадилъ его подъ стражу, въ которой и умеръ, и погребенъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ; и хотя извѣстны его бывшіе честолюбивые происки, однако, пишутъ Лѣтописцы, тѣло его цѣло и нетлѣнно.

И такъ были въ едино время въ Россіи три митрополита: Кипріанъ, Пименъ и сей Діонисій, всѣ присвоющіе себѣ митрополію всероссійскую. Никакъ не можно извинить предосудительный поступокъ патріарховъ Цареградскихъ; и надлежало для избѣжанія таковыхъ соблазновъ, чтобы Церковь Россійская освобождена была отъ сего, злоупотребляемаго, права Цареградскихъ патріарховъ.

И духовникъ великаго князя, игуменъ Симоновскій Ѳеодоръ, не тщетно былъ въ Царьградѣ: ибо оттуда возвратился, получивъ степень архимандрита, и тѣмъ великаго своего дядю превысилъ; но Сергій смиреніемъ и презрѣніемъ таковыхъ почестей превосходилъ всѣхъ.

А въ слѣдующемъ потомъ году изъ Цареграда пришли два митрополита Матоей и Никандръ и многіе съ ними чиновные, и звали митрополита Пимена въ Царьградъ; и онъ того же года пошелъ и потомъ паки возвратился въ Москву. Видна причина сего позыва, что Кипріанъ, почитая себя митрополитомъ всея Россіи, Пимена не признавалъ таковымъ и доискивался, дабы онъ отрѣшенъ былъ. И хотя Пименъ могъ

то получить, что онъ митрополіи не лишенъ, но признанъ быть только митрополитомъ въ Москвѣ, а Кипріану быть въ Кіевѣ. Такъ-то играютъ человѣческія страсти!

ГЛАВА XXXIII.

Въ томъ же 1385 году, Новгородскіе посадники согласили Новгородцевъ, чтобы имъ на судъ къ митрополиту, по духовнымъ дѣламъ, въ Москву не ходить и ни въ чемъ къ нему не отзываться; а судить ихъ владыкѣ Новгородскому по Евангелію, и по правиламъ въ правдѣ: такъ какъ и по дѣламъ гражданскимъ судить ихъ своимъ, а никуда далѣе нейти, и сіе хранить утвердили присягою. А дабы судъ таковый былъ еще справедливѣе и безподозрительнѣе, положено, дабы два истца могли сами избирать двухъ бояръ и двухъ тутошнихъ гражданъ, дабы быть ими при производствѣ каждаго суда. Сіе поставленіе Новгородцевъ доказываетъ, колико они ревностны были къ своей вольности; да и не видится, чтобы то было противно порядку и справедливости: ибо всякія дѣла духовныя могли и должны были производимы быть своимъ епископомъ. А ежели бы случилися какія важныя духовныя дѣла, или до епископа принадлежащія, или и до благосостоянія всей Церкви, въ таковыхъ случаяхъ, хотя надлежало относиться къ митрополиту, но не къ его особѣ единственно, а съ нимъ вкупѣ ко всему собору епископовъ, и рѣшить дѣло по общему опредѣленію. А при томъ примѣчательно, что и онаго отзыва и суда митрополиты не были бы лишены, если бы во всемъ всегда хранима была одна справедливость, а не примѣшаны бы были къ тому корыстолюбіе и другіе виды политическіе, властолюбіемъ другихъ направляемые.

Въ слѣдующемъ году великій князь Димитрій, находя непрестаемую вражду князя Рязанскаго Олега, человѣка суроваго и къ насиліямъ всегда склоннаго, и хотя посылалъ Димитрій на него рать, но удачи не имѣлъ, потерявъ множество воинства; наконецъ, принужденъ былъ, пришедши въ обитель къ преподобному Сергію, просить его, дабы онъ взялъ на себя посольство отъ лица его, къ князю Олегу Рязанскому, и склонилъ бы его къ миру и любви. Святый мужъ принялъ на себя охотно сей богоугодный подвигъ. Онъ отправился къ князю Олегу въ Рязань, въ видѣ смиреннаго и, по наружному виду, ни мало не уважаемаго старца; но слава его святости и добродѣтели уже тамъ его предваряли. Предсталъ не толико отъ князя, колико отъ Самого Бога, отправленный посолъ: отверзаетъ уста, исполненныя простоты, силою Духа одушевленныя; и тотчасъ гордость Олегова предъ нимъ падаетъ, и свирѣпость умягчается. Онъ склонилъ его въ такой миръ и любовь съ ве-

ликимъ княземъ, что уже никогда послѣ нарушить его не отважился, даже и въ сродство ближнее съ нимъ вступилъ, женивъ сына своего на дщери Димитріевой. Вотъ какъ сильна паче всего добродѣтель! И уединенная жизнь никакъ не мѣшаетъ быть полезнымъ ближнему своему, да и никакъ препятствовать не можетъ; но еще болѣе содѣйствуетъ всѣхъ пользѣ общей, только бы такая жизнь была сопровождаема святостію.

Въ томъ же году Ягелло, или Ягайло, король польскій, принялъ римскій законъ и въ Литвѣ половину Вильны въ тотъ же законъ обратилъ. Примѣчательно, что въ Вильнѣ и въ Литвѣ, по большей части, были православнаго греческаго закона; но, усиліемъ и хитростію папистовъ, многіе прежде въ унію, а потомъ, посредствомъ ея, и въ самое латинство приведены. Однако, до самаго начала нынѣшняго 18 столѣтія, тамъ были еще многія православныя церкви и монастыри, и нынѣ нѣсколько есть.

Въ томъ же году владыка Новогородскій Алексій примирилъ великаго князя Димитрія Ивановича съ Новогородцами; и князь утолилъ брань, получивъ надлежащее удовлетвореніе.

И потомъ Великій князь паки послалъ духовника своего, архимандрита Симоновскаго Ѳеодора, въ Царьградъ къ патріарху Нилу, объ управленіи митрополіи русской, а въ какой силѣ, не объясняется. А можно догадываться, что едва ли великій князь не желалъ ему быть митрополитомъ всероссійскимъ: ибо Ѳеодоръ возвратился уже оттуда архіепископомъ Ростовскимъ, и былъ первый архіепископъ Ростовскій. А митрополитомъ быть, можетъ быть, было затрудненіе, что уже въ то же время были въ Царьградѣ два россійскихъ митрополита—Кипріанъ и Пименъ.

Также въ Царьградъ отправился Евфросинъ, архимандритъ Нижегородскій, и тамъ сталъ епископомъ Суздальскимъ.

Достойна памяти блаженная кончина, случившаяся въ 1387 году, монаха Исакія молчальника, ученика Сергіева. Имѣлъ онъ всякую добродѣтель: послушаніе, смиреніе, чистоту, воздержаніе, нестяженіе, рукодѣліе, постъ, бдѣніе, беззлобіе, безмолвіе, храненіе слова Божія всегда во устахъ и прочитаніе онаго, молитву, умиленіе, молчаніе. Сіи суть оружія Божіи, и ими-то содѣваются герои Христовы, земные ангелы, небесные человѣки.

Сравни съ нимъ въ Лѣтописцѣ Никоновскомъ упоминаемаго, тотчасъ послѣ сего праведника, великаго князя Святослава Ивановича Смоленскаго; увидишь, содрогнешься и ужаснешься, какія симъ княземъ безчеловѣчія выше звѣрства были производимы. Однако, новѣйшіе Лѣтописцы наши сего князя поминаютъ; а праведника онаго молчанію предали.

Въ томъ же году архіепископъ Новогородскій Алексій оставилъ правленіе и пошелъ въ монастырь на деревяницу; а на его мѣсто избрали Новгородцы по жребію изъ трехъ мужа добродѣтельнаго, Іоанна, игумена Хутынскаго.

А Пименъ митрополитъ поставилъ во Владимірѣ Ѳеогноста, во епископа въ Рязань.

А въ слѣдующемъ 1388 году, избраннаго Новогородцами Іоанна посвятилъ онъ въ Москвѣ въ архіепископа Новогородскаго; а на поставленіи съ митрополитомъ были: Ѳеогностъ, епископъ Рязанскій,—Савва, епископъ Сарайскій,—Данила епископъ Звенигородскій, въ присутствіи великаго князя Димитрія Ивановича. А въ препровожденіи новаго архіепископа своего, были Новогородскіе посадники и тысяцкіе, и иныхъ бояръ и великихъ людей многое множество.

Такъ же тѣмъ же митрополитомъ поставленъ на Коломну Павелъ, архимандритъ Рождественскій, изъ Владиміра. И въ то же время митрополитъ Трапезонтскій Ѳеогностъ пришелъ въ Москву ради милостины.

Въ томъ же году пришли на Москву послы отъ папы Римскаго; но съ какимъ намѣреніемъ и отъ коего папы, и кто именно послы, и какое было тому окончаніе, нимало въ лѣтописяхъ не упоминается. А судя по всегдашнимъ и не престающимъ, и никогда престать не могущимъ усиліямъ, чтобъ всѣхъ покорить своей власти, можно заключить, что были отъ нихъ нѣкоторыя предложенія о соединеніи вѣры, но подъ какими-нибудь, по ихъ обычаю, хитростными видами. А притомъ, какъ уже въ Польшѣ и Литвѣ многихъ къ себѣ они совратили; но отъ того происходили неудовольствія и мятежи многихъ, и всѣ православные взирали тогда на Москву, яко на столицу православія: то чаятельно, что-нибудь относительно до сего оные папежцы предлагали. Но по тогдашней, хотя въ простотѣ, великой въ вѣрѣ твердости получить какой-либо успѣхъ конечно не могли.

Въ 1389 году, Пименъ митрополитъ паки, въ третій уже разъ, пошелъ въ Царьградъ, а съ нимъ—Михаилъ, епископъ Смоленскій, Сергій, архимадритъ Спасскій, да старецъ его и слуга, да протопопъ, и протодіаконъ, и иные священники и діаконы. Сей третичной поѣздки митрополитовой причина не показана. А пишутъ, что онъ учинилъ то безъ совѣта великаго князя, а притомъ нѣкоторая между ними была распря. Примѣчательно, что уже отправился въ Царьградъ Кипріанъ митрополитъ, который, конечно, доискивался быть себѣ единымъ митрополитомъ, и великій князь,ославъ въ Царьградъ духовника своего, архимандрита Симоновскаго Ѳеодора, едва ли не хотѣлъ его смѣнить на Пимена,—почему Пименъ и разсудилъ туда отправиться и упредить, дабы чего противнаго ему тамъ не опредѣлено было. Но, не доѣхавъ Царьграда,

въ Халкидонѣ умеръ и погребенъ внѣ Царьграда противъ Галаты, въ церкви Предтечевой. Былъ въ то время тамъ и Кипріанъ митрополитъ, такъ же хлопоталъ о митрополіи, какъ и Пименъ о томъ же.

И такъ, по смерти Пимена, Кипріанъ утвержденъ на Кіевъ и на всю Русь митрополитомъ, отъ патріарха Антонія, и оттуда отправился. Съ нимъ же отправились: Михаилъ, епископъ Смоленскій,—Іона, владыка Волынскій,—и Ѳеодоръ, архимандритъ Симоновскій, который въ Царьградѣ сталъ архіепископомъ Ростовскимъ.

Въ семъ же году преставился великій князь Димитрій Ивановичъ Донской, благочестивою кончиною, бывъ отъ всѣхъ любимъ и почитаемъ, что доказала общая всѣхъ о смерти его печаль. Погребенъ онъ въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ. При отпѣваніи его были: митрополитъ Трапезонтскій Ѳеогностъ (ибо Пименъ пошелъ въ Царьградъ), Данила Звенигородскій, Савва Сарайскій и преподобный игуменъ Сергій. Собесѣдники любимые князя сего были святые: Алексій митрополитъ, Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлоезерскій, Димитрій Прилуцкій Съ таковыми мужами бесѣдуя, князь, конечно, почерпалъ многое духовное просвѣщеніе и доказывалъ тѣмъ свое къ благочестію расположеніе душевное.

На великое княженіе по немъ вступилъ сынъ его, великій князь Василій Димитріевичъ.

ГЛАВА XXXIV.

Въ 1390 году пришелъ изъ Царьграда Кипріанъ митрополитъ прежде въ Кіевъ, а потомъ въ Москву, и былъ встрѣченъ далече отъ Москвы и самимъ великимъ княземъ, на Котлахъ, со всѣми бояры, и съ матерію своею Евдокіею, и вступилъ во все свое правленіе; и бысть тогда въ Москвѣ радость велія зѣло, особливо потому, что уже онъ сталъ одинъ митрополитъ, и чрезъ то распри престали и спокойство уставилось. А притомъ примѣтно, что къ сему митрополиту россіяне, паче другихъ, любовію расположены были. Съ митрополитомъ пришли два митрополита греческіе—Матоей Адріанопольскій, Никандръ Гаіянскій (не извѣстно для чего) и Ѳеодоръ, архіепископъ Ростовскій; Евфросинъ, ставъ архіепископомъ Суздальскимъ, Еремей гречинъ Рязанскій, Исаакій ставшій тамъ же архіепископомъ на Черниговъ и Брянскъ; Михаилъ Смоленскій, Данила Звенигородскій и Ѳеодосій, епископъ Муромскій, что въ Польшѣ. И митрополитъ Кипріанъ скоро потомъ вѣнчалъ бракомъ великаго князя съ княжною Литовскою Софіею Витовтовною въ Москвѣ.

А въ 1391 году пришла грамата отъ патріарха Цареградскаго въ Новгородъ, испрошенная Кипріаномъ митрополитомъ о судѣ, то-есть,

чтобъ въ духовныхъ дѣлахъ относиться къ митрополиту, чего прежде, какъ видѣли мы, Новогородцы положили не чинить. И сія грамата была за подписаніемъ патріарха Антонія и другихъ многихъ митрополитовъ греческихъ; но оной на сей разъ Новогородцы не послушались.

Въ томъ же году позванъ митрополитъ Кипріанъ въ Тверь великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, а съ нимъ два митрополита греческіе вышеупомянутые и епископы: Михаилъ Смоленскій, Стефанъ Пермскій; принятъ съ великою честію и тройнымъ срѣтеніемъ за городомъ, и, пришедъ, служилъ святую литургію. Причина сего призыва была, что великій князь и всѣ мірскіе и духовные не довольны были своимъ епископомъ Евѳиміемъ Висленемъ, и жаловались на него всѣ въ мятежѣ и раздорѣ церковномъ. Митрополитъ, соборомъ разсматривая дѣло, запретилъ епископу служеніе, но еще не отрѣшилъ совсѣмъ, предоставя болѣе разсмотрѣть впредь. А между тѣмъ, отбывъ въ Москву, Кипріанъ взялъ съ собою и епископа Евѳимія, и опредѣлилъ ему жить въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ тотъ и умеръ. Но при жизни еще Евѳимія, паки великій князь Тверскій просилъ митрополита, чтобъ посвятилъ имъ другаго епископа, а именно архидіакона митрополичья Арсенія. Посему паки Кипріанъ пошелъ въ Тверь, а съ нимъ помянутые митрополиты греческіе, да епископы: Михаилъ Смоленскій, Данила Звенигородскій, Стефанъ Пермскій и Іеремій Рязанскій, и посвятили тамъ во епископа въ Тверь архидіакона Арсенія, который крайне не соглашался, боясь вражды и многихъ браней.

Въ чемъ состояли вины епископа Евѳимія, точно въ лѣтописяхъ не объясняется: только пишутъ, что жаловались на него въ мятежѣ и раздорѣ церковномъ, и многія другія вины тяжки зѣло и неудобоносимы; но въ чемъ сей раздоръ и въ чемъ сіи вины состояли,—не объясняютъ. А примѣчательно, что онъ шелъ противъ великаго князя, и чрезъ то какъ между ними, такъ и отъ пріятствующихъ той или другой сторонѣ происходили раздоры. А чтобъ онъ обличаемъ былъ и въ ереси, какъ пишется въ житіи Арсенія, особо выданномъ,—того въ лѣтописяхъ не видно. Да и если бы онъ уличенъ былъ въ ереси, митрополитъ не могъ бы всѣ мѣры употреблять, такъ какъ употреблялъ, чтобъ привести его въ любовь и согласіе съ великимъ княземъ. Да и Лѣтописецъ Никоновскій всѣ тѣ жалобы называетъ клеветами. Однако, когда епископъ Евѳимій возбудилъ противу себя общее неудовольствіе, то, безъ сомнѣнія, должно заключить, что онъ не могъ терпимъ быть во епископствѣ и добраго епископскаго духа не имѣлъ.

Изъ Твери отправился митрополитъ въ Новгородъ, а съ нимъ Іеремій гречинъ Рязанскій и Данила Звенигородскій, и встрѣченъ владыкою Новогородскимъ Іоанномъ и всѣми съ честію, и отвели ему для

пребыванія особый домъ, и принесли многіе дары, и чествовали его чрезъ недѣлю.

А въ осмый день служилъ митрополитъ литургію въ церкви святыя Софіи и, отслуживъ, вшелъ на амвонъ со крестомъ и началъ учить людей. Новогородцы не только не слушали его поученія, но и затыкали уши свои, чтобъ того не слышать, яко хулы каковой. Причиною же сему было, что митрополитъ въ поученіи своемъ началъ просить у нихъ мѣсячнаго суда своего, и не отнимали бы отъ него волостей и пошлинъ. Новогородцы всѣ на это единогласно отвѣчали: „мы присягою обязались, чтобъ намъ не быть призваннымъ на судъ къ митрополиту, и митрополиту насъ не судить, и грамату въ томъ написали и запечатали, и души свои вмѣстѣ запечатали“. Митрополитъ—на то: „сіе внушалъ вамъ сатана злокозньствомъ своимъ, чтобъ священныя уставы нарушать. Покайтеся въ семъ грѣхѣ и беззаконіи, и Богъ вамъ проститъ, и я, по власти, данной мнѣ отъ Бога, васъ отъ клятвы разрѣшу и печати ваши сорву, и граматы раздеру. А что прежде было, то было бы ненарушимо въ родъ и родъ“. Но Новогородцы сего слышать не хотѣли, и ни на его требованіе, ни на прежде присланную о томъ же грамату Антонія патріарха никакъ не соглашались и не уважали. И митрополитъ, укоряя ихъ въ упорствѣ, и что они хотятъ обратить въ свою корысть доходы, ему принадлежащіе, и чрезъ то заслуживаютъ отлученія,—пошелъ со гнѣвомъ изъ Новаграда, не давъ благословенія ни архіепископу Іоанну, ни Новогородцамъ.

Что значитъ „быть звану на судъ къ митрополиту“,—о томъ нѣсколько выше изображено. Но что сей судъ называется „мѣсячный“, я мню, что былъ назначенъ единъ извѣстный мѣсяцъ въ году, въ который положено итти къ митрополиту на судъ, ежели кто какое духовное дѣло имѣлъ въ жалобѣ, или въ неудовольствіи на своего архіепископа; и переносливъ свое дѣло, или, по нынѣшнему, имѣлъ аппелляцію къ митрополиту. Притомъ примѣтно, что митрополиту были въ Новогородской области назначены нѣкоторыя волости, то-есть, села и деревни, съ коихъ доходы до митрополитовъ доходили; также и пошлины, то-есть, нѣкоторые сборы съ монастырей и церквей. Но сожалительно, что, въ чемъ именно, и съ чего состояли сіи пошлины, сколько и какіе съ волостей доходы,—объясненія въ Лѣтописцахъ нѣтъ, или мы найти не нашли случая. О семъ будущіе да потрудятся.

Сей поступокъ митрополита не только похвалы не достоинъ, но и предосудителенъ и съ званіемъ епископа христіанскаго никакъ не согласенъ. О судѣ, до него могущемъ относиму быть, выше сказано; а пошлины и доходы съ волостей есть доброхотное подаяніе. Можетъ епископъ ими пользоваться и употреблять во благое, ежели, смотря на

его трудъ и подвигъ, христіане охотно тѣмъ его наградить желаютъ. Но чтобъ того властію требовать, сіе никакъ съ епископскимъ званіемъ, какъ оно установлено Евангеліемъ, согласить не можно; а особливо, бывъ во храмѣ Господнемъ и совершивъ святую жертву, и когда обязанъ былъ митрополитъ что-либо сказать въ своемъ поученіи объ устроеніи ихъ душевномъ, и чтобъ они, презирая все житейское, единственно помышляли о горнемъ мірѣ и о благахъ вѣчныхъ. Чтобы при таковомъ, говорю, случаѣ митрополитъ въ священномъ облаченіи съ амвона со крестомъ требовалъ себѣ пошлинъ, суда и доходовъ съ волостей,—сіе было бы не иное что, какъ постыженіе сана епископскаго и предосужденіе на духовный чинъ.

Пусть трудится епископъ и подвизается по правиламъ Евангелія; милосердый Промыслъ Всевышняго никогда не допуститъ, дабы онъ лишился пропитанія временнаго. Да хотя бы о семъ, по-человѣчески, и хотѣлъ митрополитъ Новогородцамъ предложить, но не въ храмѣ, не съ амвона, не въ священномъ санѣ и со крестомъ, а особо въ дому своемъ или другомъ; и то смиреніемъ, тихостію и кротостію онъ, конечно, лучше могъ бы успѣть.

Въ тотъ же годъ былъ моръ великъ зѣло въ Новгородѣ, а Лѣтописецъ Никоновскій неблагоразсудительно пишетъ, что аки бы оный воспослѣдовалъ за непослушаніе пастыря своего въ вышеписанномъ. Сіе справедливѣе надлежитъ отнести къ невѣдомымъ судьбамъ Божіимъ.

Въ 1392 году преставился славный и святый старецъ, преподобный Сергій, игуменъ Радонежскій, въ старости маститой, живъ 78 лѣтъ, и въ вони благоуханія духовнаго; и при смерти изъявилъ смиреніе, ему свойственное: велѣлъ себя погребсти за церковью, вмѣстѣ съ братіей. Но братія о семъ оскорбилася, и вопрошали митрополита Кипріана, и митрополитъ повелѣлъ его погребсти въ церкви деревянной, имъ построенной на правой сторонѣ, на коемъ мѣстѣ послѣ ученикъ его и преемникъ, преподобный Никонъ, построилъ церковь каменную, во имя Святыя Троицы, при коемъ случаѣ открылъ его и святые останки, кои и нынѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ погребенъ, видимы. Родители его, Кириллъ и Марія, были изъ знаменитыхъ Ростовскихъ бояръ; но, по причинѣ нуждныхъ и тѣсныхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, переселились въ Радонежъ, бывшій удѣльный княженія городъ. Ибо сію область сынъ великаго князя Ивана Даниловича Калиты, князь Андрей Ивановичъ, получилъ отъ отца во владѣніе; а отъ него досталась сыну его князю Владиміру Андреевичу Донскому, отъ Владиміра же—князю Андрею, который Андрей и погребенъ въ Троицкой лаврѣ, въ Троицкомъ соборѣ; а родители Сергіевы погребены въ Хотьковѣ. Многіе преподобнымъ Сергіемъ устроены монастыри, кромѣ вышепомянутыхъ: Симоновъ, что

въ Москвѣ; Голутвинъ, что въ Коломнѣ; Кпржатскій—на Кпржачѣ рѣкѣ; Стромынскій—на Стромынкѣ рѣчкѣ; но сіи послѣдніе два нынѣ упразднены. Также и Саввинъ монастырь въ Звенигородѣ устроенъ его же ученикомъ Саввою, который прежде былъ отъ него опредѣленъ игуменомъ въ Стромынскомъ монастырѣ. Но паче всѣхъ возросъ и возвысился тотъ, который былъ орошенъ потомъ Сергія и воздѣланъ его руками. Конечно, къ заслугамъ святаго относить надлежитъ ту славу, которою сія лавра потомъ возгремѣла въ Россіи и столь многія оказала отечеству заслуги,—о чемъ есть особая напечатанная повѣсть, какъ и объ осадѣ, бывшей отъ поляковъ. Кто желаетъ, оныя да прочтетъ.

Примѣчательно, въ Лѣтописцѣ Никоновскомъ, при описаніи кончины преподобнаго Сергія, пишется, что въ то время всѣ митрополиты архіепископы и епископы носили бѣлые клобуки; началъ то первый Василій, епископъ Новгородскій. Какъ нынѣ носятъ бѣлые клобуки съ крестами одни митрополиты, то настоитъ трудъ любопытному и не столь занятому исторіею писателю прилежно изыскать, съ какого случая Новгородскій епископъ Василій сталъ носить бѣлый клобукъ и подлинно ли ему въ томъ тогда и всѣ подражать начали, и когда перестали, по какому случаю и причинѣ; а видно, что уже давно, прежде еще писателя Никоновскаго списка, сіе обыкновеніе престало быть. Ибо онъ пишетъ, что въ то время,—говоря о времени Сергіевомъ и Ѳеодора, архіеписк. Ростовскаго, его племянника, — слѣдовательно, въ то время, какъ онъ писалъ, сего обыкновенія уже не было. При семъ примѣтить надлежитъ, что на древнихъ образахъ первый Ростовскій епископъ святый Леонтій, и святый епископъ Исаія пишутся въ бѣлыхъ клобукахъ, хотя были епископы. А какъ Леонтій былъ первый епископъ Ростовскій и при самомъ почти началѣ христіанства: то изъ сего можно заключить, что гораздо прежде Василія Новгородскаго носили епископы бѣлые клобуки, и потому сіе обыкновеніе не произошло отъ Новгорода, но было прежде, отъ самаго начала христіанства; а какимъ образомъ и когда сіе обыкновеніе отмѣнено,—требуетъ испытанія.

Въ томъ же году въ Литвѣ скончалась славнаго князя Литовскаго Ольгерда супруга Іуліанія, княжна Тверская, въ православіи и иночествѣ наречена Мариною; погребена въ Кіевѣ, въ пещерахъ. Въ томъ же году митроп. Кипріанъ поставилъ въ Полоцкѣ епископа Ѳеодосія.

ГЛАВА XXXV.

Въ 1393 году великій князь Василій Димитріевичъ, почитая дѣло митрополита и Новгородцевъ, въ отказѣ ими митрополиту ихъ судить и пошлины давать, за дѣло, съ собою соединеннымъ (ибо и ему также

требованной дани не давали; а удаляяся отъ митрополичья суда—тѣмъ самымъ удаляли себя и отъ Московскаго правленія),—требовалъ великій князь, чтобъ Новгородцы непремѣнно по прежнему обычаю—митрополиту и судъ судить, и пошлины давать; да и ему, великому князю, со всего Новгорода и со всѣхъ волостей Новгородскихъ черный сборъ собирать и присылать, согласились. А грамату, коею обязались митрополиту ихъ не судить и пошлинъ не давать, отослали бы къ митрополиту, и онъ съ нихъ сей грѣхъ сойметъ; и какъ сего Новгородцы не послушались,—объявилъ онъ имъ войну. И Новгородцы, не хотя далѣе въ сіе дѣло входить, покорились и съ великимъ княземъ, чрезъ ходатайство Ростовскаго архіепископа Ѳеодора, коего Новгородцы о семъ просили, примирились, требуемое великимъ княземъ давать согласились и митрополиту свою грамату, коею себя заклинали, отослали; и зато ихъ митрополитъ разрѣшилъ и послалъ къ нимъ прощательную грамату. А въ граматѣ пишетъ: „Азъ Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, грамату у васъ цѣловальную емлю, а грѣхъ съ васъ снимаю и васъ благословляю. А сынъ мой, великій князь, ваше челобитье пріемлетъ и миръ вамъ по старинѣ даетъ; и вы стойте крѣпко и неподвижно въ томъ; а азъ васъ благословляю“. За сію грамату митрополичью послу Димитрію дали Новгородцы триста пятьдесятъ рублей, да митрополиту послали шесть сотъ рублей, а великому князю, какъ пишутъ въ одномъ Лѣтописцѣ, изданномъ въ Москвѣ въ 1781 г. въ синодальной типографіи, десять тысячъ рублей. Да владыка далъ великому князю тысячу рублей.

О сей граматѣ разрѣшательной трудно судить, ибо здѣсь дѣло духовнаго правленія связалось съ гражданскимъ, и одно другому взаимно содѣйствовало. Но примѣчать надлежитъ: 1) Что митрополитъ въ разрѣшательной граматѣ объ архіепископѣ Новгородскомъ ничего не упоминаетъ,—изъ чего послѣ увидимъ слѣдствія. 2) Въ помянутомъ Лѣтописцѣ пишутъ, что Новгородцы жаловались на митрополита Царьградскому патріарху Антонію, что митрополитъ ихъ не благословилъ не по правиламъ; и патріархъ прислалъ имъ на то благословеніе. А по сему заключить надлежитъ, что Новгородцы имѣли важныя, намъ неизвѣстныя, причины, что со всѣмъ тѣмъ согласились свою грамату къ митрополиту отослать и, сверхъ благословенія патріархова, еще отъ митрополита разрѣшеніе просить.

Въ слѣдующемъ году Арсеній, епископъ Тверскій, устроилъ близъ Твери монастырь на рѣкѣ на Тмакѣ, который называется Желтиковъ, и нынѣ пребываетъ; и въ немъ онъ погребенъ.

Въ томъ же году изъ Царьграда отъ патріарха Антонія пріѣхалъ епископъ Виѳлеемскій Михаилъ, и привезъ двѣ граматы отъ па-

тріарха о проторяхъ и исторяхъ на поставленіи духовныхъ. Таковыя граматы часто помипаются, а подлинныхъ въ Лѣтописцахъ нигдѣ нѣтъ, чтобъ можно было справедливо судить объ нихъ.

А въ слѣдующемъ 1395 году скончался Ѳеодоръ, архіепископъ Ростовскій, племянникъ святаго Сергія. И въ томъ же году Кипріанъ митрополитъ ѣздилъ въ Новгородъ съ присланнымъ отъ Цареградскаго патріарха Антонія посломъ и просилъ суда по старинѣ, и Новгородцы согласились, и архіепископъ Новгородскій Іоаннъ воздалъ ему и патріаршу послу великое чествованіе, и потомъ митрополитъ пребылъ въ Новгородѣ всю зиму и весну до Петрова поста. Видно, что митрополитъ сего посла испросилъ, дабы ему, именемъ патріарха, содѣйствовалъ въ полученіи суда и пошлинъ и прочаго; и архіепископъ, видно, доселѣ не соглашался, да и послѣ едва ли не въ тѣхъ же оставался мысляхъ, какъ впредь усмотрѣно быть можетъ.

Въ томъ же году былъ страхъ отъ ожидаемаго на Москву нашествія Темиръ-Аксака или Тамерлана, славнаго побѣдами царя татарскаго. Великій князь Василій Димитріевичъ, въ ободреніе свое и другихъ, велѣлъ изъ Владиміра взять образъ Владимірскія Богородицы, писанный Лукою Евангелистомъ. Образъ былъ встрѣченъ въ Москвѣ; и на томъ мѣстѣ устроенъ монастырь, и названъ Срѣтенскій, который и донынѣ стоитъ. И какъ Темиръ-Аксакъ, Божіею помощью, въ Москву идти не допущенъ, то въ память сего избавленія уставлено праздновать 26 августа, который праздникъ и доселѣ съ крестнымъ ходомъ въ томъ монастырѣ совершается. А образъ поставленъ въ Успенскомъ соборѣ, который и нынѣ тамъ зримъ есть.

Въ слѣдующемъ, 1396 году, архіепископъ Новгородскій Іоаннъ призванъ митрополитомъ Кипріаномъ въ Москву о святительскихъ дѣлахъ, а о какихъ—не сказано, и отпущенъ съ честью скоро, побывъ въ Москвѣ только два дня. А стольнику митрополита, который его звалъ, далъ владыка 60 рублей.

Въ томъ же году Кипріанъ митрополитъ поставилъ Григорія во архіепископа Ростову, на мѣсто умершаго архіепископа Ѳеодора. А въ другомъ Лѣтописцѣ пишется, что былъ поставленъ Арсеній; но сей Арсеній скоро оставилъ епископію и пошелъ въ монастырь.

Въ томъ же году преставился первый епископъ Пермскій Стефанъ и погребенъ въ Москвѣ, въ монастырѣ внутри Кремля, что нынѣ церковь называемая „Спаса на Бору“. Сей Стефанъ есть апостолъ Пермскаго народа, онъ ихъ обучилъ христіанскому закону и просвѣтилъ крещеніемъ. Пермяне прежде были идолопоклонники: служили солнцу, огню, водѣ, камню, древамъ, скотамъ, птицамъ и рыбамъ, а паче какой-то бабѣ златой, подъ руководствомъ обманщиковъ волх-

вовъ, или ворожей. А се—имена живущимъ около Перми землямъ и странамъ иноязычнымъ: „Двиняне, Устюжане, Вылажане, Пенежане, Южане, Зыряне, Гаяне, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядъ, Перстасы; всѣ сіи назывались Пермь великая". Рѣки же въ сихъ странахъ: Вымь впала въ Вычегду, а Вычегда съ Сухоною—въ Двину; по ней живутъ Югры. Рѣка Вятка—въ Каму; а сія, обходя всю землю Пермскую, впадаетъ у Болгаръ въ Волгу; по ней живутъ Вотяки и Ари. Рѣка Чусова пала съ востока въ Каму; по ней живутъ Перми. Печора, по ней живутъ Печори и Самоядъ; а впизъ Двины живутъ Лопаки, и вси языкъ единъ имѣютъ.

Стефанъ искусенъ былъ въ греческомъ языкѣ, и, нашедши Пермскій народъ безграмотнымъ, сочинилъ азбуку на ихъ языкѣ, научилъ ихъ граматѣ, и многія книги церковныя на ихъ языкъ перевелъ. Весьма сожалѣтельно, что нынѣ сей Пермской граматы и книгъ на ихъ языкѣ не находится, хотя я о томъ весьма старался; нашелъ только Пермскую азбуку, то есть, по-русски написано, какъ въ Пермскомъ языкѣ буквы азбучныя называются. Историку же весьма нужно все стараніе употребить отыскать сію азбуку и книги на Пермскомъ языкѣ; а изъ того можно бы было что-либо заключить надлежащее до Пермскаго народа. По таковымъ трудамъ и Церкви заслугамъ, заслужилъ Стефанъ причтенъ быти къ святымъ; и былъ онъ собесѣдникъ и другъ Сергіевъ.

Въ 1397 году былъ великій князь Василій Димитріевичъ въ Смоленскѣ у тестя своего, великаго князя Литовскаго Витовта; а съ нимъ Кипріанъ митрополитъ: ибо всѣ церкви православныя, въ Кіевѣ и около Кіева, въ Польшѣ и въ Литвѣ, надлежащія до духовнаго правленія митрополитова, состояли во владѣніи сего Витовта. И тамъ митрополитъ въ день святыя Пасхи посвятилъ во епископа въ Смоленскъ Іассона, хотя Смоленскій епископъ Данiилъ еще въ живыхъ былъ; но онъ въ томъ же году оставилъ епархію, имѣя отвращеніе ко владѣнію Литовскому, яко латинской вѣры, а потому, конечно, терпя поношеніе и притѣсненіе, и переселился въ Москву, гдѣ и скончался и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ. А изъ Смоленска митрополитъ Кипріанъ отправился въ Кіевъ и тамъ пробылъ годъ и 6 мѣсяцовъ.

По возвращеніи оттуда поставилъ митрополитъ въ Пермь во епископа Исаакія на Голенищевѣ, то-тсть, въ селѣ митрополитскомъ близъ Москвы на Воробьевыхъ горахъ.

А Новогородскій архіепископъ Іоаннъ примирилъ Новогородцевъ со Псковичами, по просьбѣ къ нему отъ Псковичей: и посадникъ Новогородскій Тимоѳей Юрьевичъ, и тысяцкій Никита Ѳеодоровичъ, и всѣ посадники и всѣ тысяцкіе и бояре и весь Новгородъ. своего господина владыки Іоанна благословеніе приняли, и съ Псковичами примирилися.

Въ 1398 году греческій царь Мануилъ и патріархъ просили помощи отъ великаго князя Василія Димитріевича и отъ другихъ князей Россійскихъ и Литовскихъ, по причинѣ нападенія на Царьградъ турковъ: и они, собравъ подмогу многу, и на священническомъ и архіерейскомъ чинѣ и на монастыряхъ, послали въ Царьградъ деньгами двадцать тысячъ рублей. И царь и патріархъ приняли то съ великимъ благодареніемъ, и послали ко всѣмъ князьямъ русскимъ дары и иконы чудныя и мощи святыхъ.

Въ томъ же году бысть распря между великимъ княземъ и Новогородцами, и великій князь началъ воевать на Новогородскія земли. И хотя митрополитъ Кипріанъ требовалъ къ себѣ архіепископа Новогородскаго Іоанна, который и прибылъ съ Новогородцами, чтобы ихъ съ великимъ княземъ примирить; но въ томъ успѣха не возъимѣли. Началась брань и со стороны Новогородской, съ большею для нихъ уличею, и по пролитіи многой крови; но потомъ, по увѣщанію и старанію архіепископа Новогородскаго Іоанна, Новогородцы чрезъ посланниковъ своихъ, архимандрита Пароенія и прочихъ, съ великимъ княземъ примирился.

Въ томъ же году обновлена въ Твери соборная церковь Преображенія Господня, при Арсеніи епископѣ и чудотворцѣ, которую церковь паки возобновилъ и стѣнымъ писаніемъ украсилъ, сея исторіи писатель, митрополитъ Московскій Платонъ, бывъ тогда архіепископомъ Тверскимъ, 1774 года.

Въ томъ же году, или по инымъ въ 1399 году преставился великій князь Тверскій, Михаилъ Александровичъ, бывъ благочестивъ и народомъ своимъ любимъ. По особой набожности, предъ кончиною князь постригся въ монашескій чинъ и нареченъ Матоей, и погребенъ въ соборной церкви въ Твери святымъ Арсеніемъ Тверскимъ; а на мѣсто его поступилъ сынъ его великій князь Иванъ Михайловичъ.

Примѣчать при семъ надлежитъ, что часто поминаемый здѣсь князь Литовскій Витовтъ, тесть великаго князя Василія Димитріевича, былъ прежде христіанинъ православный и наименованъ Александромъ; но послѣ отвергся сей вѣры и принялъ папскую, и церкви святыя превратилъ на латинское служеніе; и отъ сего-то, мню, возродилось въ немъ всегдашнее къ Россіи враждованіе, яко папскому духу свойственное, папскими духовными одобряемое и возжигаемое.

Въ 1400, или 1401 году преподобный Никонъ, преемникъ Сергіевъ, былъ воспріемникомъ у князя Кашинскаго Василія Михайловича, сыну его Димитрію.

Въ сей же годъ обрѣтены въ Суздали страсти Христовы, кои нѣкогда епископъ Суздальскій Діонисій принесъ изъ Царьграда, купивъ

дорогою цѣною; а найдены въ церковной стѣнѣ: видно, спрятаны были, по опасенію отъ какихъ-либо нечестивцевъ и потомъ перенесены въ Москву, гдѣ и нынѣ находится гвоздь Креста Христова.

А поминаемый Діонисій Суздальскій основалъ Печерскій монастырь, что въ Нижнемъ Новѣ-градѣ. И въ его же время основалъ монастырь въ Суздали его ученикъ Евоимій и первымъ былъ въ немъ архимандритомъ, который монастырь и нынѣ есть, зовомый Спасо-Евоиміевъ монастырь.

Въ 1401 году великій князь Василій склонилъ митрополита Кипріана, чтобы онъ призвалъ къ себѣ архіепископа Новогородскаго Іоанна, представляя на него, что онъ смуты дѣлаетъ между нимъ и Новогородцы, и Торжокъ къ Новгороду склоняетъ, и онъ бы его отъ того отвелъ. Митрополитъ послалъ по него стольника Новосильца; и архіепископъ Іоаннъ прибылъ въ Москву. И митрополитъ посадилъ его въ Чудовъ монастырь за стражу, представляя въ предлогъ то, что онъ не даетъ ему мѣсячнаго суда, какъ видно въ Лѣтописцѣ, печатанномъ въ Москвѣ 1781 года. О мѣсячномъ же семъ судѣ выше писано.

По случаю сему былъ митрополитомъ созванъ соборъ, на коемъ были: Іоаннъ, архіепископъ Новогородскій,—Исаакій, архіепископъ Черниговскій,—Григорій, архіепископъ Ростовскій,—Наоанаилъ, архіепископъ Суздальскій,—Евфросинъ, епископъ Рязанскій,—Арсеній, епископъ Тверскій,—Ѳеогностъ, епископъ (а какой епархіи, не сказано),—Григорій, епископъ Коломенскій,—Савва, епископъ Луцкій, епархіи Польской. Тотъ соборъ для какихъ причинъ созванъ, Лѣтописцы не объясняютъ; а только объявляютъ, что Новогородскій архіепископъ Іоаннъ и епископъ Луцкій Савва понуждены были отъ своихъ епархій отказаться и потомъ еще посажены за стражу. И Новогородскій Іоаннъ сидѣлъ полчетверти года въ монастырѣ у Николы стараго, который, думаю, есть нынѣ называемый „Никола на Перервѣ“, и потомъ отпущенъ въ Новгородъ; а объ епископѣ Саввѣ нѣтъ извѣстія. Какія ихъ вины были, точно не объясняется; только о Новогородскомъ пишется, что онъ дѣлалъ смуты между великимъ княземъ и Новогородцы; и сіе чинилъ митрополитъ по слову великаго князя, и что при томъ яко бы удерживалъ мѣсячный судъ, митрополиту подлежащій. А объ епископѣ Луцкомъ Саввѣ ничего Лѣтописцы не объявляютъ, въ чемъ его вина состояла. Только объ обоихъ пишется, что они были непокорны и должны быть усмирены. Справедливъ ли сей судъ былъ, или нѣтъ, за необъясненіемъ вины и дѣла, и по неизвѣстности тогдашнихъ обстоятельствъ, рѣшить трудно; только видно, что сей соборъ, хотя и духовный, но болѣе относился къ гражданскимъ, нежели къ духовнымъ дѣламъ,— отъ чего всегда благоразумнѣе духовнымъ удерживаться.

Въ 1402 году скончался епископъ Смоленскій Михаилъ и положенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, гдѣ былъ подъ началомъ,—пишетъ Татищевъ; а за что и когда, не объяснено. А въ 1403 г. скончался Савва, епископъ Сарайскій; и на мѣсто его митрополитомъ Кипріаномъ въ селѣ Голенищевѣ поставленъ епископомъ въ Сарай Иларіонъ.

Первые часы поставлены въ Москвѣ за Благовѣщенскимъ соборомъ во дворѣ великаго князя; а дѣлалъ ихъ Лазарь черпецъ сербинъ.

ГЛАВА XXXVI.

Въ 1404 году отпущенъ изъ содержанія митрополитомъ Московскимъ Новгородскій архіепископъ Іоаннъ въ Новгородъ, и Новгородцы срѣтили и приняли его съ радостію великою, какъ не повинно страдавшаго; а посему видно, что Новгородцы не признавали его въ чемъ либо быть виновна, или, по крайней мѣрѣ, яко страдавшаго въ пользу ихъ и заступленіе.

Въ томъ же году Кипріанъ митрополитъ, какъ его область духовная простиралась не только на всю Россію, но и на Кіевъ, и области за Кіевомъ и въ Литовской землѣ, гдѣ были христіане восточнаго исповѣданія, а тѣ земли завладѣны Литовскимъ княземъ Витовтомъ: то онъ ѣздилъ къ оному Витовту въ Литву и въ Кіевъ, и принялъ его Витовтъ любовно и многими дарами почтилъ, и пребылъ у него Кипріанъ нѣкоторое время въ великой чести и отъ него, и отъ пановъ и отъ всего народа. А оттуда пошелъ въ Кіевъ, гдѣ намѣстника своего, Тимоѳея архимандрита, и слугъ своихъ тамо бывшихъ, коимъ препоручено было въ Кіевѣ хранить всякія вещи и управлять многія дѣла, до духовенства принадлежащія, и всякое хозяйство дома митрополитанскаго,—всѣхъ ихъ поймавъ, отослалъ въ Москву. А вмѣсто ихъ поставилъ намѣстника своего въ Кіевѣ Ѳеодосія, архимандрита Спасскаго; также и слугъ своихъ избралъ и повелѣлъ имъ быть въ Кіевѣ съ намѣстникомъ своимъ. За какія вины и неисправности, намѣстникъ и слуги смѣнены, Лѣтописцы не объясняютъ; однако, кажется, поступокъ былъ строгой, когда они не только пойманы, но и въ Москву сосланы, видно, подъ стражею. Едва ли сей поступокъ не далъ случая, или по крайней мѣрѣ жалобами возбудилъ, чтобы въ Кіевѣ учинить другаго митрополита и совсѣмъ отъ Московскаго отдѣлиться, какъ то въ послѣдствіи увидимъ.

Въ 1405 году преставился преподобный Евѳимій Суздальскій. Такъ же Григорій, епископъ Коломенскій.

А Кипріанъ митрополитъ, бывъ въ Волынской землѣ, поставилъ во Владиміръ Волынскій во епископа попа Гоголя. И въ то же лѣто

освящена церковь Успенія въ Москвѣ въ Симоновѣ монастырѣ, послѣ основанія въ 29 годъ.

Того же года великій князь Литовскій Витовтъ имѣлъ свиданіе съ Польскимъ королемъ Ягелломъ, гдѣ былъ и митрополитъ Кипріанъ двѣ недѣли, принятъ съ великою честію. А по какой причинѣ сіе свиданіе они имѣли, да и митрополитъ Московскій тутъ же былъ,—жаль, что Лѣтописцы того не объясняютъ. А историкъ князь Щербатовъ примѣчаетъ, что были ихъ тайные умыслы противъ великаго князя Московскаго, въ чемъ-де великаго князя митрополитъ и предостерегъ.

Въ томъ же году былъ епископъ православный въ Литвѣ во градѣ Туровѣ, Антоній. Былъ онъ ревностный защитникъ православія, и въ немъ утверждалъ Волынь и Литву противъ уніи папской. За это его паписты возненавидѣли зѣло и великими клеветами обнесли его князю Литовскому Витовту, который, хотя прежде былъ нашей Церкви, но послѣ, по хитростнымъ уговорамъ папистовъ, а паче для двоюроднаго своего брата Польскаго короля Ягайлы, принялъ латинскую вѣру. Между многими клеветами на епископа Антонія даже возносимо было, что аки бы онъ переписку имѣетъ съ татарскимъ царемъ и призываетъ его на Кіевъ и на Волынь и на прочіе грады, чтобы ихъ плѣнить и разорять. Витовтъ, внявъ симъ клеветамъ, требовалъ отъ митрополита Кипріана, чтобы онаго извергнуть. И хотя митрополитъ, по разсмотрѣніи, нашелъ оныя клеветы ложными; но какъ паписты настояли, а Витовтъ угрожалъ даже самого митрополита лишить власти митрополитскія въ его владѣніи: то Кипріанъ принужденъ съ Антонія епископа снять санъ святительскій и послалъ его въ Москву жить въ Симоновѣ монастырѣ, предписавъ, чтобы его содержали въ покоѣ и въ довольствѣ, только бы ему изъ монастыря не исходить. Примѣчательно, что епископъ Антоній не лишенъ своего чина: ибо какъ бы могъ то учинить митрополитъ, когда всѣ на него доносы по разсмотрѣніи нашелъ ложными и клеветническими? Да и едва ли по порядку митрополитъ единою своею особою могъ къ тому приступить, чтобы лишить епископа чина, безъ суда и собора епископовъ,—каковый соборъ чтобы былъ, не упоминается; а только отвелъ его отъ правленія епархіи, должности епископской, чтобы скрыть его отъ гонительной злобы князя Литовскаго и папистовъ. Это доказывается и тѣмъ, что опредѣлилъ ему жить въ Москвѣ въ монастырѣ, но содержать его въ покоѣ и довольствѣ, и ничѣмъ его не порицать. А отрѣшеніе отъ епархіи и лишеніе его должности епископской писатели могли почесть снятіемъ святительскаго сана.

1406 году прибылъ митрополитъ Кипріанъ въ Москву изъ Кіева, пробывъ тамъ годъ и одинадцать мѣсяцевъ.

Того же года Кипріанъ митрополитъ поставилъ во епископа на Коломну Симоновскаго архимандрита Иларіона въ селѣ своемъ Голенищевѣ, бывъ уже боленъ.

Въ 1407 году сентября 16 дня преставился въ старости великой преосвященный Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, въ селѣ Голенищевѣ; и собравшіеся епископы и духовный соборъ, и князи и бояре, и множество людей, внесши его въ митрополитскую Успенскаго Собора церковь, совершили надъ нимъ надгробное пѣніе, и положили въ той же Соборной церкви. А на отпѣваніи его были: Григорій, архіепископъ Ростовскій, — Митрофанъ епископъ Суздальскій, — Иларіонъ, епископъ Коломенскій, съ архимандриты и игумены.

Первый въ Москвѣ митрополитъ былъ Петръ чудотворецъ, второй Ѳеогностъ, третій Алексій чудотворецъ, четвертый сей Кипріанъ. Онъ былъ родомъ сербинъ, правилъ всероссійскою Церковію тридесять лѣтъ, безъ полтретья мѣсяца. Былъ мужъ добродѣтеленъ и благочестивъ, любомудрія и разума Божественнаго исполненъ, непрестанно училъ слову Божію, а притомъ упражнялся въ писаніи своею рукою многихъ книгъ; а именно, онъ писалъ соборы бывшіе въ Руси, много житія святыхъ Россійскихъ, и книги „Степенныя“ о князяхъ Россійскихъ онъ же собралъ (о коихъ Степенныхъ книгахъ помянемъ, когда достигнемъ повѣствованіемъ митрополита Макарія, продолжателя тѣхъ Степенныхъ книгъ), и правды и суды и лѣтопись Русскую. Любилъ уединенное житіе; и потому наболѣе пребывалъ близъ Москвы въ селѣ Голенищевѣ между двухъ рѣчекъ, Сѣтуни и Раменки, яко въ мѣстѣ отъ шума градскаго удаленномъ и окруженномъ лѣсами,—гдѣ и многихъ епископовъ поставлялъ, и упражнялся при таковой тишинѣ въ чтеніи Божественнаго слова, въ писаніи книгъ и въ молитвѣ. А изъ помянутыхъ книгъ едва ли, къ нашему сожалѣнію, дошло что до насъ, кромѣ помянутыхъ Степенныхъ книгъ, хотя всѣ тѣ книги собрать поручилъ онъ Игнатію, архимандриту Спасскому, но неизвѣстно о семъ архимандритѣ, хотя объ немъ, архимандритѣ, въ одномъ Лѣтописцѣ и написано, яко бы отъ лица его: „яже и соблюдохъ“ то есть сохранилъ, но и по препорученію митрополита оныя докончалъ.

Прежде же преставленія своего за четыре дни, преосвященный митрополитъ написалъ грамату нѣкую чудную прощальную, всѣхъ прощая и благословляя, и самъ отъ всѣхъ прощенія и благословенія требуя, еже есть истинное любомудріе и смиреніе. И, отходя отъ сего свѣта, заповѣдалъ епископамъ и приставникамъ, глаголя: „егда мя во гробъ положите: прочтите сію грамату вслухъ всѣмъ людямъ“, еже и бысть; и при погребеніи прочелъ оную преосвященный Георгій, архіепископъ Ростовскій, вслухъ всему народу. Чтеніе таковое подвигло многихъ

на слезы, и бысть плачъ и рыданіе на мнозѣ. Грамата же сія писана сице: „Во имя святыя и живоначальныя Троицы. Азъ грѣшный, смиренный Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи смотрихъ, яко постиже мя старость, впадохъ бо въ частыя и различныя болѣзни, ими же нынѣ содержимъ есмь человѣколюбіемъ отъ Бога казнимъ грѣховъ моихъ ради, болѣзнямъ на мя умножившимся нынѣ, якоже иногда никогда же: что же ми возвѣщаютъ ино, развѣ смерть и страшный Спасовъ судъ? достойно разсудихъ, якоже въ завѣщаніи, нѣкая потребная, отъ части писаніемъ симъ изъявити. Первое убо исповѣдую святую Богомъ преданную Апостольскую вѣру, и православіе, истинное благочестіе во святую Троицу, и прочая священная Апостольская повелѣнія святыя Божія церкви, преданія цѣла и неподвижима, того благодатію соблюдати, якоже исповѣданіемъ моимъ написано, еже предахъ внегда въ началѣ святительства рукополагался по обычаю и уставу Апостольскому и святыхъ отецъ Божественныхъ повелѣній. Яко убо отъ Бога Апостоли поставлени сущіи, и Святители отъ Апостолъ поставленіи Апостольскіи наслѣдницы суще, и по тѣхъ Апостоли святителей наставляху по Богопреданному Апостольскому уставу: сицежъ и мене грѣшнаго Духа Святаго благодать по уставу святыхъ Апостоловъ и священныхъ правилъ посвятилъ своимъ священнымъ архіереемъ, патріархомъ вселенскимъ, и при благочестивомъ, царѣ Константиноградстѣмъ православнѣйшемъ. И елицы отъидутъ отъ житія сего по моемъ преставленіи, и елицы еще живи суть, всѣмъ вкупѣ подаю о Святомъ Дусѣ чистое прощеніе. Къ симъ же и святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ, прежде преставльшимся и еще живущимъ, такожъ и святѣйшимъ митрополитамъ преставльшимся и еще живущимъ даю обычную любовь, и послѣднее конечное цѣлованіе и прощеніе, и самъ тогожде прошу отъ нихъ получить. Благородному и христолюбивому, въ Святомъ Дусѣ возлюбленному сыну, великому князю Василію Димитріевичу всея Россіи, даю миръ и благословеніе и послѣдніе цѣлованіе, и съ его матерію и съ его братіею и его княгинею и съ его дѣтьми, и ихъ княгинями и ихъ дѣтьми, такожъ и всѣмъ великимъ княземъ русскимъ даю миръ и благословеніе, и послѣднее цѣлованіе и съ ихъ княгинями, и съ ихъ дѣтьми. Такожъ всѣмъ княземъ мѣстнымъ съ княгинями, и съ дѣтьми оставлю миръ и благословеніе, такожъ и Боголюбивымъ епископамъ, сущимъ подъ предѣломъ нашея церкви въ Русской митрополіи прежде преставльшимся, и еще живымъ сущимъ даю прощеніе и благословеніе и любовь; а отъ нихъ прошу тогожъ и самъ получити: священникомъ же, священному чину, и елицы у престола Господня служатъ, всѣмъ даю прощеніе и благословеніе и любовь; благочестивымъ же княземъ малымъ и великимъ и всѣмъ прочимъ прежде преставльшимся въ лѣтѣхъ нашихъ,

такожъ даю прощеніе и благословеніе, и молюся Господу Богу, да проститъ имъ вся согрѣшенія, елика и тіи, яко человѣцы, согрѣшиша. Бояромъ же великимъ и меньшимъ съ женами и съ дѣтьми ихъ и всему христіанскому народу оставляю миръ и благословеніе; инокомъ же всѣмъ вкупѣ, елицы въ различныхъ мѣстахъ живутъ, и всему причту церковному миръ оставляю и благословеніе. Аще ли же на кого епитимію возложихъ не вниманіемъ, и благословною виною, а не будетъ поискалъ разрѣшенія, и въ томъ забвеніи учинилась смерть, или кого училъ, а ослушался; всѣхъ имѣю о Святѣмъ Дусѣ разрѣшенными, прощенными и благословенными, и молюсь Человѣколюбцу Богу, да отпуститъ имъ. Понеже сочтохъ лѣта своя, отнелѣже въ митрополиты поставленъ быхъ, и обрѣтеся числомъ, яко тридесятое лѣто течетъ къ приходящему мѣсяцу Декемврію во 2 день, и толикимъ лѣтомъ прошедшимъ аще кто будетъ пороталъ на мя, или паки возсталъ явно отъ епископскаго сана и отъ иноческаго, ещежъ и священническаго, или кто отъ мірскихъ совокупился будетъ съ ними, и елицы отъ нихъ познашась и пришедше ко мнѣ исповѣдаша и пріяша прощеніе и разрѣшеніе, прощени суть и благословеніи отъ того часа, и да не вмѣнитъ имъ Господь Богъ во грѣхъ; но да отпуститъ имъ. А елицы, или стыдясь меня, или въ забытіе пріидоша, и въ небреженіе положиша, или опасаясь меня, или скудость ихъ ума, или ожесточившимися вражіимъ навѣтомъ, всякъ, иже есть отъ священныхъ, или отъ инокъ, или мірстіи, мужескъ полъ и женскъ, да будутъ прощены и благословлены, и да невмѣнится имъ въ грѣхъ: зане то мое есть, и въ мене преткнушась, и моея области то разрѣшити. Елицы же возлюбиша насъ и помиловаша насъ Господа ради въ нуждахъ нашихъ и въ трудныхъ хоженіяхъ нашихъ и въ путехъ, и въ различныхъ земляхъ христоименитіи люде, вельможи, бояре, мужи и жены, да будутъ и тіи прощены и благословлены и помилованы отъ Бога Человѣколюбца, да воздастъ имъ Господь по сердцу ихъ. Душу свою и домъ святыя Богородицы приказываю о Святѣмъ Дусѣ возлюбленному сыну, великому князю Василію Димитріевичу всея Россіи, како ея попечалуетъ; такожъ и бояръ своихъ, и слугъ своихъ, и молодыхъ людей отъ мала до велика, какъ пожалуетъ и поблюдетъ. И сице предаю всѣмъ прощеніе, и благодать и миръ отъ Господа Бога нашего Іисуса Христа со всѣми вами, и мое благословеніе, и отъ всѣхъ того же прошу. Писана сія грамата у трехъ Святителей (на Голенищевѣ) мѣсяца сентября 12 дня, індікта 15; а не подписалъ есмь немощи ради своея".

Сіе завѣщаніе и прочіе митрополити Рустіи, переписывая, повелѣвали по смерти своей такъ же прочитывать во услышаніе всѣмъ, и оное во гробъ полагать.

Въ 1408 году преставился Евфросинъ, бывшій епископъ Суздальскій.

Въ томъ же году заложила каменную церковь въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, во имя Вознесенія Господня, благочестивая великая княгиня Евдокія, въ монашествѣ Евфросинья, супруга Димитрія Ивановича Донскаго, а мать великаго князя Василія Димитріевича; въ томъ же годѣ и скончалась во благоуханіи святыни, и погребена въ той, ею заложенной, церкви. Въ томъ же году преставился Ѳеогностъ, епископъ Рязанскій.

А въ 1409 году скончался Иларіонъ, епископъ Коломенскій.

Въ томъ же году пришелъ къ великому князю Московскому въ службу изъ Брянска князь Литовскій Свидригайло Ольгердовичъ, и съ нимъ пришелъ епископъ Брянскій Исаакій. Изъ сего видно, что еще въ Брянскѣ были православные епископы случайно.

ГЛАВА XXXVII.

Въ 1410 году поставленъ въ Царьградѣ патріархомъ Цареградскимъ Матѳеемъ, при державѣ Цареградскаго царя Мануила, въ митрополита Кіевскаго и всея Россіи, преосвященный Фотій грекъ, отъ преставленія преосвященнаго Кипріана чрезъ три года.

Въ томъ же годѣ Едигей, князь Ордынскій, льстивно и какъ бы дружески поступая съ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ, а между тѣмъ подущая такимъ же образомъ князя Литовскаго Витовта противу его и ссоря ихъ между собою,—внезапу нашелъ на Москву, и плѣнилъ и разорилъ, кромѣ Москвы, которую Богъ соблюлъ, города: Переяславль, и Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верею, и Новгородъ-Нижній, и Городецъ, и Клинъ, и волости, и села; да послѣ всего того, прислалъ еще, яко насмѣхательную, къ великому князю Василію Димитріевичу грамату, что аки бы онъ во всемъ томъ виновенъ, что не уважалъ Ордынскихъ царей и имъ должной дани подъ разными предлоги не платилъ. Въ сіе несчастное время и обитель преподобнаго Сергія вся разорена и сожжена, поелику все въ ней было деревянное. А игуменъ, святый Никонъ, съ братіею скрылся въ непроходимыхъ лѣсахъ; по разореніи же возвратился и началъ по малу разоренное возобновлять. И построилъ вмѣсто сожженной, преподобнымъ Сергіемъ построенной, деревянной церкви, на время деревянную церковь, во имя также Святыя Троицы, на другомъ мѣстѣ, которая нынѣ уже каменная и извѣстна подъ именемъ Сошественской церкви; а вмѣсто деревянной сожженной церкви, на томъ же самомъ мѣстѣ заложилъ каменную изъ бѣлаго камня, которая и донынѣ благодатію Божіею пребываетъ

цѣла и названа „Маковкою“, яко на самой, вышедшей съ двухъ сторонъ, полуденной и западной, крутизнѣ воздвижена,—гдѣ и святыя мощи преподобнаго Сергія опочиваютъ.

Въ томъ же годѣ митрополитъ Фотій пришелъ прежде въ Кіевъ, а потомъ въ Москву, на самый день Пасхи, и принятъ былъ отъ великаго князя и отъ всего народа за городомъ, съ подобающею митрополиту Всероссійскому честію.

Въ семъ же году преставился преосвященный епископъ Тверскій Арсеній, во благочестіи и святости житія, и погребенъ въ созданномъ отъ него монастырѣ Желтиковѣ, близъ города, на рѣкѣ Тмакѣ, гдѣ и святыя его мощи почитаются.

А митрополитъ Фотій, видя все почти отъ татаръ разоренно, отъ мора и глада опустошенно, и митрополитскій домъ совсѣмъ опустошенъ, и многія владѣнія земель и мѣстъ ему принадлежащія, въ общемъ разстройствѣ захваченныя другими неправедно, утѣшалъ и наставлялъ народъ, чтобы возлагали упованіе на Бога и добрымъ житіемъ привлекали бы къ себѣ милосердіе и благоволеніе; а опустошенное митрополитскаго дома хозяйство началъ поправлять. И потому принужденъ былъ отъ тѣхъ, кои, по лихоимству и неправдѣ, завладѣли митрополіи надлежащими селами и волостьми, доходами и пошлинами домовыми,—отъискивать и отбирать, и за митрополитскимъ домомъ утверждать; а иное покупать. Но, по таковому взысканію и отбирательству отъ неправедно завладѣвшихъ имѣніемъ митрополитскимъ, многихъ возбудилъ противу себя роптаніе. А сіе Фотія много возмущало и оскорбляло,—особливо, что онъ, будучи грекъ, въ младости вступилъ въ монашество и жилъ въ пустынѣ въ странѣ Амморейской, удаленной отъ всякой молвы житейской. А новыя обстоятельства его сана заставили его входить въ мірскія заботы и видѣть другихъ тѣмъ оскорбляемыхъ и негодующихъ. Почему въ единой къ Богу молитвѣ онъ искалъ себѣ утѣшенія и желалъ успокоиться въ уединеніи отъ молвы мірской.

Къ ободренію его справедливо хозяйскаго попеченія, славный великій князь Владиміръ Андреевичъ, другъ преподобнаго Сергія, и коего сынъ Андрей въ лаврѣ, въ Троицкомъ соборѣ,—погребенъ,—при смерти отказалъ ему, состоящее при Москвѣ, а нынѣ внутрь Москвы вмѣщенное, село Кудрино съ деревнями; и супруга его Елена Ольгердовна по тому завѣщанію исполнила. Князь Щербатовъ примѣчаетъ догадкою своею, что едва ли сіе завѣщаніе было, и едва ли то митрополитъ себѣ наспльно самъ не присвоилъ. Но догадка не сильна противу истины тогдашнихъ писателей; и обыкновенно нынѣшніе новѣйшіе писатели то опровергаютъ, или въ сумнѣніе приводятъ, что съ нынѣшнимъ новаго вѣка ихъ расположеніемъ и мудрованіемъ несходно.

Въ 1411 году великій князь Иванъ Михайловичъ Тверской прислалъ посла боярина къ преосвященному митрополиту Фотію просить въ Тверь; и онъ, прибывъ, посвятилъ тамъ во епископа Твери Антонія, на мѣсто блаженнаго Арсенія.

Того же года, смущаясь молвою житейскою и роптаніемъ нѣкоторыхъ, за отобранныя, неправедно завладѣнныя отъ митрополіи, имѣнія, и яко уединенія любитель,—митрополитъ отошелъ во Владиміръ, а изъ Владиміра въ свою волость въ Сенегъ, или въ Сенежъ. Особливо, какъ одинъ Лѣтописецъ пишетъ, великаго князя ссорили съ митрополитомъ тѣ недовольные, у коихъ заграбленныя имѣнія взяты: представляли, что митрополитъ болѣе присвояетъ себѣ власти надъ князи, нежели подобаетъ, собираетъ дани великія и волости многія, вымучивая у людей налогами и клятвами; а напротивъ, митрополиту клевеща на великаго князя, производили между ними нелюбіе. Уклоняясь отъ сихъ возмущеній, митрополитъ и удалился во Владиміръ; а оттуда въ пустынныя мѣста, въ волость Сенежъ и на озеро святое, кои мѣста любилъ и предшественникъ его, митрополитъ Кипріанъ, и тамъ построилъ церковь. Въ сіе время уединенія его пришли татары съ царевичемъ своимъ Талычемъ, и съ русскими отъ князя Нижегородскаго Данила Борисовича, подъ предводительствомъ воеводы Нижегородскаго Семена Карамышева. Они все разоряли и опустошали, искали и митрополита, но не нашли, скрывавшагося въ непроходимыхъ лѣсныхъ мѣстахъ, на Озерѣ своемъ, въ Сенежскихъ крѣпкихъ мѣстахъ.

Между тѣмъ, по разореніи татарами и русскими града Владиміра, приступили и къ соборной церкви Владимірской. Въ то время былъ сего собора ключарь, священникъ Патрикій, родомъ грекъ, пришедшій съ Фотіемъ, знаменитый и добродѣтельный мужъ: скрывъ все церкви сокровище въ тайныхъ мѣстахъ, затворился въ церкви съ нѣкоторыми. Татары, отбивъ двери церковныя, кои Патрикій не отворялъ, а только недвижимъ стоялъ на молитвѣ,—спрашивали его о церковной утвари, но онъ не открылъ. Варвары мучили его различными страшными образы, а, напослѣдокъ, замученъ до смерти и, бывъ привязанъ къ хвосту конскому, влачимъ по землѣ; и такъ скончался мужъ твердый духомъ и вѣрный къ чести своего званія. А татары ту и другія церкви ограбили и пожгли, и домы и селенія, во градѣ и за градомъ; и потомъ сіи звѣри отошли въ свою мрачную область.

Фотій же митрополитъ, избывъ покровительствомъ Божіимъ отъ татаръ, пребывалъ въ пустынѣ, при Сенежскомъ озерѣ, при церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, съ іеромонахомъ болгаромъ Пахоміемъ, который пришелъ вмѣстѣ съ Фотіемъ, бывъ и въ Греческой странѣ соученикъ его и сотрудникъ. Въ пустынѣ сей, среди лѣсовъ, опла-

кивалъ онъ свое житіе, яко, бывъ въ своей странѣ въ уединеніи и въ безмолвной тишинѣ, напослѣдокъ позванъ свыше на столь трудное и многомятежное въ чужой землѣ митрополитское званіе. Едино утѣшеніе находилъ въ слезахъ, въ молитвѣ и въ чтеніи божественныхъ книгъ. Слышавъ такое митрополита уныніе и сѣтованіе, великій князь Василій Димитріевичъ призываетъ его къ себѣ въ Москву; и онъ, послушавъ его, пришелъ въ сей градъ, пребывъ въ пустынѣ 4 недѣли и 3 дня, но пришелъ унылъ и печаленъ.

Сей великаго князя отзывъ къ митрополиту такъ, какъ и его къ нему повиновеніе, кажется, доказываетъ, что между ними нелюбія не было, какъ пишетъ Татищевъ. А послѣ сего то воспослѣдовало, какъ далѣе будетъ видно.

Великій князь, принявъ митрополита съ честію и бесѣдовавъ взаимно о приключившихся несчастіяхъ, утѣшалъ его, Фотія, чтобы онъ не скорбѣлъ, а полагался бы на Бога, любовно ему выговаривая: „вамъ де паче подобаетъ утѣшать и ободрять насъ всѣхъ. И ты терпи и подвизайся мужественнѣ, да спасешися и мзду велію пріимеши; и о насъ молися, да помиловани и спасени будемъ твоими молитвами“. И тако митрополитъ утѣшился о Господѣ.

И потомъ совѣтъ сотвори великій князь съ отцемъ своимъ, Фотіемъ митрополитомъ, о дщери своей Аннѣ, юже хотѣлъ отдать въ бракъ въ Царьградъ за царевича Іоанна Мануиловича, и Фотій то похвалилъ и благословилъ; и того же года княжна отдана за царевича того въ супружество. А Татищевъ пишетъ, что Фотій митрополитъ изъ Цареграда привезъ грамату о сватовствѣ семъ,—что потому требовано, дабы царевичъ прибылъ въ Москву, куда онъ акибы и прибылъ, и въ Москвѣ аки бы бракъ былъ совершенъ, и царевичъ принятъ и съ супругою отпущенъ съ честію. Отъ сей Анны родился Ѳома; а отъ Ѳомы Софія, которая была за великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ первымъ.

Въ 1413 году архіепископъ Ростовскій Григорій постави церковь каменну въ Москвѣ, на Дорогомиловѣ, надъ рѣкою Москвою.

Въ семъ же году Новгородскій архіепископъ Іоаннъ былъ у митрополита Фотія на Москвѣ съ дары и честію.

Того же года повѣствуется явленіе и чудотворенія образа Богородична, Колоцкаго, отъ нѣкоего бѣднаго крестьянина, бродяги, именемъ Луки, на нѣкоемъ древѣ, въ нѣкоемъ мѣстѣ; и тотъ крестьянинъ по разнымъ мѣстамъ и градамъ съ тѣмъ образомъ бродилъ, а отъ подаяній столько обогатился, что устроилъ богатый домъ, накупилъ людей, пустился въ разстройство, въ пьянство и гулянье, съ охотою псовою, и съ соколы и съ кречаты, и притомъ со всѣми, особливо съ

охотниками княжьими, ссорился, дрался и грабилъ. За что единъ изъ ловчихъ княжихъ пустилъ на него великаго медвѣдя, коего Лука по своей охотѣ хотѣлъ видѣть; и медвѣдь его изломалъ до полусмерти, едва дыханіе въ немъ осталось. Узнавъ сіе, Можайскій князь Андрей Димитріевичъ все имѣніе отъ Луки отобралъ, и на то устроилъ монастырь, который и нынѣ стоитъ, и называется Колоцкій, и въ немъ ту икону поставилъ; въ немъ постригся и умре и самъ изувѣченный Лука...

ГЛАВА XXXVIII.

Въ 1414 году возстали злые люди на Фотія митрополита, и доносили разныя клеветы на него великому князю; взаимно возмущали Фотія и противу великаго князя; и было между ними нелюбіе. А въ чемъ сіи клеветы состояли, показано нѣсколько выше. Но болѣе примѣчательно, что неудовольствіе великаго князя противу митрополита было то, что, конечно, какъ скоро увидимъ, въ сіе самое время дошли до него вѣсти, что Витовтъ, Литовскій князь, помышляетъ въ Кіевѣ особаго подъ своею властію поставить митрополита, а Фотія болѣе не признавать, возлагая на него вины, что онъ разоряетъ митрополію Кіевскую и разными сборами отягощаетъ. Сіе конечно оскорбляло великаго князя, яко Москва лишится сея чести, Кіевъ и тамошнее духовенство не будетъ болѣе по духовнымъ дѣламъ относиться къ митрополиту въ Москву. А притомъ князь видѣлъ, что митрополитъ къ пріобрѣтенію, хотя можетъ быть и справедливому, но слишкомъ пристрастенъ; а потому и могъ его почитать, яко виновнымъ таковаго раздѣленія.

Вотъ, чего боялся великій князь и митрополитъ,—то и воспослѣдовало. По разореніи Кіева отъ татаръ, сей первопрестольный Россіи градъ отъ Россійскихъ князей былъ оставленъ; а потому удобно имъ, всею областію Литовскою и прочими градами за Днѣпромъ, гдѣ были православные епископы, завладѣлъ Литовскій князь Витовтъ, вѣру папскую держащій. Видя, что митрополиты Кіевскіе утвердили пребываніе свое въ Москвѣ, и бывъ къ Россіи, по духу папизма и по властолюбію, враждебенъ, онъ предложилъ епископамъ православнымъ, въ его области состоящимъ, чтобы они избрали другаго митрополита въ Кіевъ, а отъ Московскаго отреклися,—представляя, что Кіевъ былъ всегда митрополіею всероссійскою оставленъ, что церковь Кіевская вдовствуетъ, что Московскіе митрополиты о ней нерадятъ, что все сокровище церкви Кіевской оттуда въ Москву вывозятъ, что собираютъ разные доходы и подати, и изъ Литвы, его области, переносятъ въ другую, и духовенство отягощаютъ. Представивъ епископамъ сіи резоны, болѣе ложные, нежели истинные, Витовтъ требовалъ, чтобы они

избрали другаго митрополита въ Кіевъ. Епископы отъ того дѣла отрицались, почитая противнымъ правиламъ, чтобы одну митрополію раздѣлить на двѣ;—притомъ предвидя, что митрополиты Кіевскіе, ставъ подъ его властію, удобно могутъ быть въ унію вовлечены, которой они зѣло отвращалися. Но когда Витовтъ крайне на то настоялъ и угрожалъ даже смертію, симъ бывъ устрашены, епископы принуждены были сдѣлать опредѣленіе объ избраніи новаго въ Кіевъ митрополита, съ прописаніемъ тѣхъ же резоновъ, какіе имъ Витовтъ представлялъ; а имъ только къ подписанію предложено. И избрали въ митрополита, не извѣстно, гдѣ доселѣ бывшаго, Григорія Симблака, или Цимблака, родомъ болгарянина, и, наблюдая прежнее обыкновеніе, и чтобы имъ съ греческою Церковію не раздѣлиться, отправили его для посвященія въ Царьградъ. Къ чести своей и похвалѣ нашей, ни патріархъ, ни царь Цареградскіе на сіе не согласились, чтобы митрополію раздѣлить надвое; а особливо видѣли, что государь, сего требующій, есть латынинъ; а потому отъ него чего нибудь для православія добраго ожидать не возможно. Витовтъ, бывъ симъ раздраженъ, принудилъ своихъ епископовъ, чтобы они сами поставили митрополита; и они, сдѣлавъ опредѣленіе, поставили помянутаго Григорія Цимблака въ митрополита Кіеву и всей Россіи. А на избраніи и посвященіи его были православные епископы: Исаакій Черниговскій, Ѳеодосій Полоцкій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Владимірскій, Іоаннъ Галичскій, Севастьянъ Смоленскій, Харитонъ Холмскій, Павелъ Червенскій, Евѳимій Туровскій.

Въ какой силѣ было избраніе и опредѣленіе сихъ епископовъ, желающій да прочтетъ ихъ въ нашихъ Лѣтописцахъ. Между тѣмъ Литовскій князь всѣ вотчины и владѣнія, принадлежавшія митрополіи Кіевской, отобралъ и раздалъ ихъ своимъ панамъ, а намѣстника митрополита Московскаго, ограбивъ, изъ Кіева выгналъ. Что предвидѣли епископы православные, чего боялися патріархъ и царь Цареградскій,—то воспослѣдовало: ибо всѣ оныя епархіи, напослѣдокъ, разными кознями и насиліемъ отъ православія отведены и обращены на латинство.

Митрополитъ Фотій, слыша сіе, предпріялъ было итти въ Литву, чтобы Витовта отъ сего отвести; и коли не отведетъ, итти въ Царьградъ и настоять, чтобы тамъ другого митрополита не ставили. Но Литовскій князь, принявъ его съ безчестіемъ и ограбивъ, не допустилъ до Царяграда, а въ Москву отослалъ.

Клеветы, взнесенныя на митрополита Фотія, тѣмъ примѣчательнѣе, что онѣ вышли не только отъ папистовъ, но и отъ его служителей, которые отъ него бѣжали къ епископу Черниговскому, а потомъ и къ самому Витовту. Что нибудь было, чему Фотій подалъ, хотя не причину, но поводъ. Не надлежитъ забыть, что и предшественникъ его

Кипріанъ, поймавъ архимандрита, намѣстника своего въ Кіевѣ, и слугъ, отослалъ въ Москву. Отъ сихъ пойманныхъ и сосланныхъ могли быть вымышлены оныя клеветы и жалобы.

И такъ, изъ сего съ сожалѣніемъ видимъ, что раздѣлилась митрополія, бывшая во всей Россіи одна, на двѣ: одна въ Кіевѣ, другая въ Москвѣ, въ 1415 году.

Разсматривая все сіе приключеніе, нельзя сказать, чтобы то воспослѣдовало безъ всякаго основанія. Ибо 1) Кіевъ и всѣ области духовныя, бывшія прежде подъ владѣніемъ Россійскихъ великихъ князей, отошли, какимъ бы то образомъ ни было, подъ владѣніе Литовскаго князя. 2) Естественно слѣдовало, дабы Литовскому князю, всегдашнему Россіи враждебнику, не терпѣть, чтобы духовенство его области, по всякимъ духовнымъ дѣламъ, относилось къ митрополиту въ Москву, во враждебное для него мѣсто. 3) Какъ онъ былъ папистъ: то окружавшіе его паписты, духовные, по наущенію папы, всѣ мѣры употребляли, чтобы склонить великаго князя Литовскаго, дабы духовнымъ нашего православнаго исповѣданія, но въ его вѣдомствѣ состоящимъ, не попускать по духовнымъ дѣламъ относиться къ митрополиту въ Москву, яко, по ихъ злостному мнѣнію, схизматицкому, и что они, завися отъ Москвы, не такъ удобно къ уніи привлечены быть могутъ. 4) Да и примѣтно, что сами, въ Польшѣ и въ Литвѣ состоящіе, православные епископы не очень хотѣли по всѣмъ своимъ дѣламъ въ Москву относиться. Ибо изъ Лѣтописцевъ видно, что еще гораздо прежде до сего раздѣленія двухъ митрополій, отъ самаго того времени, какъ митрополитъ Кіевскій переселился изъ Кіева во Владиміръ, а изъ Владиміра въ Москву,—мало видимъ, чтобы епископы въ Польшу и въ Литву поставлялись въ Москвѣ, или гдѣ индѣ въ великой Россіи; а пишется, что они поставляемы были въ тамошнихъ, въ Польшѣ и Литвѣ, мѣстахъ, когда туда митрополитъ Московскій временно пріѣзжалъ. 5) Раздѣленіе таковое на двѣ митрополіи и не было бы для Церкви православной вредно, ежели бы свое служеніе отправлялъ митрополитъ одинъ въ своей, а другой въ другой области. Но то крайняго сожалѣнія достойно, что все сіе отъ папистовъ клонилось къ тому, дабы епископовъ православныхъ, какъ близкихъ къ гнѣзду папства и находящихся подъ властію свѣтскаго князя папской вѣры, со временемъ мало по малу, и ихъ и народъ къ хитростной уніи привести, и подвергнуть ихъ подъ иго папское, что, къ несчастію Церкви, и самымъ дѣломъ послѣдовало.

Въ 1415 году Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, посхимился, отказавшись отъ правленія; а правилъ епархію безъ малаго 30 лѣтъ, и въ слѣдующемъ году скончался. А на его мѣсто избрали Новго-

родцы изъ трехъ кандидатовъ, по жребію, монаха простого, Хутынскаго, Самсона, котораго и прислали для посвященія въ Москву, къ митрополиту Фотію, съ посадникомъ и тысяцкимъ. И митрополитъ поставилъ его прежде во вторую недѣлю поста, во діакона, въ субботу третей недѣли во священника, а на другой день, въ недѣлю крестопоклонную, во архіепископа, и нарече ему имя, вмѣсто Самсона, Симеонъ. А на постановленіи его были: Григорій, архіепископъ Ростовскій,—епископы: Тверскій Антоній, Суздальскій Митрофанъ, Сарскій Тимоѳей и Пермскій Исаакій; въ присутствіи великаго князя и при братіяхъ его, Юріѣ и Константинѣ.

Въ томъ же году преставился Григорій, архіепископъ Ростовскій, вторый по Ѳеодорѣ архіепископъ; а прежде были епископы. Сей Григорій былъ учительный и благонравный мужъ, правилъ 21 годъ.

Въ 1418 году Григорій Цимблакъ, поставленный митрополитомъ Кіеву, предложилъ великому князю Литовскому Витовту: „почто ты, княже, въ латинской вѣрѣ, а не въ греческой? На то Витовтъ: „аще хощеши, не токмо мене видѣти въ законѣ греческомъ, но и всѣхъ людей моихъ земли Литовскія, иди въ Римъ и имѣй преніе съ папою и съ его мудрецами. И аще препреши ихъ, и мы вси въ греческомъ законѣ и обычаѣ будемъ; аще ли не препреши ихъ, всѣхъ людей своея земли греческаго закона, въ свой папской законъ превратить имѣю“.

И отправилъ его въ Римъ съ панами своими къ папѣ; и онъ былъ въ Римѣ, и потомъ въ Царьградѣ, а послѣ въ Литву возвратился. Но что по тому воспослѣдовало, и почто онъ ѣздилъ въ Царьградъ, по Лѣтописцамъ не видно; а былъ ли онъ православный, или унію принялъ,—о томъ Лѣтописцы препираются на обѣ стороны. Однако, уже и прежде, а паче съ сего времени, паписты весьма прилежали многихъ отъ православія въ унію совратить злокозненными, имъ свойственными, средствами,—въ чемъ и успѣвали. И сей митрополитъ умре въ 1419 году, былъ книженъ зѣло, изученъ книжной мудрости всякой издѣтска, и много писанія сотворивъ, остави. Послѣ сего послѣдовали особые митрополиты Кіевскіе, управляющіе и всѣми епархіями православными въ Польшѣ и въ Литвѣ, коимъ митрополитамъ всѣмъ именной списокъ послѣ приложенъ будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ томъ же году поставленъ въ Ростовъ архіепископъ Діонисій. Въ 1419 году Симеонъ владыка Новогородскій, бывъ во Псковѣ и судивъ по обычаю мѣсяцъ, дѣлалъ поученіе Псковитанамъ, чтобы они святителя чтили и подати платили, и ничего церковнаго себѣ не присвояли. Каковое поученіе не много чести дѣлаетъ епископу христіанскому.

Въ томъ же году митрополитъ Фотій поставилъ епископа въ Коломну Амвросія.

Въ 1421 году преставился Симеонъ, архіепископъ Новогородскій, бывъ въ управленіи 5 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Въ 1424 году Фотій митрополитъ поставилъ въ Москвѣ во архіепископа въ Новгородъ монаха Емеліана, переименовавъ его Евѳиміемъ.

ГЛАВА XXXIX.

Въ 1425 году преставился великій князь Василій Димитріевичъ и погребенъ въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ; а на мѣсто его вступилъ сынъ его малолѣтенъ, 10 лѣтъ, Василій Васильевичъ. Дядя его, а отца его братъ, князь Юрій Димитріевичъ пожелалъ вступить на великое княженіе; а потому располагался идти противъ своего племянника, и заводить междоусобіе. По общему совѣту, отправленъ къ нему въ Галичъ преосвященный митрополитъ Фотій, дабы его склонить къ миру и къ оставленію своего предпріятія. И хотя князь Юрій принялъ митрополита съ честію; но словъ его и увѣщаній не послушалъ.

Посему митрополитъ, бывъ симъ оскорбленъ, лишилъ благословенія его и градъ, и въ скорости оттуда выѣхалъ. Но, лишеніемъ благословенія отъ первосвятитетя, тронутъ былъ князь и весь городъ; а притомъ открылся въ то же время и моръ во градѣ. Симъ побужденъ будучи, князь достигъ на пути митрополита и испросилъ себѣ и граду благословеніе; а онъ, возратившись съ пути, князя и градъ благословилъ. И митрополитъ съ честію отпущенъ, съ таковымъ условіемъ, чтобъ князю Юрію не искать княженія собою, но чрезъ Ордынскаго царя, кого онъ пожалуетъ на великое княженіе.

Въ 1426 году преставился Радонежскій князь Андрей Владиміровичъ, князя Владиміра Андреевича Донского сынъ, во иночествѣ Савва, и погребенъ въ Троицкомъ монастырѣ, въ соборной Троицкой церкви.

Въ 1427 году скончался преподобный Кириллъ Бѣлоезерскій.

А въ 1429 году скончался Евѳимій, архіепископъ Новогородскій.

Въ 1430 году митрополитъ Фотій былъ у Литовскаго князя Витовта въ Литвѣ, въ градѣ Трокахъ,—гдѣ были и король Польскій Ягайло, и другихъ земель многіе государи, и кардиналъ отъ папы. Почто при такомъ великомъ и важномъ собраніи былъ и митрополитъ Фотій,—въ Лѣтописцахъ не объяснено; а вѣроятно, что онъ добивался, дабы быть попрежнему единому митрополитомъ во всей Россіи,—особливо, что избранный въ Кіевѣ митрополитъ Гонгорій Цимблакъ уже

умеръ. Но былъ ли какой въ томъ успѣхъ, также молчанію предано: только былъ принятъ и отпущенъ митрополитъ съ честію. И Витовтъ, скоро по отбытіи его, умре; а на мѣсто его сѣлъ братъ его двоюродный, Свистригайло Ольгердовичъ.

Въ 1431 году преставился преосвященный митрополитъ Кіевскій и всея Россіи Фотій и погребенъ въ Москвѣ, въ соборной Успенской церкви, возлѣ предшественника своего, митрополита Кипріана. Оставилъ онъ послѣ себя завѣщательную грамоту, въ которой, всѣхъ прощая и разрѣшая, и самъ отъ всѣхъ проситъ прощенія; при чемъ, всѣ свои скорби и бѣды описывая, и что, нашедши домъ митрополитскій въ крайнемъ разореніи и недостаткѣ, все стараніе употребилъ объ устроеніи и умноженіи доходовъ его, — проситъ и заклинаетъ, чтобы все отъ митрополіи было неотъемлемо. Подлинную грамату можно читать въ Лѣтописцахъ: въ сей граматѣ примѣчательно, что преосвященный Фотій, изъясняя свою скорбь о раздѣленіи Кіевской митрополіи, прилагаетъ: „яко и паки Господь Богъ милость показа, въ древній миръ и и благолѣпіе церковь соедини“. Когда паки сіе примиреніе и соединеніе воспослѣдовало, въ Лѣтописцахъ не видно. А примѣчательно, что, когда, послѣ раздѣленія, былъ онъ дважды у князя Литовскаго Витовта, и вмѣстѣ съ Польскимъ королемъ, и принятъ былъ и отпущенъ съ честію: то не воспослѣдовало ли что къ признанію Фотія митрополитомъ и Кіеву, особливо послѣ смерти, поставленнаго въ Литвѣ на Кіевъ и всю область Литовскую, митрополита Григорія Цимблака? Но ежели сіе было, то было или на время, или льстиво: ибо извѣстно, что, послѣ помянутаго раздѣленія, уже никакого отношенія по духовнымъ дѣламъ духовные, въ Литвѣ и въ Польшѣ состоящіе, до митрополитовъ Московскихъ не имѣли, такъ, что наконецъ всероссійскіе въ Москвѣ митрополиты и перестали именоваться Кіевскими, но Московскими, какъ скоро увидимъ.

Въ 1434 году поминается, что избранный въ Новгородѣ въ архіерея Евѳимій пошелъ ставиться къ митрополиту Герасиму въ Смоленскъ, по причинѣ той, что тогда, по кончинѣ Фотія, митрополита въ Москвѣ не было,—который тамъ и поставленъ, какъ видно изъ продолженія, что онъ уже въ Новгородѣ дѣйствовалъ яко архіепископъ.

Кто сей былъ Герасимъ митрополитъ, требуетъ изслѣдованія: ибо онъ не былъ митрополитомъ Московскимъ, и нигдѣ въ Москву поставленнымъ не явствуетъ, да и въ Лѣтописцахъ „Московскимъ“ не названъ, а просто митрополитомъ. По сему очень вѣроятно, что онъ былъ митрополитъ Кіевскій, области Литовской, на мѣсто бывшаго Григорія Цимблака, и къ посвященію архіепископа Новгородскаго приступилъ противу порядка, по причинѣ той, что въ Москвѣ митрополита не было;

а Новгородцы его о томъ просили. Литовцы же тому и рады были чтобы ихъ митрополитъ простиралъ свою власть и на тѣхъ, кои и по раздѣленіи митрополіи ему, яко Кіевскому, не принадлежали, а принадлежали Московскому. И потому-то онъ, митрополитъ Герасимъ, нашими Лѣтописцами не названъ ни Московскимъ, ни Кіевскимъ: Московскимъ потому, что онъ въ самой вещи Московскимъ не былъ; а Кіевскимъ потому, что еще Москва почитала митрополію единою, а Кіевскаго законнымъ не признавала. Но, впрочемъ, видно, что онъ былъ православный, и прежде былъ епископомъ Смоленскимъ: иначе бы отъ него архіепископъ Новогородскій ставитися не согласился. Да и Лѣтописцы нѣкоторые пишутъ, что сего Герасима, за православіе и ревность по немъ, паписты въ Витебскѣ сожгли. Се! Каковъ есть духъ папизма!

ГЛАВА XL.

Въ 1437 году, по не бытіи въ Москвѣ митрополита почти семь лѣтъ, прибылъ въ Москву изъ Царьграда, отъ патріарха Іосифа, митрополитъ гречинъ Исидоръ на Кіевъ и всю Россію; и отъ великаго князя принятъ былъ съ честію.

Въ томъ же году преставился Никонъ игуменъ, Радонежскій чудотворецъ, преемникъ Сергіевъ.

Въ томъ же году Новгородскій архіепископъ Евѳимій пойде въ Москву, чтобы получить благословеніе отъ новаго митрополита и утверждену быть въ своемъ санѣ, поелику онъ поставленъ не Московскимъ митрополитомъ, коего власти подлежалъ. Исидоръ митрополитъ былъ знающъ многихъ языковъ и ученый; по нѣкоторыхъ мнѣнію, не гречинъ, но далматъ, и, будучи воспитанъ и учився въ латынской области, былъ преклоненъ къ латинской Церкви, и былъ уже епископомъ во Иллирикѣ. Какъ царь греческій Іоаннъ имѣлъ нужду въ помощи европейскихъ государей, по причинѣ, что турки, овладѣвъ уже почти всѣми окрестностями Царьграда, наступали и на Царьградъ, зналъ же притомъ, что папа великую имѣлъ силу надъ европейскими государями: то и прибѣгъ къ папѣ, прося отъ него помощи, а чрезъ него и отъ государей европейскихъ. Папа Евгеній IV радъ сему былъ, поелику надѣялся чрезъ сей случай поработить греческую Церковь своему высокомѣрному самодержавію. И потому требовалъ отъ царя греческаго, что, ежели онъ желаетъ получить помощь, то бы самъ онъ, съ патріархомъ и съ своими духовными, прибылъ къ нему въ Италію, гдѣ бы соединить Церковь греческую съ латинскою. Царь греческій, понуждаемый крайностію, началъ склонять своихъ духовныхъ ѣхать

въ Италію, во Флоренцію на соборъ, для соединенія церквей. И хотя духовные греческіе отъ сего весьма отрицалися, но напослѣдокъ, принуждаемые царемъ то совѣтами, то угроженіями, то представленіями, что остается сіе единое средство къ избавленію ихъ отечества, — нехотя согласились и отправились во Флоренцію. Папа, какъ хитрѣйшій изъ человѣкъ, вѣдая, что область Россійская, но вѣры греческой, есть сильная, и сильнѣе по тогдашнимъ обстоятельствамъ, нежели греческая,—склонилъ Исидора и дарами, и великими обнадеживаніями, чтобы онъ, по неимѣнію въ Россіи митрополита, просилъ митрополіи Московской, и оттуда пришедъ явился бы на соборъ, и ему бы помогалъ къ соединенію, то-есть, къ подверженію Церкви греческой и нашей къ его нечистымъ туфлямъ. Исидоръ, ему послѣдуя, явился въ Царьградъ и испросилъ себѣ митрополію Россійскую, тѣмъ удобнѣе, что царь сему и радъ былъ: поелику видѣлъ въ Исидорѣ, что онъ готовъ идти на соборъ отъ имени Церкви Россійской и о соединеніи церквей все стараніе употребить.

Исидоръ, съ такимъ расположеніемъ прибывъ въ Москву и бывъ въ ней не болѣе, какъ четыре мѣсяца, объявилъ великому князю Василію Васильевичу, что имѣетъ быть въ Италіи общій соборъ о соединеніи церквей, куда прибудутъ и царь греческій, и патріархъ, и всѣ духовные греческіе, гдѣ и ему по приглашенію слѣдуетъ быть, дабы быть подвижниковъ за благочестіе и церкви раздираемыя соединить. Великій князь весьма благоразумно тому воспротивился: представлялъ ему, что первѣе надлежитъ собрать соборъ изъ епископовъ Россійскихъ, и о семъ довольно поразсудить и положить; притомъ изъяснилъ, что прежде, отъ начала вѣры, никакого съ римлянами, какъ съ явными еретиками, у насъ соединенія не было, да и о вѣрѣ, толикими вѣками утвержденной, претися есть о своей вѣрѣ акибы усумнѣваться и колебаться. Но Исидоръ ничего не послушалъ, былъ предатель церкви, и говорилъ, что собору быть нѣтъ времени, и надлежитъ, де, поспѣшать. Послѣ сего, богопросвѣщенный великій князь его увѣщавалъ всеприлежно, чтобы онъ ничего къ перемѣнѣ нашихъ благочестивыхъ догматовъ не допустилъ; онъ же обѣщался и клятвою въ томъ себя заклялъ. И тако отправился въ Италію, во градъ Феррару, а потомъ во Флоренцію, взявъ съ собою нѣкоторыхъ иноковъ и священниковъ довольно ученыхъ, и прибылъ туда, какъ нѣкоторые пишутъ, весьма пышно, на сто подводахъ; и его папа дожидался, и принялъ въ свои объятія. Въ пути своемъ Исидоръ ѣхалъ чрезъ Новгородъ и Псковъ, гдѣ былъ принятъ съ честію, и многіе дары получилъ. Потомъ, прибывъ въ Юрьевъ Ливонскій, встрѣченъ не только отъ православныхъ, но и отъ латинянъ, со крестомъ, и прежде принялъ латинскій

обрядъ, а потомъ отъ правовѣрныхъ; и духовныхъ латинскихъ съ большимъ уваженіемъ принималъ, нежели нашихъ. Сіе видѣвъ, Авраамій епископъ Суздальскій, бывый у него въ провожаніи, который съ нимъ и во Флоренціи былъ, и прочіе православные одержимы были страхомъ, нимало не надѣясь чего-нибудь добраго отъ окаяннаго Исидора.

Итакъ, Исидоръ достигъ Италіи, и, входя во градъ Феррару, встрѣченъ былъ отъ латинянъ отлично; гдѣ уже и греческій былъ царь Іоаннъ, и патріархъ Цареградскій Іосифъ, и многіе митрополиты, и духовные, и богословы греческіе. Между ними знаменитѣйшій былъ Марко, митрополитъ Ефесскій, который былъ въ лицѣ и патріарха Александрійскаго; а Исидоръ нашъ взялъ лице и патріарха Антіохійскаго; Висаріонъ же, митрополитъ Никейскій,—лице патріарха Іерусалимскаго, который Висаріонъ отступилъ послѣ совсѣмъ къ латинству. Также и митрополитъ былъ Грузинскій, отъ грузинскаго царя; и Исидора нашего ожидали цѣлые шесть мѣсяцевъ, не соборовавъ, во уваженіе величія державы Россійскія. А съ латинской стороны были изъ всѣхъ европейскихъ государствъ арцибискупы и бискупы, и богословы ихъ, и разныхъ орденовъ монахи: „полкъ много зѣло“. Когда же начали соборовать, воспослѣдовали пренія и распри—особливо Марко Ефесскій, который сильно уличалъ латинъ во многихъ церковныхъ развратностяхъ и въ мучительной власти и гордости папы римскаго; къ нему приставали и многіе греческіе духовные. По воспослѣдовавшемъ смятеніи возгорѣлъ гнѣвомъ папа, и, по хитростнымъ причинамъ, перенесъ соборъ изъ города Феррары во градъ Флоренцію. А бѣдные греки туда же повлеклись и по нуждѣ: ибо были недостаточны и содержаніе получали отъ папы, которое имъ было выдаваемо, или удерживаемо, смотря по тому, какъ они къ папѣ преклонялися, или стремилися противу его.

По прибытіи во Флоренцію, соборовали латины болѣе тонкими хитростями, нежели духомъ Евангельскимъ. И хотя Марко Ефесскій съ прочими сильно тому противился, но напослѣдокъ окончили соборъ, и къ нему приступили многіе греки не столько по согласію и увѣренію истины, сколько по тонкимъ обманамъ, по крайной тѣснотѣ обстоятельствъ греческаго царства, по ласканіямъ и по угроженіямъ. А какое послѣдовало тому опредѣленіе, того списокъ смотри въ Лѣтописцахъ.

Къ сему собору не подписывались: Марко, митрополитъ Ефесскій; Иверскій, или Грузинскій, митрополитъ Григорій, Нитрейскій Исаакій и Газскій Софроній, и другіе, да и самъ патріархъ Іосифъ Цареградскій всегда былъ съ великимъ духа колебаніемъ и смущеніемъ при всемъ дѣла производствѣ, и подписалъ ли опредѣленіе, сомнительно: ибо, въ самое сіе окончанія собора время, скончался онъ во Флоренціи, и

тамъ погребенъ. Нѣкоторые пишутъ, что по смерти его латины подъ его руку подписались въ опредѣленіи собора, утверждая, акибы онъ самъ подписался; это, по извѣстнымъ латинъ оборотамъ, весьма вѣроятно: ибо какъ онъ подписаться могъ, когда или умеръ, или уже при самой кончинѣ жизни былъ?

Во всемъ теченіи дѣлъ собора главнѣйшимъ орудіемъ былъ Исидоръ, митрополитъ Россійскій, и другихъ къ тому склонилъ, что доказываетъ какъ его проворство ума, такъ и безсовѣстіе души. Подобнымъ ему былъ митрополитъ греческій Никейскій, Висаріонъ; онъ, опасаясь возвратиться въ свое отечество, которое предалъ,—у латинъ и остался и сдѣланъ кардиналомъ, и былъ у нихъ въ великой чести. Былъ человѣкъ, подлинно, ученый, но души нетвердой.

По окончаніи собора папа скакалъ и плясалъ, что удалось ему прельстить грековъ, и Церковь православную, греческую, своему игу поработить.

Митрополитъ Россійскій, въ воздаяніе за его предательскія услуги, премного одаренъ и честію превознесенъ; а именно, сдѣланъ легатомъ, или посломъ папскимъ, для народовъ Польскаго и Нѣмецкаго, гдѣ были христіане исповѣданія восточнаго, и Россійскаго; и Исидоръ, прибывъ съ нимъ въ Венгрію во градъ Будимъ, обнародовалъ отъ себя посланіе, въ Лѣтописцахъ прописанное.

Съ пышностію и гордостію папскаго духа, велѣвъ нести предъ собою крыжъ латинскій и три посоха серебреные, прибылъ въ Москву Исидоръ, объявляя, что церкви восточныя и западныя соединилися и назначенъ былъ легатомъ, или посломъ отъ ребра Апостольскаго, то-есть, отъ ребра папскаго, и при служеніи сталъ, во-первыхъ, поминать папу. Прочелъ опредѣленіе папы о соединеніи и особое письмо къ великому князю Василію Васильевичу, каковое опредѣленіе и граматы всѣ напечатаны въ Лѣтописцѣ русскомъ, напечатанномъ въ Санктъ-Петербургѣ, при Горномъ училищѣ, 1792 года, во второй части.

Сіе видѣвъ и слышавъ, великій князь изумился и возревновалъ святою ревностію, а вознегодовавъ на Исидора и изгнавъ съ престола, повелѣлъ ему жить въ Чудовѣ монастырѣ. Достоитъ же удивитися, говорятъ Лѣтописцы, и я съ ними удивляюся, что всѣ князи и бояре молчали о семъ; да и самые епископы Россійскіе были въ семъ случаѣ слабы, дремали и спали. Единъ великій князь столько Богомъ умудренъ былъ, что всѣ сіи прелести позналъ и пагубныя ихъ слѣдствія удержалъ, и единъ ревновалъ по истинѣ и благочестію. Но когда онъ, собравъ всѣхъ епископовъ, князей и вельможъ, имъ объявилъ все сіе хитростное дѣло, и куда папское, подъ видомъ соединенія, намѣреніе клонится, то всѣ къ нему согласно пристали, и, учинивъ соборъ, Исидора въ его пре-

лести обличали, и всемѣрно склоняли, да отвергнетъ сію прелесть и да покается, но онъ оставался въ своемъ ожесточеніи непреклоненъ. Почему и велѣно его содержать въ Чудовѣ за стражей, доколѣ обратится и покается. Но Исидоръ, тьмою зловѣрія бывъ помраченъ, не пришелъ въ раскаяніе, а напротивъ вздумалъ изъ Чудова изъ-подъ стражи убѣжать, подговоривъ двухъ учениковъ своихъ, черпеца Григорія и Аоанасія; и побѣжалъ въ Литву и далѣе къ папѣ. Великій же князь, услышавъ о семъ, не велѣлъ его догонять; радъ что сбылъ съ рукъ такого злаго и опаснаго развратника.

Объ Исидорѣ иностранные Лѣтописцы пишутъ, что онъ изъ Рима отправленъ въ Царьградъ, для склоненія къ соединенію Цареградской Церкви, которая того не принимала, въ самое то время, когда Царьградъ осажденъ былъ Магометомъ II, и по взятіи Царьграда, хотя Исидоръ былъ весьма искапъ Магометомъ, который объ немъ слышалъ. Но онъ хитростнѣйшимъ образомъ надѣлъ свое кардинальное платье на другаго мертваго, котораго турки почли за самого Исидора, и такъ далѣе искать его перестали; а онъ, такимъ образомъ, бѣгствомъ отъ казни угонзнулъ; и какъ явился къ папѣ, то сдѣланъ Константинопольскимъ патріархомъ. Таковъ былъ Исидоръ! Таковы были покушенія на Россійскую Церковь! Таковымъ образомъ мы, Божіимъ милосердіемъ, избавились отъ напасти, яко птица отъ сѣти ловящихъ. За что буди благодареніе Благодѣтелю Богу, и вѣчная память великому князю Василію Васильевичу!

По окончаніи всего сего, для Церкви Россійской важнаго, случая, надобно примѣтить: 1) что весьма не разсудно царь греческій прибѣгъ къ защищенію, прося опаго отъ папы. Ибо могъ онъ видѣть изъ безчисленныхъ примѣровъ что папы никогда не искали пользы для грековъ, а были они ихъ присяжные враги, да и вообще о Церкви христіанской нимало не помышляли, какъ единственно о своемъ возвышеніи, о порабощеніи всѣхъ своему величію и о своихъ выгодахъ; 2) что надлежало было царю греческому исправить свое правительство, которое было въ крайнемъ разстройствѣ, и, вмѣстѣ съ народомъ, приносить покаяніе, обращаться къ Богу лучшею жизнію и привлекать на себя милосердіе Вышняго, что могло бы ихъ защитить болѣе, нежели папы и всѣ державы міра; 3) въ производствѣ собора не на то греки стремились, на что надлежало. Они много пренія имѣли о происхожденіи Святаго Духа,—о чемъ, яко о тайнѣ непостижимой, пренія много имѣть не слѣдовало. Довольно было для сего, безъ всякаго пренія, держать и защищать Символъ вѣры, на вселенскихъ соборахъ утвержденный. А должно было папъ въ томъ уличать и осуждать, что они никакъ не имѣли права прибавлять къ Символу, седьмью вселенскими соборами

утвержденными; а ежели бы и слѣдовало что приложить къ объясненію того Символа, то сіе надлежало учинить также съ согласія вселенскаго собора, а не по одной безмѣстной папской волѣ, или съ нимъ, одной западной Церкви; 4) пренія объ опрѣснокахъ, о чистительномъ огнѣ, о пощеніи въ субботу, о безженствѣ священниковъ не столь важны были. Важно было, что они нарушили дражайшій при смерти завѣтъ Господа нашего, Который оставилъ намъ безцѣнное наслѣдіе „Тѣло и Кровь Свою“; но папы богопротивно нарушили сей завѣтъ и чашу святаго причащенія отъ народа отняли, а оную предоставили однимъ своимъ попамъ; 5) наиболѣе надлежало было настоять на присвояемую безстыдно и богопротивно папѣ власть, аки бы онъ—глава Церкви и въ ней самодержавный Монархъ, что онъ и грѣшить не можетъ, что онъ единъ токмо—епископъ, а прочіе всѣ—его повѣренные, что онъ полную въ Церкви власть имѣетъ опредѣлять по своему изволенію, что онъ выше всѣхъ соборовъ, и что потому никто ему противиться не можетъ и не долженъ. Сіи безмѣстныя положенія совсѣмъ опровергали христіанскую вѣру и приводили къ тому, чтобы мы вѣровали не въ Бога, а въ человѣка, и вѣра наша была бы не Божія, но человѣческая. Да и вѣра въ папу, въ такого непогрѣшительнаго человѣка, о коемъ ихъ же исторія пишетъ, что они производили страшныя во всей Европѣ (кромѣ нашей благословенной Россіи) мятежи и превращенія, и были всегда „центромъ не соединенія, но раздоровъ и разрушенія“,—притомъ многіе изъ нихъ были прескверная и прегнуснаго житія, и болѣе чудовища, нежели человѣки. Прочти ихъ самихъ исторію, и исторію Флери,—и узришь, каковы были папы: многіе изъ нихъ не только быть главою Церкви Христовой, но и христіанами именоваться недостойны. Какъ же бы таковыхъ, кто отчаянный могъ признать за главу Церкви? Ежелибы и самъ святый апостолъ Петръ, коего они величаются быть преемниками, былъ такой развращенной и гордой жизни, мы бы не только его за намѣстника Христова, но и за Апостола не признали бы. Кто хощетъ быть преемникомъ Петру, будь таковъ вѣрою и святостію житія, каковъ былъ Петръ; и мы его признаемъ, а ежели не таковъ, то онъ—извергъ, а не преемникъ Петровъ.

И сего довольно объ Исидорѣ и Флорентинскомъ соборѣ. А обстоятельнѣе о семъ соборѣ желающій знать да читаетъ историка греческаго на греческомъ и латинскомъ языкѣ, Сциропула, также нашего Ѳеофана Прокоповича, изданнаго на латинскомъ языкѣ и напечатаннаго покойнымъ преосвященнымъ Нижегородскимъ Дамаскинымъ. Только прибавимъ, что греки бѣдные ничего въ помощь себѣ отъ папы не получили, а, напротивъ, папа послужилъ, чтобы туркамъ удобнѣе взять Царьградъ. Ибо турки извнѣ градъ осаждали, а внутри града происходили смятенія

между греками отъ присланныхъ отъ папы и отъ Исидора, которые тщались привести ихъ къ унiи. А чрезъ таковое междоусобiе поспѣшилъ градъ къ своей погибели.

Въ 1441 году родился великому князю Василiю Васильевичу сынъ, князь Иванъ Васильевичъ, а крестилъ его игуменъ Троице-Сергiева монастыря Зиновiй.

ГЛАВА XLI.

Въ 1449 году, по долговременномъ, послѣ Исидора, небытiи митрополита въ Россiи, поелику въ сiе самое время турки взяли Царьградъ,—въ Москвѣ поставленъ на митрополiю всея Россiи Iона, епископъ Рязанскiй, своими епископами: Ефремомъ Ростовскимъ, Авраамiемъ Суздальскимъ, Варлаамомъ Коломенскимъ, Питиримомъ Пермскимъ. А Новгородскiй Евѳимiй и Тверскiй прислали граматы о своемъ согласiи: ибо на митрополiю всероссiйскую прежде еще Iону благословилъ святѣйшiй вселенскiй патрiархъ, Григорiй Мамна, какъ былъ Iона въ Царьградѣ и получилъ на то грамату, еще прежде Исидора; но Исидоръ предвосхитилъ и поставился митрополитомъ.

А по изгнанiи Исидора, паки великiй князь послалъ посла, боярина своего Василiя Моря, и епископа Рязанскаго Iону, съ граматою къ императору Цареградскому Iоанну, въ сей силѣ:

„Державнѣйшiй и Боговѣнчаннѣйшiй, высочайшiй царю греческiй, братъ святаго ти царства, великiй князь Московскiй и всея Россiи. Вѣмы, ибо извѣстно отъ Божественнаго Писанiя, яко прежде Божiею благодатiю и многими Его неизреченными щедротами истинное благочестiе, еже въ Господа нашего Iисуса Христа въ Троицѣ славимаго; православная христiанская вѣра, возрасте въ царствующемъ градѣ, во отечествiи святаго ти царства отъ благочестиваго святаго Самодержца всея вселенныя, великаго князя Константина. По многихъ же паки временехъ и лѣтѣхъ прародитель нашъ святый равноапостольный, яко намъ есть достойно сице глаголати о немъ, великiй князь Владiмiръ Кiевскiй всея Россiи, еще въ поганствѣ сый, осiянiемъ Пресвятаго и Животворящаго Духа, начатъ посылати во вся страны и дальнiя грады и мѣста искать и испытывать, кая есть вѣра блага и богопрiятна. Посыланiе же о томъ и изысканiе на многъ имѣяше до Рима и до иныхъ многихъ мѣстъ, еже видѣти латинскую вѣру; не токмо же сей, но и богомерзкаго Маомефа вѣру и служенiе видѣти повелѣ, и сихъ испытати, и видѣ обоя, яко не суть добра, ниже богопрiятна, но паче богоненавидима; и Латинству убо никакожъ внять, окаяннаго и богомерзкаго Маомефа злочестивую ересь всячески поплевавъ отверже;

послѣди же посла въ царствующій градъ видѣти греческую вѣру. Они же, посланные мужіе, видѣша истинную и православную вѣру христіанскую греческую, якоже свѣщу на свѣщницѣ многосвѣтлѣ свѣтящу, и повѣдаша ему. Онъ же яко слыша абіе сладцѣ со вниманіемъ множае, яко стрѣлы уязвленъ бысть благоразуміемъ, и возрадовася духомъ, и возвеселися сердцемъ и всею совѣстію, и безпрестаннымъ раченіемъ возжелавъ, абіе приступаетъ къ Божественной бани крещенія: очищается отъ злочестія водою и духомъ, сокрушаетъ же и отеческіе идолы, заповѣдуетъ во всемъ своемъ отечествіи, во многолюдной Рустѣй земли, да вси вкупѣ святое крещеніе воспріимутъ, малы же и велицы, богатіи и убозіи, и всякаго чина возрастъ, отъ вельможъ и до простыхъ, отъ старецъ и до сущихъ, еже и бысть Божіею благодатію вскорѣ; ибо вси крестишася, Христовымъ наименованіемъ названи быша, и благочестіе веліе процвѣте, тьма же невѣрствія конечнѣ отгнася. Взимаетъ же себѣ онъ великій и новый Константинъ, глаголю же благочестивый царь русскія земли Владиміръ, на свое отечество на новопросвѣщенное православное христіанство отъ святыя великія соборныя апостольскія церкви царствующаго града премудрости Божія въ тогдашнее время отъ святого царя, и отъ управляющаго Божію церковь святѣйшаго патріарха, и Божественнаго еже о немъ освященнаго собора на Русскую землю митрополита, по немъ же укрѣпляеми и воздержими благочестіемъ сынове его, и правнуцы его по роду, тако же торяху, отъ времени до времени вземлюще митрополитовъ на свое отечество на Русскую землю отъ царствующаго града овогда грека, овогда же отъ своея земли поставляемаго святѣйшимъ патріархомъ, нашего руспна, а не отъ Рима, ни отъ папы, ни отъ латинъ. Се же все тако бысть и до времени господства приснопамятнаго господина и отца моего великаго князя Василія Димитріевича, и до прежде-почившаго приснопамятнаго отца нашего преосвященнаго Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Россіи, благодатію Божіею земля наша, и сущихъ окрестъ насъ братіи нашей великихъ князей державы и помѣстныхъ князей и начальниковъ, елико кто подъ собою имѣетъ, вси суть въ благочестіи и православной вѣрѣ живуще, въ святую и живоначальную, единосущную, нераздѣлимую Троицу вѣрующе, въ Отца и Сына и Святаго Духа, отъ преданія онаго заповѣданія святаго великаго прародителя нашего, и до сего настоящаго нынѣшняго времени, въ немъ же и мы нынѣ благодатію Божіею жительствуемъ, доселѣже благоволитъ Богъ, имѣемъ уже 455 лѣто, Богомъ наставляеми благочестіе имуще. По преставленіи же сего предпочившаго отца нашего прежде нареченнаго, приснопамятнаго преосвященнаго Фотія митрополита, за нужду нахожденія безбожныхъ агарянъ, и междоусоб

ныхъ браней, и христіанскаго ради устроенія и духовныя пользы, понудихомъ идти къ вамъ отца нашего Іону, епископа Рязанскаго, мужа суща духовна, въ добродѣтелехъ отъ младенчества многа лѣта пожившца; послахомъ же и посла нашего съ нимъ боярина Василія съ прошеніемъ святому вашему царству, и къ святѣйшему патріарху, и божественному собору съ граматами нашими, и словомъ есмь къ вамъ наказали, дабы есте намъ того Іону поставили на митрополію. Не вѣмы же уже, за кое дѣло нашего есте прошеніе не приняли, и граматамъ нашимъ, ни послу нашему, ни нашимъ словесемъ посланнымъ не внясте, того есте намъ Іону епископа на митрополію не поставили; тому есмя не вмалѣ подивилися, чего ради сіе тако бысть, и въ размышленіи быхомъ, или за помедленіе нашего къ вамъ посланія, или свое высочайшее поставивше, тако сотвористе; о комъ къ вамъ ни послахомъ, ни у васъ кого просихомъ, ни требовахомъ, того къ намъ послали глаголемаго Исидора, и буди вѣдомо, аще не быхомъ того нашего изначальнаго, православнаго христіанства соблюдали, и страха Божія аще не быхомъ имѣли: то никако же отнюдь не хотѣхомъ пріяти его, но за вашего посла моленіе, и за святѣйшаго патріарха благословеніе, и за онаго сокрушеніе и многое покореніе и смиреніе, едва едва его пріяхомъ. Егдаже понуди насъ великое его смиреніе и многое покореніе: пріяхомъ его, яко отца и учителя со многою честію и благимъ усердіемъ попрежнему, якоже и оныхъ прежнихъ святѣйшихъ митрополитовъ нашихъ русскихъ, мняще, якоже и сей единъ есть отъ сихъ; не вѣдуще же что напреди отъ него хощетъ злое дѣло быти, и надѣемся, что все вамъ подробно скажетъ царскій посолъ, какъ преждереченный Исидоръ отъ перваго дни начатъ спѣшить со тщаніемъ къ соборному путешествію и колико возбраняхомъ ему, да не пойдетъ. Онъ же начатъ извѣты сицевы творити, глаголя: яко не мощно ми есть, да не пойду; аще бо не пойду, имамъ отъ святѣйшаго патріарха вмѣсто благословенія клятву воспріяти, понеже и прежній азъ есмь исходатай бываемому собору, и нужду имамъ всячески, да пойду, яко и рукописаніе дахъ на себѣ, еже пойти; и тако много ему глаголахомъ, и не возмогохомъ увѣщати его, и отъ путнаго шествія возбранити, и паки глаголахомъ ему о сихъ, еще же паки пойдеши, и паки аще имаши возвратитися; то ты къ намъ принеси древнее благочестіе, и православную вѣру, еже пріяхомъ отъ прародителя нашего Владиміра, еже держитъ соборная апостольская церковь Божія греческая, а иностранно и ново и чуждо отъ тоя соборныя церкви не приноси къ намъ; ибо аще что принесеши ново: то непріятно будетъ намъ. Онъ же клятвою обѣщался, яко не принести ему ново и странно ничтоже; нынѣ же пріиде къ намъ, многа странна и чужда принесе въ

наше православное христіанство чрезъ Божественныя и священныя правила святыхъ апостолъ и Богоносныхъ отецъ, и чрезъ Божественное узаконоположеніе, еже предано святыми апостолами и Богоносными отцы святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви греческой, и всему православному христіанству, еже послѣжде Божіею благодатію, якоже прежде рѣхомъ и написахомъ, на свѣтъ благоразумія осія крещеніе къ покаянію во оставленіе грѣховъ, и просвѣти насъ, отъ чего и христіанское имя на насъ есть; принесе же къ намъ отъ римскаго папы писаніе, въ немъ же о Святѣмъ Дусѣ два начала латины утвердиша въ своей ихъ церкви исповѣдывати, и опресночная мудрствующе, яко истинно есть, рече, пишуще въ безквасѣмъ и квасѣмъ хлѣбѣ тѣлу Христову сотворится достоитъ. По святымъ правиламъ собравше во отечествіи нашемъ въ Рустѣй земли Боголюбивыя епископы отечества нашего по благодати Святаго Духа избравше добраго мужа и духовна, вѣрою православна, да поставятъ намъ митрополита на Русь, понеже прежде его за нужду поставленіе въ Руси митрополита бывало, а мы о всемъ хощемъ преизначальствующаго, православнаго христіанства посланіе и совопрошаніе любовь со святымъ ти царствомъ, и отъ святѣйшаго патріарха благословенія и молитвы требовати, донелѣже Богъ благоизволитъ, и земля наша доколѣ имать стояти, а никакожъ не имать отъ васъ разлучно быти наше православное христіанство до вѣка, просимъ же о семъ святое ти царство, да со извѣщеніемъ о семъ съ честнѣйшимъ вашимъ писаніемъ отпустите къ намъ сихъословъ неиздержно, да навыкше о здравіи и о благопребываніи святаго ти царства возвеселимся духовнѣ всегда". Въ таковой силѣ посланіе великаго князя было благочестія и благоразумія исполнено.

Но сіи послы отъ пути возвращены, понеже пришло извѣстіе, что греческій царь во Флоренціи, хотя и не хотя, къ уніи присталъ. Изъ сей же самой граматы видно, что Іона прежде уже былъ въ Царьградѣ, и благословеніе на митрополію получилъ еще за 8 лѣтъ до настоящаго его въ митрополиты произведенія. Но Исидоръ проклятый то предвосхитилъ, какъ выше сказано; и потому уже великій князь велѣлъ его произвесть въ митрополита Россійскимъ епископамъ. А хотя бы сіе избраніе и посвященіе было и безъ отношенія къ патріарху, ничего бы не было противнаго порядку: ибо правилами дозволено епископамъ извѣстной области своего митрополита избирать и посвящать, да и примѣры тому въ Россіи были уже, какъ выше о томъ сказано. Притомъ же, какъ въ сіе самое время, въ 1442 году, Царьградъ турками взятъ, и послѣдній царь Константинъ убитъ, и цари греческіе начали жить въ Никеѣ и Трапезонтѣ; почему и неудобно было для поставленія отправляться въ Царьградъ.

Митрополитъ Іона, скоро по своемъ возведеніи на митрополію, далъ архіепископство Ефрему Ростовскому, поелику и прежде того было тамъ архіепископство.

О семъ митрополитѣ Іонѣ, когда онъ еще былъ епископомъ Рязанскимъ, пишутъ Лѣтописцы, что князь Димитрій Шемяка, двоюродный братъ великому князю Василію Васильевичу, бывъ зѣло враждебенъ противу великаго князя и имѣя многія съ нимъ битвы, напослѣдокъ, въ бытность великаго князя въ Троицкомъ монастырѣ для богомолья, Москву захватилъ и послалъ поймать великаго князя, который въ Троицкомъ монастырѣ, въ соборной преподобнаго Сергія церкви, пойманъ и отвезенъ въ Москву, гдѣ былъ и ослѣпленъ по приказу Шемяки. Дѣти же великаго князя, Іоаннъ и Юрій, бывъ скрыты въ монастырѣ, убѣжали въ Муромъ и тамъ въ великой опасности пребывали. Князь Димитрій Шемяка, хотя и дѣтей его достать въ свои руки и зная, что Муромъ находится въ епархіи Рязанской, и что Іона въ особливомъ по своему житію у всѣхъ уваженіи,—склонилъ его, чтобы онъ уговорилъ дѣтей великаго князя пріѣхать къ нему и взялъ бы ихъ на свой епитрахиль, или омофоръ, то есть, на свое священное обязательство, что онъ ихъ пожалуетъ и отца ихъ изъ Углича, гдѣ онъ содержалъ его въ неволѣ, выпуститъ и дастъ ему вотчину довольную, чѣмъ бы имъ безъ всякой нужды себя содержать, и обѣщалъ ему за сіе митрополію всероссійскую. Іона сіе принялъ и въ Муромъ поѣхалъ, и тамъ съ пелены образа Богородична на свой омофоръ дѣтей великаго князя принялъ съ обнадеживаніемъ лучшаго состоянія и для нихъ, и для отца ихъ, и привезъ ихъ къ князю Димитрію Шемякѣ. Шемяка былъ сему радъ и Іонѣ велѣлъ сѣсть на дворѣ митрополичи, Іона же по тому и поступилъ. А Шемяка дѣтей великаго князя хотѣлъ въ Волгѣ утопить, но, бывъ не допущенъ епископомъ Іоною до сего злодѣйства, послалъ ихъ къ отцу ихъ въ Угличъ, въ заточеніе. Іона, видя сіе, выговаривалъ каждый день князю Димитрію Шемякѣ: „Неправду ты учинилъ и меня ввелъ въ грѣхъ и срамоту. Обѣщался ты выпустить великаго князя, а ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ. А мнѣ далъ правое слово; и они меня на томъ послушали, а нынѣ я остаюсь во всей лжи. Выпусти его, сведи съ моей души и съ своей. Что тебѣ можетъ учинить князь ослѣпленный? А дѣтки его еще малы. А притомъ укрѣпи его крестомъ честнымъ, да и нашею братіею, владыками.“ Въ чемъ его князь Димитрій Шемяка и послушалъ, выпустилъ изъ Углича и съ дѣтьми, а потомъ и мать его освободилъ, давъ ему въ вотчину Вологду, и туда его и съ княгинею и съ дѣтьми отпустилъ вмѣстѣ съ епископомъ Рязанскимъ Іоною. Но великій князь, бывъ тѣмъ недоволенъ и употребивъ разные пристойные способы,

паки въ Москву взошелъ и сѣлъ на великомъ княженіи Московскомъ. Къ сему восшествію на свое княженіе много возбуждалъ великаго князя Василія Васильевича игуменъ Трифонъ, Кириловскій-Бѣлозерскій, говоря: „ты Димитрію Шемякѣ крестъ цѣловалъ,—чтобы своего княженія не искать, и мы сію присягу, яко беззаконную и принужденную, снимаемъ на себя и на братію. Пойди, государь, съ Богомъ и съ своею правдою на великое княженіе, а мы Господа Бога о томъ молимъ, и васъ благословляемъ". Великій князь уже на своемъ княженіи бывъ, чрезъ годъ оному Іонѣ, по общему духовныхъ избранію, согласился быть митрополитомъ всероссійскимъ.

Помянутый Іонинъ поступокъ нѣкоторые нынѣшніе Лѣтописцы въ предосужденіе ему ставятъ, что онъ выдалъ Шемякѣ дѣтей великаго князя, польстившись на обѣщаніе быть митрополитомъ; а паче, что онъ еще прежде избранія законнаго, по одному изволенію Шемяки, и во дворѣ митрополичѣ сѣлъ. Подлинно, не безъ трудности извинить таковой его поступокъ, особливо, что Іона, обличая Шемяку, что онъ его въ обманъ и посрамленіе привелъ, предлагалъ, чтобы великаго князя обязать присягою, дабы данымъ ему удѣломъ былъ доволенъ,—слѣдовательно, чтобы великаго княженія, ему принадлежащаго, не искалъ. Какъ же его оправдить? Я не думаю лучше, чѣмъ, какъ, что великій князь Василій Васильевичъ, доставъ Москву, на избраніе его въ митрополита самъ согласился и утвердилъ, и еще его отправилъ было на митрополію въ Царьградъ, какъ выше видѣли. И, конечно, имѣя къ нему довѣренность, послѣ сего взялъ его съ собою и въ походъ противу князя Димитрія Шемяки,—чего бы онъ никакъ не учинилъ, если бы увѣренъ былъ, что Іона умышленно ему и дѣтямъ его былъ предатель; а по всему видно, что Шемякою былъ онъ обманутъ: ибо добродушные люди удобнѣе себя въ обманъ отдаютъ, нежели хитрые и лукавые. А что Іона, можетъ быть, подстрекаемъ былъ слабостію честолюбія,—о семъ Богу судить.

Не извѣстно, какой Григорій, а едва ли не тотъ монахъ, который съ Исидоромъ изъ Чудова убѣжалъ, ученикъ Исидоровъ, а потому и уніатъ, посвященный отъ папы, сталъ митрополитомъ въ Кіевѣ, на мѣсто Исидора, который хотя пришелъ было и въ Москву, почитая себя митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи. Да и король Польскій склонялъ великаго князя Василія Васильевича, дабы онъ Григорія принялъ на митрополію всероссійскую, поелику святый Іона уже преставрѣлся. Но великій князь сіе отвергъ, а святый Іона ко всѣмъ епископамъ послалъ граматы, дабы отъ него не принимали благословенія.

Въ 1450 году митрополитъ Іона заложилъ на своемъ дворѣ палату каменну, въ ней же и церковь положенія ризы Богородицы, ко-

торая и нынѣ стоитъ. А въ 1454 году преставился архіепископъ Ростовскій Ефремъ, и въ томъ же году поставленъ на его мѣсто митрополитомъ Іоною въ архіепископа Ростову Ѳеодосій, архимандритъ Чудовскій. А въ 1455 году убитъ отъ вогуличей епископъ Пермскій Питиримъ; а по какому случаю и за что, не объяснено. Въ 1456 году отпущена икона, именуемая Смоленскія Богородицы, съ епископомъ Смоленскимъ Михаиломъ, которая прежде была взята изъ Смоленска и стояла въ Благовѣщенскомъ соборѣ; и митрополитомъ Іоною, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ великими князьями, провожена за городъ до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Новодѣвичь монастырь. И по сей, хотя не весьма важной, причинѣ даже доселѣ продолжается въ тотъ монастырь ежегодный крестный ходъ изъ Успенскаго собора.

Въ томъ же году великій князь Василій Васильевичъ шелъ на Новгородцевъ, и Новгородцы послали своего архіепископа Евѳимія упросить великаго князя, чтобы онъ на нихъ гнѣвъ отложилъ, и архіепископъ то учинилъ; а великій князь взялъ десять тысячъ рублей, опричь братьевъ и бояръ своихъ, и на нихъ воевать оставилъ.

И въ 1468 году оный архіепископъ Новгородскій Евѳимій умре, и въ тотъ же годъ на его мѣсто поставленъ митрополитомъ Іоною и епископы русскими въ Новгородѣ во архіепископа іеромонахъ Іона.

ГЛАВА XLII.

Въ 1461 году преставился митрополитъ всея Россіи Іона, и положенъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, и, по увѣренію о его святой жизни, Церковію причтенъ во святые; пасъ Церковь Христову 12 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. А на его мѣсто въ томъ же году возведенъ въ митрополита архіепископъ Ростовскій Ѳеодосій, русскими епископы—Суздальскимъ Филиппомъ, Рязанскимъ Евфросиномъ, Коломенскимъ Геронтіемъ, Сарайскимъ Вассіаномъ; Новогородскій же архіепископъ Іона и Тверскій прислали граматы, что, кого епископы русскіе изберутъ и великій князь соизволитъ,—тому быть и они согласны.

Въ томъ году поставлена великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ въ Москвѣ церковь каменная Іоанна Предтечи, что у Боровицкихъ воротъ. А прежде тутъ церковь была деревянная, и первая была въ Москвѣ: она была и соборная при Петрѣ митрополитѣ, и дворъ митрополичъ тутъ былъ, и на томъ мѣстѣ былъ боръ. Нынѣ та церковь за крайнею ветхостію разобрана.

Въ 1426 году преставился Рязанскій епископъ Евфросинъ; а на его мѣсто произведенъ во епископа въ Рязань Давидъ, бывый казначей митрополита Іоны. Въ томъ же году скончался великій князь Василій

Васильевичъ; а на мѣсто его возведенъ сынъ его, великій князь Иванъ Васильевичъ.

А въ 1463 году обрѣтены мощи Ярославскихъ чудотворцевъ,— князя Ѳеодора Ростиславича и чадъ его, Давида и Константина; и всѣ положены во единомъ гробѣ.

Въ 1464 году поставленъ митрополитомъ Московскимъ Ѳеодосіемъ, съ епископы русскими, въ митрополита въ Палестину, въ Кесарію Филиппову: Іосифъ грекъ, братъ патріарха Іерусалимскаго. И патріархъ и онъ, Іосифъ, видя томленіе отъ египетскаго султана, поидоша въ Москву; и патріархъ скончался въ Крыму, въ Кафѣ, а Іосифъ восхотѣ быти митрополитомъ. И видно, что имѣлъ письменный видъ отъ патріарха Іерусалимскаго, брата своего, а потому и митрополитомъ произведенъ.

Въ 1465 году митрополитъ всероссійскій Ѳеодосій оставилъ митрополію и пошелъ на обѣщаніе въ Чудовъ монастырь; а по какой причинѣ онъ сіе учинилъ,—Лѣтописцы не объясняютъ а въ одномъ Лѣтописцѣ, печатанномъ въ С.-Петербургѣ въ 1792 году, пишется, что онъ принужденъ оставить паству, что восхотѣлъ поповъ и дьяконовъ неволю привести къ правому пути Божію, началъ во всякую недѣлю созывать ихъ и учить по святымъ правиламъ, вдовцовъ, поповъ и дьяконовъ велѣлъ постригать; кои же имѣли наложницъ для блуда, тѣхъ мучилъ безъ милости и священство снималъ съ нихъ, а церквей много наставлено. Попы же, не хотѣли дѣлать рукодѣлія, по всякой въ попы пошелъ, и тѣмъ захотѣли кормиться, и послѣдовали плотскимъ похотямъ: зане бо не Богу изволиша служити, но тѣлу своему вольготно. А народъ сталъ роптать, что многія церкви стали безъ поповъ, и начали его проклинать. Митрополитъ, видя сіе и слыша, разболѣлся, но, выздоровѣвъ, пошелъ въ келлію въ Чудовъ монастырь и принялъ къ себѣ разслабленнаго старца: служилъ ему, омывалъ его струпы. Видно посему, что митрополитъ былъ мужъ благочестивый и благоревностенъ, но со излишествомъ.

На мѣсто его въ томъ же году, по избранію епископовъ русскихъ, по изволенію великаго князя и всего освященнаго собора, поставленъ въ митрополиты всея Россіи Филиппъ, епископъ Суздальскій. А на поставленіи его были: архіепископъ Ростовскій Трифонъ, епископы: Брянскій Евоимій (который тогда же переведенъ въ Суздаль), Рязанскій Давидъ, Коломенскій Геронтій, Сарайскій Вассіанъ; а кои не были на поставленіи, тѣ прислали свои граматы въ согласіи.

Въ 1487 году Трифонъ, архіепископъ Ростовскій, усомнился о чудесахъ новоявленныхъ святыхъ Ярославскихъ князя Ѳеодора и чадъ его, и послалъ Константина, протопопа Ростовскаго, освидѣтельствовать,

не выдумано ли то по корыстолюбію игуменомъ. Но, приступая къ изслѣдованію мощей, протопопъ и архіепископъ какъ бы въ разслабленіе впали; и сіе понудило архіепископа оставить свою епархію. А на его мѣсто поставленъ въ Ростовъ во архіепископа Вассіанъ, архимандритъ Спасскій, бывшій игуменъ Троицы-Сергіева монастыря.

Въ 1470 году преставися Новгорода и Пскова архіепископъ Іона. А на его мѣсто Новогородцы избрали по жребію іеромонаха Ѳеофила, и послали посла съ граматою на Москву, къ великому князю Ивану Васильевичу, требуя дозволенія отъ него пріѣхать на Москву избранному ими во архіепископа въ Новгородъ Ѳеофилу, и велѣлъ бы его поставить отцу своему Филиппу митрополиту по прежнему. На это и отвѣтствовалъ великій князь, что онъ нареченному архіепископу Ѳеофилу въ Москву быть къ отцу своему Филиппу митрополиту, ставитися во архіепископа въ Новгородъ, дозволяетъ, какъ было прежде, и Новгородъ „свою отчину“ жалуетъ. Новогородцы и Ѳеофилъ сію грамату приняли съ радостію, но нѣкоторые возмутились: ихъ весьма тронуло, что великій князь Новгородъ назвалъ „своею отчиною“. Они вопили: „мы—люди вольные, великій Новгородъ: не хотимъ назваться отчиною великаго князя Московскаго“. Въ такомъ мятежѣ они, дѣйствительно, положили отдаться Польскому королю, и отдались, и своего нареченнаго архіепископа Ѳеофила послать для посвященія въ Литву къ тамошнему митрополиту латынину. Великій князь, да и митрополитъ Филиппъ послали къ нимъ, чтобы они отъ такого безумія отстали, и не приводили бы свое отечество къ несчастію, а вѣру хранили бы отъ заразы латинства; но они того не послушали. Каковое возмущеніе навлекло на нихъ великое разореніе отъ собранныхъ войскъ великаго князя. И наконецъ принуждены были они просить униженно мира, который имъ и данъ съ довольнымъ урокомъ, чтобы впредь о вольности своей помышляли благоразумнѣе и осторожнѣе.

По такомъ данномъ Новогородцамъ мирѣ прибылъ въ Москву Ѳеофилъ съ посадниками и поставленъ во архіепископа Новгороду, преосвященнымъ Филиппомъ, митрополитомъ всея Россіи, съ Россійскими епископы, въ 1472 году. Въ томъ же году въ Москвѣ поставлены епископы: въ Пермію Филоѳей, на Рязань Ѳеодосій, архимандритъ Чудовскій, митрополитомъ Филиппомъ; а на поставленіи ихъ и Ѳеофила были: Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій,—Суздальскій епископъ Евѳимій, Коломенскій Геронтій, Сарскій Прохоръ.

Въ томъ же году митрополитъ Филиппъ положилъ соборную церковь въ Москвѣ Успенскую разобрать и новую воздвигнуть: ибо старая, заложенная митрополитомъ Петромъ святымъ, весьма обветшала и на подпорахъ стояла. И наложилъ митрополитъ сборъ большой съ

поповъ и монастырей; также и бояре и гости дали отъ своего имѣнія на церковное строеніе.

По собраніи же большой суммы, приступилъ къ строенію, заложивъ огромнѣе, нежели соборная во Владимірѣ, въ ширину и въ длину, полутора саженями. Но мощи святаго Петра не ископали, а прежнюю стѣну оставили надъ нимъ. Мастера же были—Ивашка Кривцовъ, да Мышкинъ, и они рвы ископали и сваи побили, но, не разумѣвъ силы того дѣла, известь жидко съ пескомъ растворяли, а во внутренность стѣнъ прежній камень клали, а известью худо заливали, и потому строеніе было ненадежно и къ паденію склонно, какъ послѣ увидимъ.

При семъ случаѣ вынимаемы были гробы прежнихъ митрополитовъ Кипріана и Фотія, а Іоны и мощи открыты въ то время; и паки положены всѣ на тѣхъ же мѣстахъ. А на обрѣтеніе мощей святаго Петра митрополита уставили праздновать ежегодно 1 іюля, которое празднованіе послѣ, по паденіи сей церкви и по устроеніи новой, на другой день пренесено, какъ скоро увидимъ, и повелѣно на обрѣтеніе мощей Чудотворца и службу написать монаху Троицкаго монастыря Пахомію сербину. Той сотвори два канона и въ нихъ написалъ, яко въ „тѣлѣ“ обрѣли Чудотворца, невѣрія ради людскаго, ибо простой народъ думаетъ, что кто не въ тѣлѣ лежитъ, отъ того и нѣтъ исцѣленія, а того не помянутъ, яко кости и нагія источаютъ исцѣленія.

Въ томъ же году въ нѣмецкомъ городѣ Юрьевѣ, что нынѣ Дерптъ, была церковь православная во имя Николая Чудотворца; при сей церкви были два священника: Іоаннъ Москвичъ и Исидоръ. Нѣмцы начали принуждать православныхъ христіанъ къ латинской папской вѣрѣ, и отъ того гоненія священникъ Іоаннъ убѣжалъ, а священникъ Исидоръ остался, многое преніе имѣя о вѣрѣ съ латинами. И проклятые паписты, за непокореніе, его и другихъ семьдесятъ двухъ христіанъ, отрекшихся пристать къ ихъ заблужденію, по многомъ томленіи всѣхъ ихъ потопили въ рѣкѣ Омовжи, которая нынѣ называется Эммаіога. И такъ сіи святые мученики достойны прославляемы быть Церковію, а мучители ихъ быть проклинаемы. Убѣжавшій же священникъ Іоаннъ положилъ основаніе къ устроенію Печерскаго монастыря, что близъ Пскова.

Въ томъ же году великій князь Иванъ Васильевичъ женился вторымъ бракомъ на греческой царевнѣ Софіи Ѳоминишнѣ; а происхожденіе тому было таково. Присланъ изъ Рима грекъ Юрій отъ кардинала Виссаріона, который Виссаріонъ былъ митрополитъ греческій Никейскій, былъ на Флорентійскомъ соборѣ и, вмѣстѣ съ Исидоромъ Россійскимъ, присталъ къ сторонѣ папской; былъ предатель и измѣнникъ своей Церкви греческой и отечеству своему. Сей, конечно, по

злохитрому наущенію папы, сваталъ оную царевну Софію. А Софія была дочь Ѳомы, Деспота Морейскаго, который Ѳома былъ изъ рода Палеологовъ и братъ Цареградскаго послѣдняго императора Константина, при взятіи Царьграда убіеннаго. Сей Ѳома, по взятіи града, убѣжалъ и съ родомъ своимъ въ Морею; а какъ и тамъ турками былъ преслѣдованъ, то удалился въ Римъ, яко въ такое мѣсто, коему и всѣ державы европейскія, по неограниченой власти папской, хотя и нехотя, тогда повиновались. За сего-то, уже умершаго, Ѳомы дочь Софію сватали папа съ Виссаріономъ, конечно, думая чрезъ сей случай (чего не могли, чрезъ Виссаріона и Исидора) въ покореніе себѣ привести Церковь Россійскую: ибо у папъ сіе есть первое и никогда изъ головы выйти не могущее дѣло. Великій князь согласился ее взять за себя, яко Цареградскихъ императоровъ ближнюю сродницу, да и отъ Россійскаго поколѣнія по материному роду происходящую, какъ выше сказано, и яко вѣры греческія, а чрезъ то могъ льстить себя, чтобы возъимѣть со временемъ нѣкоторую претензію на царство греческое, да и себѣ у другихъ Россійскихъ князей большее уваженіе получить. И потому, по супружествѣ съ нею, тотчасъ присвоилъ себѣ гербъ греческой имперіи, двоеглавнаго орла. Царевна прислана къ Москвѣ съ легатомъ, или посломъ отъ папы, Антоніемъ. Оный Антоній, по свойственной папамъ гордости, хотѣлъ въ Москву ѣхать въ ношеніи предъ собою крыжа, или креста Латинскаго. Великій князь о томъ совѣтовался съ матерью и съ бояры: иные соглашались то дозволить, иные нѣтъ. Потомъ учинено о томъ отношеніе къ митрополиту Филиппу, который никакъ на то не согласился, говоря, что „тому не возможно быть: кто хвалитъ и чествуетъ чужую вѣру, тотъ свою унижаетъ. Аще же князь его не послушаетъ: то, когда легатъ съ своимъ крестомъ взойдетъ во градъ однимъ воротами,—онъ пойдетъ изъ града другими“. Великій князь, сему внявъ, велѣлъ боярину своему крыжъ отнять и положить въ санѣ; и такъ легатъ взошелъ безъ сей пустосвятной пышности. И вскорѣ по прибытіи царевны, великій князь съ нею, яко съ православною царевною Софіею, обрученъ и вѣнчанъ въ соборной Успенской церкви деревянной, на время поставленной (понеже каменную строили), митрополитомъ Филиппомъ, по отправленіи литургіи, которую самъ совершалъ. А нидѣ пишется, что вѣнчалъ ихъ нарочно призванный изъ Коломны протопопъ Осія, а Московскимъ протопопамъ и духовнику своему, яко вдовцамъ, не дозволилъ великій князь вѣнчать. Ежели сіе правда, то испускало оно воню суевѣрія. При вѣнчаніи были мать великаго князя и сынъ его Иванъ, и братія его, и прочіе князи и бояры, и посолъ папскій Антоній съ своими, и Димитрій грекъ, посолъ отъ царевичевъ, братьевъ царевны отъ Андрея и

Мануила, и многіе греки. Иные иностранные пишутъ, якобы царевна предалась папской вѣрѣ, что и вѣроятно: ибо, будучи въ Римѣ подъ властію папы и на его содержаніи, могла притворяться въ угожденіе папы. Но по прибытіи въ Москву всегда предана была греческому закону, въ коемъ родилась и крещена, и никакого до кончины своей въ правовѣріи сумнѣнія не подала. Въ Троицкой Лаврѣ есть отъ нея вкладная пелена, съ жемчужнымъ крестомъ, а по краямъ вышиты разные праздники, съ надписью шитою серебромъ, что „та пелена дѣлана по замыслу и усердію великія княгини Московскія Софіи, царевны Цареградскія". Митрополитъ имѣлъ съ легатомъ разговоръ о вѣрѣ, а помогалъ митрополиту искусный въ писаніи Никита Поповичъ; но легатъ во многомъ разглагольствіи отвѣчалъ: „пѣтъ книгъ со мною".

Потомъ великій князь отпустилъ легата папскаго и посла Димитрія грека, одаривъ ихъ, и послалъ съ ними многіе дары къ папѣ и къ шурьямъ своимъ отъ себя, отъ сына своего и отъ новой супруги; и такъ всѣ затѣи папскіе ему въ ничто, а намъ въ пользу обратилися.

Въ томъ же году былъ пожаръ великъ въ Москвѣ, внутри Кремля города, и митрополичій дворъ сгорѣлъ, а митрополитъ уѣхалъ за городъ въ монастырь Николы Стараго, мню, что нынѣ Перерва, и, по унятіи пожара, паки прибылъ митрополитъ въ Успенскій соборъ и тутъ молебствовалъ съ плачемъ. И въ сіе время приключилось ему разслабленіе: рука и нога отнялась, и повезли его въ ближній Богоявленскій монастырь на Троицкое подворье, гдѣ неумолкно великому князю и прочимъ всѣмъ приказывалъ, чтобы начатую имъ соборную церковь окончили, объявляя, что къ совершенію ея все имъ изготовлено. И тако въ слѣдующую нощь христіански скончался и погребенъ епископомъ Сарскимъ Прохоромъ со всемъ освященнымъ соборомъ, въ присутствіи великаго князя и всего двора его въ Успенской соборной церкви, входя въ сѣверныя двери, на правой сторонѣ, близъ дверей, и гдѣ былъ гробъ преосвященнаго митрополита Іоны. А на тѣлѣ митрополита Филиппа обрѣтены цѣпи желѣзныя великія подъ свиткою, коп и повѣшены надъ гробомъ его.

ГЛАВА XLIII.

Въ томъ же году, по повелѣнію великаго князя, всѣ епископы прибыли въ Москву: Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій,—Евѳимій Суздальскій, Ѳеодосій Рязанскій, Коломенскій Геронтій и Прохоръ Сарскій; а Новгородскій и Тверскій прислали письменное на избраннаго соборомъ согласіе. И избранъ Коломенскій епископъ Геронтій въ митрополита всея Россіи, и возведенъ на митрополичій престолъ.

И новый митрополитъ поставилъ на свое мѣсто въ епископа въ Коломну іеромонаха Никиту Семешкова. А на своемъ дворѣ митрополитъ поставилъ каменныя ворота, палату заложилъ и скоро окончилъ.

Въ 1473 году рушилась Успенская соборная церковь, которую строилъ Филиппъ митрополитъ,—отъ того, что ведена была лѣстница въ стѣнѣ сѣверной; и пустой промежутокъ не могъ сдержать тягости сводовъ ея. А съ сѣверною стѣною нѣсколько отвалилось и западной стѣны, да и оставшее все оказалось въ разсѣднахъ. Посему великій князь, не надѣясь уже на своихъ мастеровъ, выписалъ изъ Италіи мастера, именемъ Аристотеля, который, кромѣ искусства въ зодческомъ строеніи, знающъ былъ и въ литіи пушекъ и колоколъ, и въ битіи монеты; и онъ все старое до основанія разобралъ, и все началъ вновь. А мощи святыхъ Петра митрополита, Ѳеогноста, Кипріана, Фотія и Іоны перенесены изъ собора въ церковь Іоанна св. подъ колоколы. А взялъ за свою работу Аристотель по 10 рублей на мѣсяцъ, и завелъ кирпичной заводъ, и, какъ кирпичи дѣлать, показалъ.

Въ 1475 году пишется, что заложили церковь каменную, въ Сергіевомъ монастырѣ, Троицу, Псковскими мастерами; сія церковь разумѣется та, что нынѣ называется Сошествецская: ибо настоящая Троицкая строена преподобнымъ Никономъ.

Въ 1477 году великій князь, по совѣту митрополита и всѣхъ духовныхъ, матери своей, князей и боляръ, пойде войною на Новгородъ, гдѣ много въ договорахъ первымъ дѣйствовалъ съ Новгородцы Ѳеофилъ, архіепископъ Новгородскій; и по многихъ договорахъ, наконецъ, власть и сила превозмогла. Всѣ требованія и усилія Новгородцевъ отвержены, и ихъ прежняя вольность почти совсѣмъ пала; вотчинъ архіерейскихъ и монастырскихъ половину великій князь себѣ присвоилъ; о чемъ чти въ Лѣтописцахъ нашихъ, гдѣ весьма обстоятельно сіе дѣло описано,—и гдѣ особо можешь удивиться, сколь много дорогихъ даровъ приносилъ великому князю архіепископъ Новгородскій, и болѣе нежели отъ всего Новгорода.

Въ томъ году поставленъ въ Москвѣ митрополитомъ Геронтіемъ въ Тверь во епископа Вассіанъ архимандритъ, сынъ князя Оболенскаго.

И въ томъ же году старецъ Іосифъ началъ строить монастырь на Волокѣ Ламскомъ. Въ томъ же году была ссора между митрополитомъ Геронтіемъ и Вассіаномъ, архіепископомъ Ростовскимъ. Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь всегда былъ подъ вѣдомствомъ и правленіемъ Ростовскихъ архіепископовъ. Нѣкоторые монахи, по наущенію нѣкотораго князя Михаила Андреевича, склонили митрополита всероссійскаго, чтобы онъ ихъ монастырь взялъ подъ свое непосредственное управленіе и сдѣлалъ бы ихъ, яко ставропигіальны".

Архіепископъ Ростовскій представлялъ митрополиту, чтобъ онъ не вступался въ чужую область; но митрополитъ его не послушалъ. Жаловался о томъ архіепископъ великому князю, который также склонялъ митрополита возвратить ему монастырь; но онъ и великаго князя не послушалъ. Великій князь повелѣлъ быть о семъ собору изъ епископовъ и архимандритовъ. Сего соборнаго сужденія убоясь, митрополитъ возвратилъ монастырь во власть Ростовскаго архіепископа. А всему сему былъ виновникъ Кирилова монастыря игуменъ Нифонтъ. Столько-то тогда ревновали, чтобъ монастыри, принадлежащіе по правиламъ епископу въ своей епархіи, при ней оставались!

Въ 1478 году устроенъ Златоустовъ монастырь, что въ Москвѣ, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, потому что его тезоименитство было генваря 27 дня; и притомъ, другую тамъ же велѣлъ устроить церковь во имя Тимоѳея апостола, ибо въ тотъ день было его рожденіе. И поставилъ царь въ томъ монастырѣ игумена.

Въ томъ же году родился великому князю сынъ Василій и крещенъ въ Сергіевѣ монастырѣ; а воспріемниками были Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, да Троицкій игуменъ Паисій.

Въ тотъ же годъ окончена строеніемъ соборная Успенская церковь архитекторомъ Аристотелемъ, и освящена Геронтіемъ митрополитомъ, августа 12 дня. Въ тотъ же соборъ мощи перенесены митрополитовъ: Кипріана, Фотія, Іоны и Филиппа, а Ѳеогноста—въ придѣлъ Петра и Павла въ стѣнѣ, а Петра митрополита—на прежнемъ мѣстѣ; и отъ того времени начали праздновать преложеніе мощей св. Петра митрополита 24 августа.

При освященіи церкви митрополитъ Геронтій ходилъ со кресты около церкви, не по солнечному всходу, или какъ нынѣ раскольники говорятъ, не посолонь. На сіе великій князь негодовалъ, яко бы для сего гнѣвъ Божій приходитъ. Не терпя сего негодованія, митрополитъ съѣхалъ было на Симоново и посохъ свой оставилъ. И какъ всѣ книжные священники, и иноки и міряне говорили по митрополитѣ; а за великаго князя только архіепископъ Ростовскій Вассіанъ и Чудовскій архимандритъ Геннадій: то едва великій князь упросилъ митрополита, чтобъ онъ на свой престолъ возвратился; а о хожденіи посолонь ли, или иначе, оставилъ на волю митрополиту.

Сіе весьма примѣчательно для нынѣшнихъ раскольниковъ, которые требуютъ, чтобъ около церкви ходили по солнцу, или посолонь. Но видно, что и прежде православный митрополитъ сего, яко дѣла маловажнаго, не наблюдалъ. Было и тогда о семъ много спора, что по солнцу ли ходить, или не по солнцу. Иные глаголали по митрополитѣ, и изъ нихъ нѣкоторые говорили, что они видѣли, что и во святой горѣ

также святили церковь, ходя противу солнца; и митрополитъ самъ говорилъ: „егда діаконъ престолъ кадитъ, слѣва ли направо начинаетъ, или паче, справа налѣво, противу солнца“?

Противу сего противники никакого свидѣтельства не принесли, а только говорили: „солнце праведное Христосъ на ада наступи и смерть связа, и души свободи, и того, де, ради исходя на Пасху ту же прообразуетъ на утрени“. Но сіе совсѣмъ или не вразумительно, или къ сему прѣнію ни мало не относится. И тако много препирахуся, и не обрѣтоша истины, хотя истина была видима, что въ семъ никакой важности не заключается.

Въ 1480 году великій князь поймалъ владыку Новгородскаго Ѳеофила, неизвѣстно прямо, по какимъ винамъ, а видно, что архіепископъ поборалъ по вольности Новгородской, не терпя толикой отъ Московскаго князя тѣсноты; и, не учинивъ суда, посадили его въ Чудовъ монастырѣ, гдѣ онъ и скончался.

Въ томъ же году скончался Коломенскій епископъ Никита.

Въ 1481 году великій князь примирился съ братьями своими—княземъ Андреемъ и княземъ Борисомъ, по предстательству митрополита Геронтія и матери своей инокини Маѳы, и архіепископа Ростовскаго Вассіана, и прочихъ.

Въ тотъ же годъ преставился Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, который писалъ къ великому князю пространное посланіе, чтобъ онъ мужественно стоялъ противу тогда нашедшихъ татаръ и не отступалъ, по совѣту нѣкоторыхъ боязливыхъ. И сіе посланіе есть въ Лѣтописцѣ, показывающее его любовь къ вѣрѣ и отечеству.

А о семъ же писали и митрополитъ Геронтій, и Троицкій игуменъ Паисій. Но великій князь, не послуша того, одержимъ боязнію, и Каширу самъ велѣлъ сжечь, и побѣжа въ Москву; а оставилъ на Окѣ воинство съ своимъ сыномъ, съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ.

По прибытіи великаго князя въ Москву всѣ опечалились; а архіепископъ Вассіанъ, горя ревностію, дерзнулъ великаго князя назвать бѣгуномъ, и что вся кровь христіанская падетъ на него: „аще, рече, боишися смерти, то ты не безсмертенъ; безъ року смертнаго нѣтъ ни человѣка, ни птицы, ни звѣря. Дай мнѣ своихъ воевъ въ мою руку, хотя азъ и старъ, но не пощажу, ниже отвращу лице свое противу татаръ“. Такожъ и всѣ граждане роптаху на великаго князя. Того ради великій князь, боясь мысли злой гражданъ и поймаціи, удалился въ Красное Сельцо; а къ сыну посылалъ, чтобы тогоже часа былъ въ Москву. Но сынъ не послушалъ, отъ берега не отъѣхалъ и христіанства не выдалъ. Великій князь даже писалъ къ князю Даніилѣ, чтобъ, поймавъ его сына, привести къ нему; но и сей того не исполнилъ. А

сынъ горорилъ: „лучше здѣсь мнѣ умереть, нежели къ отцу ѣхать“. И потомъ едва по просьбѣ митрополита преклонился великій князь ѣхать противу татаръ, и тамо Божіею помощію безъ раззоренія отъ татаръ все кончилось, какъ видѣть можно то пространѣе изъ Лѣтописцевъ.

Въ томъ же году въ Ростовъ поставленъ митрополитомъ Геронтіемъ во архіепископа Іосифъ, изъ князей Оболенскихъ; а бывый Ростовскій Ѳеодосій, за болѣзнію, отказался; а въ Коломну во епископа—Герасимъ, бывый игуменъ въ Пафнутьевѣ монастырѣ; а въ Рязань—Симеонъ, духовникъ митрополита Геронтія.

Въ томъ же, или въ 1483 году, по изволенію великаго князя, былъ соборъ у митрополита Геронтія, съ епископы: Іосифомъ Ростовскимъ, Симеономъ Рязанскимъ, Георгіемъ Коломенскимъ и съ Прохоромъ Сарскимъ, объ избраніи во архіепископа въ Новгородъ, на мѣсто сосланнаго Ѳеофила, но по суду не осужденнаго. И по жребію изъ трехъ избранъ старецъ Троицкій Сергіева монастыря Сергій, который по посвященіи чрезъ годъ оставилъ архіепископію, видя, конечно, Новгорода разстройство и превращеніе, и что онъ Новгородцами, яко не отъ нихъ избранный, былъ ненавидимъ, и впадѣ въ болѣзнь, пришелъ на свое обѣщаніе въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Здѣсь видно, колико Новгородцы лишены своей вольности, ибо всегда доселѣ выбирали они сами себѣ архіепископовъ, и то изъ своихъ.

Въ томъ же году митрополитъ Геронтій Чудовскаго архимандрита Геннадія сковалъ и подъ палатою въ ледникъ посадилъ, за то, что онъ въ навечеріи Богоявленія дозволилъ воду Богоявленскую пить братіи и ядши. Поступокъ излишне строгій! Но великій князь упросилъ за него, и онъ освобожденъ; представленъ былъ въ примѣръ Ростовскій владыка Ѳеодосій, который въ навечеріи Богоявленія въ субботу дозволилъ мясо ясти, и за то митрополитомъ Іоною только что онъ обличенъ и увѣщанъ, дабы впредь того не дѣлалъ.

Въ семъ же году, по инымъ Лѣтописцамъ, пріѣзжалъ изъ Литвы митрополитъ Спиридонъ, прозываемый Сатана, который въ Царьградѣ всталъ на митрополію всероссійскую; но его ни въ Литвѣ, ни въ Москвѣ не приняли.

Въ 1848 году великій князь у себя, на сѣняхъ, заложилъ каменную церковь, во имя Благовѣщенія Богородицы, вмѣсто старой, что нынѣ—Благовѣщенскій соборъ.

Въ 1485 году, а по инымъ, въ 1483 году, женился сынъ великаго князя, князь Иванъ Ивановичъ, на дочери Волошскаго господаря Стефана, на Еленѣ. Въ томъ же годѣ архимандритъ Симоновскій Нифонтъ поставленъ епископомъ въ Суздаль, а бывый Суздальскій, что изъ Брянска, скончался; въ Новгородъ же во архіепископа—архимандритъ

Чудовскій Геннадій. Иные послѣ Сергія полагаютъ Симеона; но сей Симеонъ есть тотъ же, что и Сергій, ибо онъ, бывъ протопопомъ, именовался Симеономъ. А избранія Геннадія не показано: почтено довольнымъ, что уже и въ прежнемъ избраніи съ Сергіемъ былъ онъ полагаемъ.

Въ 1486 году владыка Тверскій Вассіанъ, съ бояры и жителями Тверскими, покорились великому князю Московскому; и онъ, взявъ Тверь, отдалъ оный въ правленіе сыну своему, князю Ивану Ивановичу.

Въ 1479 году преставился епископъ Коломенскій Герасимъ.

Въ томъ же году скончался и митрополитъ всероссійскій Геронтій, и погребенъ въ соборной Успенской церкви, на сѣверной сторонѣ. Сей митрополитъ и прежде хотѣлъ оставить митрополію, и съѣхалъ въ Симоновъ монастырь по болѣзни, и, выздоровѣвъ, хотѣлъ возвратиться паки на оную. Князь же великій не хотѣлъ его допустить, и митрополитъ посылалъ Троицкаго Сергіева монастыря игумена Паисія, чтобы онъ великаго князя къ тому склонилъ; но онъ не согласился. И великій князь хотѣлъ на его мѣсто возвести онаго Паисія, но Паисій также на то не согласился. Онъ и въ игумена къ Троицѣ опредѣленъ по принужденію великаго князя, и, бывъ игуменомъ, не могъ чернецовъ обратить на Божій путь, на молитву и на постъ, на воздержаніе. Ибо были тамъ постригшіеся бояре и князи, и ему не хотѣли повиноваться. И онъ, Паисій, не только митрополіи не восхотѣлъ, но и игуменство оставилъ. Итакъ, великій князь и паки митрополита Геронтія къ правленію допустилъ.

Въ 1490 году скончался великій князь Иванъ Ивановичъ, сынъ великаго князя Ивана Васильевича, а лѣкаря его, жида Леопа, который подъ смертною казнію обѣщался вылѣчить, великій князь велѣлъ казнить: отрубили ему голову.

ГЛАВА XLIV.

Въ 1491 года, а по инымъ въ 1495 году, на мѣсто митрополита Геронтія, возведенъ въ митрополита всероссійскаго и поставленъ Симоновскій архимандритъ Зосима. А чтобы избраніе его было законное, о томъ Лѣтописцы не поминаютъ; видно, что сіи учинено по единой волѣ великаго князя.

Въ слѣдующій годъ былъ соборъ у митрополита Зосимы, съ преосвященными: съ Тихономъ Ростовскимъ, съ Ипфонтомъ Суздальскимъ, съ Вассіаномъ Тверскимъ, съ Симеономъ Рязанскимъ, съ Прохоромъ Сарскимъ и съ Филооемъ Пермскимъ, на еретиковъ Новгородскихъ: на Захарія чернеца, на Новгородскаго протопопа Гавріилу, и на

Дениса, попа Архангельскаго собора, что въ Москвѣ, который туда взятъ изъ Новгорода,—и на Максима, попа Ивановскаго,—и на Василія Покровскаго,—и на Макара, діакона Никольскаго,—и на Гридю, діакона Борисоглѣбскаго,—и на Васюку, зятя Денисова,—и на Самуху, дьяка Никольскаго. Сей развратъ начался еще при Геронтіи митрополитѣ; но онъ то пренебрегъ, а взошелъ въ то Геннадій, архіепископъ Новогордскій, и представилъ въ Москву,—почему и сей соборъ учиненъ. А развратъ ихъ былъ отъ нѣкоторыхъ жидовъ, которые внушили имъ жидовскую вѣру; и потому они всѣ христіанскіе догматы отвергали, какъ то, воплощеніе Сына Божія и пришествіе Его, почитаніе иконъ, и учили всему тому, что свойственно іудействующимъ. На соборѣ семъ все разсмотрѣно, и таковые еретики осуждены и прокляты, а свѣтскою рукою они, какъ соблазнители и развратники, посланы въ заточеніе. А Степенные пишутъ, что нѣкоторые сожжены, въ числѣ коихъ и Юрьевскій архимандритъ. Ежели сожжены подлинно, то сіе съ духомъ Евангельскимъ не сходственно, развѣ гражданское правительство то почло нужнымъ. О семъ пространнѣе любопытный да чтетъ особую книгу, противу Новгородскихъ еретиковъ—Стригольниковъ, которая имѣется въ библіотекѣ Лаврской, и опроверженіе всѣхъ тѣхъ заблужденій, въ книгѣ названной „Просвѣтитель“, писанной Іосифомъ святымъ Волоколамскимъ, довольно основательно. И сей Іосифъ весьма ревновалъ противу сихъ еретиковъ.

Въ одномъ Лѣтописцѣ пишется, что они акибы биты были по торгу кнутьемъ, также, что били въ торгу кнутьемъ архимандрита Чудовскаго, но имя не упомянуто, и князя Ухтомскаго, и Хомутова, за то, что они акибы сдѣлали ложную духовную, отъ имени князя Андрея Васильевича, что онъ, Андрей, якобы отказалъ свою землю къ Спасову монастырю, на Каменное. Но сего въ другихъ Лѣтописцахъ нѣтъ.

Въ 1491 году градъ Владиміръ погорѣлъ, и тѣло Александра Невскаго аки бы сгорѣ.

А въ 1492 году пишется, что князь великій торгъ перевелъ отъ Троицы на Городокъ въ Радонежъ, который былъ сентября 25 дня. Но торгъ и доселѣ остается, однако не 25 сентября, а въ десятую пятницу.

Въ тотъ же году, повелѣніемъ великаго князя, митроп. Зосима и архіеп. Геннадій Новгородскій, изъ епархіи Новгородской придали къ епархіи Пермской церкви гор. Вологды. Въ томъ же году монахъ латинскаго Августинскаго ордена, Иванъ Спаситель, свой законъ и монашество оставилъ и женился, и князь его пожаловалъ селомъ.

Въ 1493 году епископъ Сарскій Прохоръ оставилъ епископію, и сойде съ Крутицъ въ Богоявленскій въ Москвѣ монастырь; а великій князь его пожаловалъ, далъ ему Звенигородъ со всѣми пошлинами.

Здѣсь примѣчать надлежитъ, что епископъ Сарскій, или Сарайскій, и Подонскій прежде былъ въ Сараѣ, въ городѣ Ордынскихъ царей, но, по сверженіи ига татарскаго, онъ переведенъ на Крутицы возлѣ Москвы, и дана ему епархія, что нынѣ составляетъ губернію Калужскую, и былъ какъ бы помощникомъ митрополиту Московскому всероссійскому, и именовался просто Крутицкимъ, но писался и возглашаемъ былъ „Сарскимъ и Подонскимъ“ для сохраненія древности. Но нынѣ сія епархія упразднена, а вмѣсто оной учреждена Калужская, а домъ, гдѣ была каѳедра на Крутицахъ, заняла свѣтская команда. Столько-то преобращается кругъ дѣлъ человѣческихъ...

На его мѣсто на Крутицы митрополитомъ Зосимою поставленъ игуменъ Угрешскій Силуанъ, во епископа Сарскаго и Подонскаго.

Въ 1494 году сосваталъ великій князь дщерь свою, Елену, за Литовскаго князя Александра, съ тѣмъ, чтобы ей свою греческою вѣру не премѣнять и въ латинство не принуждать, а имѣть ей особую на дворѣ православную церковь и священниковъ православныхъ. А отпустилъ ихъ изъ Успенскаго собора, по небытности митрополита, Троицкій игуменъ; и, по прибытіи въ Вильну, вѣнчалъ ихъ по обряду латинскому Бискупъ Виленскій, а по обряду греческому священникъ Ѳома. Послѣ же князь Литовскій сталъ ее принуждать къ латинскому закону; и о томъ великій князь посылалъ пословъ, чтобы ее къ тому не принуждали.

Въ томъ же году митрополитъ Зосима отъ правленія за непомѣрное питіе отставленъ: онъ сошелъ въ Симоновъ монастырь, а оттолѣ къ Троицѣ, въ Сергіевъ монастырь. А Іосифъ Волоколамскій признаетъ сего митрополита Зосиму, яко бы онъ былъ сообщникъ помянутыхъ сретиковъ Новгородскихъ и по нихъ великій поборникъ; и весьма поносительно его Іосифъ описываетъ. А потому заключать можно, что онъ не за пьянство тѣлесное, но за сіе пьянство духовное былъ отставленъ.

Въ 1496 году на мѣсто митрополита Зосимы, повелѣніемъ великаго князя и соборомъ епископовъ, избранъ на святѣйшую митрополію Московскую и всея Россіи, игуменъ Троицы-Сергіева монастыря Симонъ, и посвященъ Ростовскимъ Тихономъ, Ипфонтомъ Суздальскимъ, Симеономъ Рязанскимъ, Вассіаномъ Тверскимъ, Авраміемъ Коломенскимъ, Силуаномъ Сарскимъ, Филоѳеемъ Пермскимъ; а Новгородоскій прислалъ грамату, согласуясь на то. По возведеніи митрополита на свое мѣсто, великій князь говорилъ рѣчь сію митрополиту.

„Всемогущая и животворящая Святая Троица, дарующая намъ всея Руссіи государство, подаетъ тебѣ сей святый великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руссіи, руковожденіемъ и священіемъ святыхъ отецъ, архіепископовъ и епископовъ нашего Россійскаго царства

и жезлъ пастырства, отче, воспріими, и на сѣдалище старѣйшинства святительскаго, во имя Господа Іисуса Христа и Пречистыя Его Матери, взыди, и моли Бога и Пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ, и о всемъ православіи, да подастъ ти Господь Богъ здравіе и долгоденствіе на многа лѣта". И пѣвчіе пѣли преосвященному: „исъ полла эти деспота". На сіе отвѣтствовалъ митрополитъ: „Всемогущая и Вседержащая десница Вышняго да сохранитъ Богопоставленное твое царство, самодержавный Владыко Государю! мирно да будетъ и долголѣтно твое Государство, и побѣдительно со всѣми повинующимися тебѣ христолюбивыми воинствы и прочими народы да пребываетъ во вѣки вся дни живота твоего. Здравъ буди, добро творя, благочестивый Владыко и Самодержче, великій государю! на многа лѣта". И пѣвчіе пѣли великому князю многолѣтіе. Сія рѣчь великаго князя примѣчательна, ибо по всей исторіи Россійской не видно, чтобы великіе князи когда либо таковое возглашеніе, да и въ церкви торжественно, произносили новопоставленнымъ митрополитамъ всероссійскимъ; изъ рѣчи нѣсколько видно, что великій князь произнесъ то не безъ намѣренія, относительно къ его власти. Но и отвѣтъ митрополита доказываетъ его довольное просвѣщеніе, и что онъ той рѣчи намѣреніе понялъ, или показалъ себя не понимающимъ.

Въ 1498 году митрополитомъ Симономъ поставленъ въ Рязань во епископа Протасій.

ГЛАВА XLV.

Въ 1499 году вышелъ случай достопамятный. Великій князь вздумалъ на княженіе по себѣ посадить внука своего Димитрія, сына умершаго сына своего Ивана Ивановича, миновавъ сына своего Василія. Сынъ, и съ матерію своего и съ нѣкоторыми боляры, употребили нѣкоторыя мѣры, чтобы до того не допустить. Великій князь, узнавъ сіе, сына своего Василія велѣлъ взять подъ стражу, да и на жену свою Софію зѣло воспалился, а бояръ многихъ немилосердо казнилъ, да и боярынь многихъ казнилъ и топилъ въ Москвѣ рѣкѣ пощію, аки бы онѣ приходили къ великой княгинѣ съ зеліемъ ко умерщвленію его. Послѣ сего великій князь объявилъ внука своего Димитрія великимъ княземъ и пожаловалъ его великимъ княженіемъ, и велѣлъ митрополиту Симону его вѣнчать въ соборной церкви, а вѣнчаніе се по церковному обряду происходило слѣдующимъ образомъ, какъ въ Лѣтописцахъ точно изображено:

„О поставленіи на великое княженіе внука великаго князя Димитрія Ивановича".

„Среди церкви уготоваша мѣсто большое, на чемъ святителей ставятъ. И учиниша на томъ мѣстѣ три стулы, великому князю Ивану Васильевичу, да внуку его Димитрію, да митрополиту. И егда приспѣ время, облечеся митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь соборъ во священныя ризы, и повелѣша посредѣ церкви поставити налой, и на немъ положиша шапку Мономахову и бармы. Егда же вниде въ церковь князь великій со внукомъ, и митрополитъ со всѣмъ соборомъ начатъ молебенъ пречистой Богородицѣ, и святому чудотворцу Петру: и послѣ достойна и трисвятаго митрополитъ и князь великій вшедъ сѣдоша на своихъ мѣстахъ; а внукъ сталъ передъ ними, у мѣста на вышемъ степени, не входя на мѣсто“.

Рѣчь великаго князя къ митрополиту:

„Отче митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей и великихъ князей, старина наша, то и до сихъ мѣстъ отцы наши, великіе князи, сыномъ своимъ первымъ давали великое княжество, и азъ быхъ своего сына перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княжествомъ. А Божія сила такъ сталась: сына моего Ивана не стало въ животѣ; а у него остался сынъ первой Димитрій, и азъ его нынѣ при себѣ, и послѣ себя великимъ княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ благословляю: и ты бы его, Отче, на великое княжество благословилъ“.

Послѣ рѣчи великаго князя велѣлъ митрополитъ внуку вступить на мѣсто и, вставъ, благословилъ его крестомъ; и, поставляемому преклоньшу главу, митрополитъ положилъ руку свою на главу его, глаголя молитву во услышаніе:

„Господи Боже нашъ, Царю царствующимъ и Господи господствующимъ, иже Самуиломъ пророкомъ избравъ раба своего Давида, и помазавъ того въ царя надъ людьми своими Израиля: Ты нынѣ услыши молитву насъ недостойныхъ, и вниждь отъ святаго жилища Твоего, и вѣрна Ти раба Твоего Димитрія, его же благоволилъ еси воздвигнути царя во языцѣ Твоемъ святомъ, его же стяжалъ еси честною кровію единороднаго Ти Сына, помазати сподоби елеемъ возрадованія: одѣй того силою свыше, положи на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна, даруй тому долготу дній. Дай же въ десницу его скипетръ царствія, посади того на престолѣ правды, огради того всеоружествомъ Святаго Ти Духа; утверди того мышцу, покори тому вся варварскіе языки; всѣй въ сердце его страхъ Твой, еже къ послушнымъ милостивное; соблюди того въ непорочнѣй вѣрѣ; покажи того опасна хранителя святыя Твоея соборныя церкви велѣній, да судя люди Твоя правдою, и нищихъ Твоихъ судомъ спасетъ сыны убогихъ, и наслѣдникъ будетъ небеснаго Твоего

царствія". Возгласъ: „яко Твоя держава, и Твое есть царство, и сила, и слава, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь".

По молитвѣ велѣлъ къ себѣ митрополитъ принести бармы съ налоя двумъ архимандритамъ; да вземъ ихъ далъ великому князю, и знаменалъ внука крестомъ, и князь великій бармы положилъ на внука.

Митрополитъ начатъ глаголати молитву въ тай:

„Господи Вседержителю и Царю вѣковъ, иже земный человѣкъ Тобою царемъ сотворенный поклонилъ главу Тебѣ помолитися. Владыко всѣхъ! сохрани того подъ кровомъ Твоимъ, одержави того царство, благоугодная Ти творити всегда сподоби Тобою; возсіяй во дняхъ его правду и множество мира, да въ тихости тихо и безмолвно житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ". Возгласъ: „Ты бо еси Царь мірови, и Спасъ душамъ нашимъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь".

И по молитвѣ велѣлъ къ себѣ митрополитъ принести шапку съ налоя двумъ архимандритамъ, да вземъ ея даде великому князю, и знаменовалъ митрополитъ внука крестомъ: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. И князь великій возложи шапку на внука. И митрополитъ благословилъ внука. И потомъ ектенія: „Помилуй насъ Боже по великѣй милости Твоей", по обычаю; и молитва Пречистѣй: „Пресвятая Госпоже, Дѣво Богородице, Владычице". И по молитвѣ сѣлъ митрополитъ и князь великій на своихъ мѣстѣхъ, и взошедъ на амвонъ архидіаконъ глагола велегласно многолѣтіе великому князю Ивану; и потомъ многолѣтіе великому князю Димитрію, и священницы во олтарѣ и діакони поютъ многолѣтіе по обычаю. И по многолѣтіи митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и весь соборъ, вставъ, поклонишася, и поздравиша обоихъ великихъ князей, и глагола митрополитъ великому князю Ивану: „Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царю Іоанне! великій князь, всея Руссіи самодержецъ; и со своимъ внукомъ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ всея Руссіи на много лѣта". И потомъ глагола митрополитъ великому князю Димитрію: „Божіею милостію здравствуй, Господине и сынъ, князь великій Димитрій Ивановичъ всея Руссіи, съ своимъ государемъ и дѣдомъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всея Руссіи самодержцемъ на многа лѣта". И потомъ дѣти великаго князя поклонишася и поздравиша великихъ князей обоихъ; и потомъ боляры и всѣ люди.

ПОУЧЕНІЕ МИТРОПОЛИЧЬЕ.

„Господине и сынъ князь великій Димитрій! Божіимъ изволеніемъ дѣдъ твой князь великій пожаловалъ тебя, благословилъ великимъ

княжествомъ. И ты, Господине и сыне, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, и милость и судъ правой; имѣй послушаніе къ своему государю дѣду и великому князю, и попеченіе имѣй отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ; а мы тебя, своего Господина, и сына благословляемъ, и Бога молимъ о вашемъ здравіи".

РѢЧЬ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВНУКУ.

„Внукъ Димитрій! пожаловалъ есьми тебя и благословилъ великимъ княжествомъ. И ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, и милость и судъ правой, имѣй попеченіе отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ".—И потомъ митрополитъ и великіе князи сондоша съ мѣста; и митрополитъ совершилъ отпускъ молебну, и потомъ начатъ литургію. И по совершеніи литургіи пошелъ князь великій къ себѣ, а князь великій Димитрій въ шапкѣ и бармахъ изъ пречистыя соборныя церкви, какъ изъ дверей вышелъ, и тутъ его осыпалъ деньгами златыми и серебряными трижды великаго князя сынъ князь Юрій, а дѣти великаго князя идутъ съ нимъ и бояре всѣ; такожъ осыпалъ его и предъ Архангеломъ и предъ Благовѣщеніемъ трижды деньгами золотыми и серебряными.

Сей обрядъ весьма примѣчателенъ. Ибо 1) никогда ни одинъ изъ великихъ князей, отъ дней Владиміра, даже ни самъ сей великій князь вѣнчанъ не былъ, ибо въ Лѣтописцахъ нашихъ нигдѣ о томъ не поминается; 2) хотя и упоминается въ книгахъ Степенныхъ, что вѣнчанъ былъ великій князь Владиміръ Мономахъ въ Кіевѣ отъ митрополита, но не Россійскаго, а Ефесскаго Неофита, царскимъ вѣнцемъ и діадимою и крестомъ, кои онъ получилъ отъ греческаго царя Константина Мономаха; также какую-то парамиду царскую, и крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшеся Августъ Кесарь римскій, и цѣпь златую; и оттолѣ нарицашеся царемъ въ Россійскомъ царствіи. Но все сіе нѣкоторому испытанію подвержено: ибо въ прочихъ Лѣтописцахъ нашихъ о томъ нимало не упоминается. И Владиміръ Мономахъ, и послѣ сего, въ нашихъ Лѣтописцахъ именуется великимъ княземъ, а не царемъ. Да, ежелибы сіе было, то и прочіе послѣдующіе великіе князи не упустили бы таковой обрядъ на себѣ совершать и царями именоваться, но въ Лѣтописцахъ нашихъ, и въ самыхъ Степенныхъ, сего не видно. И тотчасъ послѣ Владиміра тѣ же Степенные, сына его и наслѣдника, Юрія Владиміровича Долгорукова именуютъ не царемъ, но великимъ княземъ. А хотя о присылкѣ помянутыхъ даровъ отъ греческаго царя въ Лѣтописцахъ и упоминается, но о семъ различныя ихъ и съ собою несогласныя суть мнѣнія. И потому, не дерзая самъ собою сіе рѣшить, в'о то подвергаю разсужденію другихъ, кои любопытнѣе и прилежнѣе,

безъ всякаго пристрастія, въ сію матерію взойти восхотятъ; 3) примѣчательно, что великій князь, увеличивъ свою державу, и потому себѣ присвоивъ болѣе духа и воображенія, услышалъ притомъ, что нѣкоторые въ рѣчахъ привѣтствуютъ сію царемъ; а узнавъ, что цари греческіе вѣнчаются, сей обрядъ вновь устроить разсудилъ и вѣнчаніемъ внука, коего вѣнчанія самъ не имѣлъ, свою самодержавную власть изъявить почелъ лестнымъ, а притомъ полезнымъ и нужнымъ. Можно догадываться, что и мать Димитрія, Волошанка, къ тому великаго князя склонила, знавъ про таковый обрядъ, что онъ надъ царями греческими совершается, дабы чрезъ то и великаго князя воображеніе обласкать, и своего сына болѣе возвеличить и утвердить; 4) а чтобы при семъ было помазаніе святымъ муромъ, того не видно въ самомъ вышеписанномъ обрядѣ.

По совершеніи обряда сего, великій князь сотворилъ пиръ великъ для митрополита и для владыкъ. А внуку своему подарилъ крестъ святый Парамшинской, съ цѣпію златою, и поясъ златъ съ каменьемъ, да сердоличную коробку Августа Кесаря; 5) при семъ вѣнчаніи съ митрополитомъ были: архіепископъ Ростовскій Тихонъ, Нифонтъ Суздальскій, Протасій Рязанскій, Вассіанъ Тверскій, Авраамій Коломенскій, Евѳимій Сарскій.

Митрополитъ съ духовными, чинили ли какое представленіе и предстательство великому князю о сынѣ его Василіи, сего ни мало не видно. А видно, что послѣ сего обряда великій князь еще велѣлъ нѣкоторыхъ бояръ казнить, а нѣкоторыхъ насильно постричь: князя Ивана Юрьевича у Троицы, а сына его, князя Василія Ивановича, въ Кирилловѣ-Бѣлоезерскомъ монастырѣ; и кажется, сіе есть первый примѣръ „насильнаго постриженія“.

Въ семъ году преставился епископъ Крутицкій Евѳимій. А на его мѣсто поставленъ митрополитомъ Симономъ во епископа игуменъ Трифонъ.

Въ этомъ же году великій князь поималъ земли владычни и монастырскія за себя, и раздалъ ихъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстье, и сіе учинилъ яко, какъ пишутъ Лѣтописцы, съ благословенія самого митрополита Симона.

Въ 1501 году, митрополитъ Симонъ вѣнчалъ въ Успенскомъ соборѣ, дщерь великаго князя, Ѳеодосію за князя Василія Даниловича Холмскаго.

Въ томъ же году великій князь литовскій Александръ принуждалъ свою супругу Елену принять римскій законъ, да о томъ же жаловались князья и бояре литовскіе и бѣлорусскіе, князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, да князь Можайскій, да князь Василій Шемякинъ, и другіе

многіе, что князь литовскій Александръ насилуетъ ихъ и всю Русь въ польскомъ владѣніи православнаго исповѣданія—приступить къ папской вѣрѣ. И между тѣмъ князь Бѣльскій представлялъ, что князь Александръ великую княгиню Елену, чрезъ епископа Смоленскаго Іосифа—отметчика отъ православной вѣры, чрезъ бискупа Виленскаго и чрезъ бернардиновъ, принуждаетъ оставить свою вѣру и приступить къ папской, а Смоленскому Іосифу зато обѣщаетъ митрополію Кіевскую, на которую измѣнникъ и поставленъ и, скоро разболѣвъ, умре. Великій князь, ревнуя по благочестіи, яко истинный христіанинъ, оныхъ князей и съ владѣніемъ въ себѣ принялъ. А князю литовскому Александру писалъ, чтобы онъ его дочь и другихъ всѣхъ православнаго исповѣданія, въ его владѣніи находящихся, къ еретической папской вѣрѣ не принуждалъ. И какъ князь литовскій Александръ того не послушалъ, то великій князь Иванъ Васильевичъ не могъ иначе поступить, какъ принудить его къ тому оружіемъ, и объявилъ ему войну.

Примѣтить здѣсь: 1) каковъ есть гонительный духъ папистовъ, и кто же сіе гоненіе начиналъ? не князь литовскій, но духовные папскіе, кои надъ владѣтелями своего исповѣданія имѣли полную власть; и хотя бы они не хотѣли къ сему приступать, но папской власти тогда противиться не могли; 2) похвальна ревность великаго князя. Однако, паписты своимъ гоненіемъ и хитростями, напослѣдокъ, все православіе тамъ истребили и къ своему нечестію привели.

Въ 1501 году епископъ Филоѳей Пермскій скончался.

Въ томъ же годѣ повелѣніемъ великаго князя церковь Архангела въ Чудовомъ монастырѣ, юже создалъ Алексій митрополитъ, за ветхостію разобрали; и вновь заложили на томъ же мѣстѣ новую, при архимандритѣ Ѳеогностѣ.

Въ 1502 году преставился въ Коломнѣ епископъ Авраамій.

Въ семъ же году великій князь воспалился противу своего внука, князя Димитрія, коего столь славно вѣнчалъ, и на мать его, великую княгиню Елену, Волошанку, и не велѣлъ ихъ въ церкви поминать, а посадилъ ихъ подъ стражу; на великое же княженіе посадилъ сына своего, Василія, и нарекъ всея Россіи Самодержцемъ, по благословенію Симона, митрополита всея Россіи.

Въ томъ же году въ Коломну поставленъ епископъ Никонъ, игуменъ Павловой пустыни. Да на епископство Пермское посвященъ Никонъ, игуменъ Глушицкій, митрополитомъ Симономъ всея Россіи.

Въ 1503 году оставилъ епархію Ростовскій архіепископъ Тихонъ, и сошелъ въ монастырь Борисоглѣбскій, на Устье.

Въ сей же годъ скончалась великаго князя супруга Софія Ѳоминична, и погребена въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Въ семъ же году митрополитъ Симонъ всея Россіи, собравъ соборъ со епископы Россійскими, положили, чтобъ вдовымъ попамъ и діаконамъ не служить, и священства не касаться, по ихъ или зазорной, или подозрительной жизни. Также на соборѣ уложили, чтобы съ поповъ и діаконовъ и отъ мѣстъ церковныхъ мзды не имать, и то уложеніе своими руками утвердили. Зри: о семъ есть обстоятельное сего собора описаніе.

Въ 1504 году церковь Архангела въ Чудовѣ святилъ митрополитъ Симонъ и архіепископъ Новогородскій Геннадій. А въ Андроньевѣ монастырѣ заложилъ трапезу каменную архимандритъ Митрофанъ.

Въ томъ же году архіепископъ Геннадій Новгородскій оставилъ свой престолъ, за немощью и неволею. Ибо великій князь и митрополитъ объискали, что онъ въ Новгородѣ съ священниковъ за ставленіе паче перваго мзду бралъ, противъ своего обѣщанія, по совѣту единомысленнаго своего дьяка, а по нынѣшнему, секретаря, Михайла Иванова, сына Алексѣева. И за сіе мздоимство архіепископа съ престола свели въ Москву, въ Чудовъ монастырь, гдѣ, живъ полтретья года, и скончался. А что учинено съ бездѣльнымъ дьякомъ, того не упоминается.

Въ 1505 году былъ соборъ на еретиковъ, по изволенію великаго князя Василія Ивановича. Митрополитъ Симонъ всея Россіи, со епископы и со всемъ священнымъ сословіемъ, еретиковъ, изыскавъ и проклявъ, предали ихъ гражданскому суду; и они казнены: иные сожжены, инымъ языки рѣзаны, — а иные въ заточеніе сосланы. А осуждены были: дьякъ Волкъ Курицынъ, Митя Коноплевъ, Ивашка Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ, между коими были и архимандритъ Юрьевскій Кассіанъ, который сожженъ.

Сія ересь есть отрасль, или продолженіе той Новогородской Стригольниковъ, о коей показано выше, въ 1492 году. Она состояла въ принятіи жидовства, кромѣ обрѣзанія: слѣдовательно, въ опроверженіи всего христіанства. И хотя таковый развратъ никакъ не могъ терпимъ быть, и дѣлалъ всему народу соблазнъ несносный и пагубный; однако, строгое ихъ сужденіе съ духомъ кротости Христовой согласить не можно. Надлежало ихъ удалить и тѣмъ другихъ отъ таковой заразы предохранить, а всѣхъ успокоить. Однако, таковый поступокъ духовенству приписывать пѣтъ причины: ибо таковаго рода наказаніе не отъ духовной, но отъ гражданской власти завпсѣло. А гражданская власть по благоразумію смотрѣть обязуется на происходящій изъ того соблазнъ и на свойства народа.

Въ томъ же году разобрали въ Москвѣ Архангельскую старую церковь, что нынѣ Архангельскій соборъ, построенную великимъ кня-

земъ Иваномъ Даниловичемъ, и заложили новую, выпувъ гробы великихъ князей и удѣльныхъ.

Въ 1506 году, по иныхъ въ 1505 году, а по иныхъ позже, великій князь Иванъ Васильевичъ женилъ сына своего, Василія Ивановича, взявъ за него дочь Юрія Константиновича Сабурова, Соломаниду; и вѣнчанъ преосвященнымъ митрополитомъ Симономъ въ Москвѣ, въ соборной Успенской церкви.

Въ томъ же году преставился великій князь Иванъ Васильевичъ, государь всея Россіи, и погребенъ въ новой Архангельской церкви, которую заложилъ при своемъ животѣ. Былъ сей государь честолюбивъ и строгъ, но благоразуменъ и, по нынѣшнему говоря, искусный политикъ. Былъ при томъ набоженъ, ревновалъ по вѣрѣ, устроеніемъ многихъ церквей, истребляя ереси, а паче защищая православныхъ въ польскомъ владѣніи отъ гоненія папистовъ, чрезъ что не мало отъ Литвы пріобрѣлъ, когда многіе князи, избѣгая гоненія за вѣру, къ нему съ своими городами и владѣніями приложились. Онъ первый совершенно свергъ съ Россіи иго татарское, да и самъ уже татарамъ въ Казань царей поставлялъ; удѣльныя княженія почти всѣ подъ едину свою державу покорилъ, а чрезъ то первый основалъ величіе Россійской Имперіи.

ГЛАВА XLVI.

На великое княженіе всея Россіи взошелъ сынъ его, великій князь Василій Ивановичъ. При семъ не только примѣчанія, но и удивленія достойно, что великій князь, взошедъ на престолъ самодержавія всея Россіи, не положилъ совершить духовный обрядъ вѣнчанія, или коронованія, особливо, что онъ самъ и зналъ, и видѣлъ, какъ былъ вѣнчанъ отъ отца его внукъ, а его племянникъ Димитрій. И какъ ему о томъ не предложилъ митрополитъ и духовные? Лѣтописцы о семъ молчатъ, и чтобы онъ былъ вѣнчанъ, нигдѣ не помнаютъ,—каковаго важнаго дѣйствія Лѣтописцы никакъ не оставили бы безъ описанія, такъ какъ они описали вѣнчаніе великаго князя Димитрія весьма обстоятельно.

Въ томъ же году татарскій царевичъ Кудайкулъ, Абраимовъ сынъ, восхотѣ креститися и нашу вѣру воспріять, и, по изволенію великаго князя и митрополита Симона, онъ крещенъ архимандритомъ Спасскимъ Аѳанасіемъ у тайника, на Москвѣ рѣкѣ, декабря 21 дня, въ присутствіи великаго князя и братій его и бояръ, и нареченъ Петромъ. Въ томъ же году за сего царевича великій князь выдалъ свою сестру, великую княжну Евдокію: вѣнчаны они тѣмъ же архимандритомъ въ со-

борной Успенской церкви; сей царевичъ Петръ погребенъ въ Ростовѣ въ монастырѣ и исчитается за святаго.

Въ томъ же году преосвященнымъ митрополитомъ Симономъ произведенъ во архіепископа Новгороду и Пскову Серапіонъ, игуменъ Троицы Сергіева монастыря; и въ Ростовъ во архіепископа же Вассіанъ, архимандритъ Симоновскій.

А въ 1506 году поставленъ въ Коломну Митрофанъ, архимандритъ Авдроньевскій.

Въ 1507 году перенесены гробы въ новоустроенный Архангельскій соборъ, и положены такимъ порядкомъ, какимъ нынѣ въ той церкви видимы; а кто—гдѣ, тому на всякомъ гробѣ есть надпись на дщицѣ мѣдной.

Въ томъ же году преосвященнымъ Симономъ поставленъ на Крутицѣ Сарскимъ и Подонскимъ епископомъ Досиѳей.

Скончались епископъ Суздальскій Нифонтъ въ Москвѣ, но погребенъ онъ въ Суздали, и епископъ Тверскій Вассіанъ.

Въ томъ же году великій князь велѣлъ украсить Благовѣщенскій соборъ, что у него на дворѣ, стѣннымъ писаніемъ на золотѣ и другою богатою утварью, и верхъ церковный покрыть и позолотить.

Въ 1508 году новоустроенная въ Москвѣ церковь Архангела, что нынѣ Архангельскій соборъ, освящена преосвященнымъ митрополитомъ Симономъ всея Россіи.

Въ томъ же году скончался въ нуждѣ и въ тюрьмѣ великій князь Димитрій Ивановичъ, что былъ столь славно вѣнчанъ на великое княженіе дѣдомъ своимъ.

Въ томъ же году поставленъ во епископа въ Суздаль Симеонъ, архимандритъ Андроньевскій, а въ Тверь во епископа—Нилъ, игуменъ Богоявленскій: оба—пресвященнымъ митрополитомъ Симономъ.

Въ 1509 году ѣздилъ великій князь въ Новгородъ, а оттуда въ Псковъ; а съ нимъ, кромѣ бояръ, былъ Коломенскій епископъ Митрофанъ, да Симоновскій архимандритъ Варлаамъ. Будучи въ Псковѣ, досель бывшее правленіе народное, какъ республиканское, великій князь уничтожилъ, и вѣчевой ихъ колоколъ взявъ отвезъ въ Москву, и многихъ знаменитыхъ людей изъ Псковитянъ въ Москву отвелъ, а на ихъ мѣста перевелъ изъ Москвы; и во всемъ такъ учредилъ, какъ въ Новгородѣ отецъ его.

Псковитяне сею для нихъ печальною перемѣною столь были поражены, что Лѣтописецъ изображаетъ скорбь ихъ сими словами: „о славнѣйшій во градѣхъ великій Псковe! почто сѣтуеши, почто плачеши?“ и градъ отвѣчаетъ: „како мнѣ не сѣтовати, како ми не плакати? прилетѣлъ на мене многокрылый орелъ, полны крылѣ его когтей, и взя

отъ мене кедры ливановы, попустившу Богу за грѣхи наши, и проч.". Однако, великій князь заслуживаетъ похвалу и любовь, что таковую важную перемѣну учинилъ безъ всякаго кровопролитія, благоразуміемъ и скромностію, не употребивъ такой строгости, каковую произвелъ отецъ его, въ подобномъ случаѣ, въ Новгородѣ.

За годъ предъ симъ была распря между игуменомъ Іосифомъ Волоколамскимъ и Серапіономъ, архіепископомъ Новогородскимъ. Былъ Волокъ Ламскъ, а потому и монастырь Іосифовъ подъ вѣдомствомъ Новогородскаго архіепископа. Просилъ Іосифъ, чтобы великій князь взялъ монастырь подъ свое охраненіе и покровительство; а потому, чтобы ему быть подъ управленіемъ Московскаго митрополита. Великій князь, съ согласія митрополита Симона и соборнаго со епископы разсужденія, положили—взять тотъ монастырь подъ вѣдомство Московское. Услышавъ сіе, архіепископъ Новогородскій Серапіонъ, призналъ, что сіе учинено для него и для его паствы съ обидою, и что тѣмъ нарушены предѣлы епархіи, древностію хранимые и утвержденные.

И потому архіеп. Серапіонъ игумена Іосифа съ братіею лишилъ своего благословенія и подвергъ ихъ отлученію, написавъ о томъ грамату, въ коей нѣсколько коснулся и великаго князя, что онъ входитъ въ дѣло, ему не подобающее. Великій князь, бывъ симъ тронутъ, требовалъ отъ митрополита, чтобы архіепископа позвалъ къ себѣ на судъ. Серапіонъ, явившійся предъ судъ митрополита и собранныхъ архіепископовъ и епископовъ, по разсмотрѣніи, былъ осужденъ, яко противникъ власти, и по лишеніи епархіи отосланъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ былъ игуменомъ, гдѣ и скончался, и почитается во святыхъ.

Въ 1510 году, а по иныхъ въ 1511 году, скончался митрополитъ всероссійскій Симонъ, и предъ кончиною, по совѣту великаго князя, простился съ Серапіономъ, архіепископомъ Новогородскимъ: ибо Серапіонъ всегда за него скорбѣлъ, а въ другихъ запискахъ есть, что митрополитъ примирилъ ихъ и съ Іосифомъ Волоколамскимъ. И тако скончався, митрополитъ погребенъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

ГЛАВА XLVII.

Въ тотъ же годъ, въ 1511, на его мѣсто нареченъ и произведенъ въ митрополита всея Россіи Варлаамъ, архимандритъ Симоновскій; а на поставленіи его были: Вассіанъ архіепископъ Ростовскій, Симеонъ Суздальскій, Протасій Рязанскій, Нилъ Тверскій, Митрофанъ Коломенскій, Дороѳей Крутицкій; Пермскій Никонъ прислалъ грамату единосовѣтную, а въ Новгородѣ еще архіепископа не было. А было ли сему митрополиту соборное избраніе, того Лѣтописцы не упоминаютъ.

Въ 1512 году, сестра великаго князя, королева, супруга Александра Литовскаго, скончалась за стражею и въ нуждѣ. Видно, пострадала за вѣру отъ папистовъ угодница Божія!

Въ 1514, или 1515 году великій князь взялъ Смоленскъ городъ, и всѣ граждане обрадовались, что изъ латинства перешли къ православному и единовѣрному государю; въ томъ числѣ былъ и епископъ Смоленскій Варсонофій. Но послѣ сей епископъ началъ склонять къ польскому королю, и когда это было узнано, онъ пойманъ и сосланъ въ Москву. А на его мѣсто по соборному разсужденію избранъ и поставленъ во епископа въ Смоленскъ Іосифъ, архимандритъ Чудовскій, преосвященнымъ митрополитомъ Варлаамомъ всея Россіи, со всемъ соборомъ Русской митрополіи, и отправленъ въ Смоленскъ.

Въ томъ году скончался архіепископъ Ростовскій Вассіанъ въ Москвѣ, на Дорогомиловѣ; а погребенъ въ Ростовѣ.

Въ 1515 году скончался Сераніонъ, бывшій въ Новѣгородѣ архіепископомъ, и погребенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, гдѣ гробъ его благочестиво чествуется.

Въ 1516 году, по избранію соборному и по изволенію великаго князя, поставлены митрополитомъ Варлаамомъ: во епископа въ Суздаль Геннадій, бывшій архимандритъ Рождественскій, изъ Владиміра; а на Рязань во епископа Сергій, архимандритъ Андроньевскій.

Въ 1518 году были изъ Греціи Григорій митрополитъ, и изъ монастырей Аѳонской горы Ватопецкаго, Пантелеймонскаго Русскаго, Ксиропотамскаго. И великій князь ихъ милостиво принялъ, всѣхъ довольствовалъ и въ Чудовѣ монастырѣ жить опредѣлилъ, и съ довольною милостынею отпустилъ. Такъ же и митрополитъ Варлаамъ ихъ принималъ со всякою ласкою и благосклонностію, и часто съ ними о полезномъ бесѣдовалъ.

И сей митрополитъ греческій Григорій былъ вмѣстѣ съ митрополитомъ всероссійскимъ Варлаамомъ на погребеніи великаго князя Симеона Ивановича, брата великаго князя Василія Ивановича. А въ слѣдующій годъ приходили монахи изъ Синайской горы; и также были приняты милостиво и много удовольствованы.

Въ томъ же году Митрофанъ, епископъ Коломенскій, оставилъ свою епархію по болѣзни.

А въ 1519 году разобрали старую церковь въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, и заложили новую, повелѣніемъ великаго князя.

Въ 1520 году, преосвященнымъ Варлаамомъ, митрополитомъ всея Россіи, поставлены: въ Ростовъ во архіепископа Іоаннъ, архимандритъ Симоновскій; на Коломну во епископа Угрѣшскій игуменъ Тихонъ; на Вологду и въ Пермь во епископа игуменъ Соловецкій Пименъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ. Изданія годъ 29-й.

Старѣйшій и самый распростран. изъ частныхъ органовъ русской сел.-хоз. прессы

(Подписной годъ считается съ 1 ноября 1913 г. по 1 ноября 1914 г.)

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТР. ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА и ДОМОВОДСТВА.

Издатель П. П. СОЙКИНЪ. Редакторъ П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ.

52 №№ ЖУРН., въ которыхъ ежегодно помѣщается около **3.000** практически-полезныхъ, удобопонятныхъ статей и отвѣтовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Особое вниманіе обращается на сезонность статей. Въ каждомъ №-рѣ отдѣлъ

—„НОВОЕ ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ“ —

12 КНИГЪ ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО 800 страницъ большого формата.

Въ этихъ книгахъ будетъ помѣщено около **500** практическихъ статей по всѣмъ отраслямъ мелкаго хозяйства, цѣль которыхъ научить, какъ съ хуторскихъ участковъ получать высокіе доходы.

12 КНИГЪ Библіотека Сельскаго Хозяина съ рисунками и чертежами.

1) **Основныя правила раціональнаго пчеловожденія.** *Н. Шаврова.* 2) **Корчеваніе и раздѣлка пустошей въ сел. хоз. угодья.** *І. Щекотова.* 3) **Набивка чучелъ изъ птицъ и животныхъ.** *М. Слюсарева.* 4) **Выборъ молочной коровы, кормленіе и уходъ за нею.** Проф. *И. П. Попова.* 5) **Навозъ.** Выгоднѣйшіе способы храненія и удобренія полей. *М. Глухова.* 6) **Устройство цвѣтниковъ и клумбъ.** *А. Смирновскаго.* 7) **Выращиваніе жеребятъ.** Кн. *С. Урусова.* 8) **Какъ увеличить количество кормовъ въ небольшомъ хозяйствѣ.** *Вл. Никольскаго.* 9) **Раціональное кормленіе и откормъ птицы.** *Г. Г. Бѣдунковича.* 10) **Насажденіе новаго плодоваго сада.** *П. Андреева.* 11) **Какъ выгоднѣе выращивать телятъ въ своемъ хозяйствѣ на племя и на мясо.** *А. Щербинина.* 12) **Посѣвъ и посадка сельско-хозяйственныхъ растеній.** *Н. К. Васильева.*

6 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ:

Всѣ руководства богато иллюстрированы.

1) **СЫРОСТЬ И ХОЛОДЪ** въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ и мѣры къ ихъ устраненію. Составилъ *А. И. Тилинскій.*
2) **ВЫРАЩИВАНІЕ РѢДКИХЪ ПОРОДЪ ПТИЦЫ** (фазаны, лебеди, цесарки, куропатки, перепела, декорат. гуси и утки и друг.). Составилъ *баронъ П. П. фонъ-Винклеръ.*
3) **КУКУРУЗА И СОРГО.** Полное практич. руководство къ культурѣ ихъ *Д. В. Ѳедорова.*
4) **ПЛОДОВОЕ И ЯГОДНОЕ ВИНОДѢЛІЕ** домашнимъ и мелкимъ фабричнымъ способами. Составилъ *Н. Д. Ѳедорова.*
5) **ОРУДІЯ И МАШИНЫ ДЛЯ КАРТОФЕЛЬНЫХЪ КУЛЬТУРЪ.** *К. И. Дебу.*
6) **ОГОРОДНИЧЕСТВО ВЪ ЗАЩИЩЕН. ГРУНТУ** (культура овощныхъ растеній въ парникахъ, въ теплицахъ, на паровыхъ грядахъ, въ разсадникахъ). *М. В. Рытова.*

6 КНИГЪ ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ Подъ редакціей *Д-ра Б. А. Окса.*

Главные отдѣлы этого приложенія: **Болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей.**

КРОМѢ ТОГО, будетъ данъ **РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ** въ краскахъ

«МОТИВЫ ВНУТРЕННЕЙ ОТДѢЛКИ КОМНАТЪ».

Чертежи и рисунки отдѣлки потолковъ, стѣнъ, дверей, половъ, арокъ и т. п. Сост. *Вл. Стори.*

КАЛЕНДАРЬ „СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА“ на 1914 г.

въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ особымъ, богато иллюстрированнымъ, приложеніемъ

«КАКЪ ПРІОБРѢСТИ ЗЕМЛЮ И ПОСТРОИТЬ УСАДЬБУ НА НОВОМЪ МѢСТѢ».

СѢМЕНА-НОВИНКИ ПОЛЕВЫХЪ И ОГОРОДНЫХЪ РАСТЕНІЙ.

БЕЗПЛАТНО ОТВѢТЫ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журналъ „Сельскій Хозяинъ“ со всѣми приложеніями на годъ: съ дост. и перес. по всей Россіи **6** РУБ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 рубля и къ 1 мая 3 рубля.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, соб. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г. (29-й г. изданія).

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Духовно-литературный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Издается съ 1885 года. ПРОБНЫЙ № БЕЗПЛАТНО. Одобренъ всѣми вѣдомствами.

52 №№ ЖУРНАЛА, въ изящныхъ цвѣтныхъ обложкахъ, до **2.000** ст. текста извѣстныхъ духовн. и свѣтскихъ писателей, свыше **800** иллюстрацій, отражающихъ духовно-нравств. жизнь прошлаго и настоящаго.

Въ теченіе 1914 г., кромѣ 52 №№ журн., г.г. подписчики получатъ безплатно:

12 КНИГЪ Свыше 3.000 ст. большого формата. НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛЪ **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ**

8 КНИГЪ большого формата четкаго шрифта. СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ **СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО**

6 КНИГЪ большого формата крупнаго текста. **ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ** Извѣстное произведеніе ИЛИ ПОСЛѢДНЯЯ УЧАСТЬ ЧЕЛОВѢКА. Е. Тихомірова

Сочиненіе *Е. Тихомірова*, посвященное вопросамъ о загробномъ мірѣ и, будучи дѣйствительно замѣчательнымъ, удостоилось неоднократныхъ лестныхъ отзывовъ печати, разошлось уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ и теперь въ продажѣ не существуетъ.

12 КНИГЪ крупнаго шрифта съ мн. иллюстрац. СОЧИНЕНІЯ ИЗВѢСТН. ДУХОВНАГО ПИСАТЕЛЯ **Е. ПОСЕЛЯНИНА** **СВЯТАЯ ЮНОСТЬ** (разсказы о свят. дѣтяхъ и о дѣтствѣ и отрочествѣ свят.)

Сверхъ сего, за доплату 1 рубля, г.г. подписчики могутъ получать:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ**

Главные отдѣлы этого приложенія: Болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы г. г. подписчиковъ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ ЖУРНАЛУ РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

ежемѣсячный духовно-литературный журналъ.

Это новое наше приложеніе ставитъ своей цѣлью—1) представить читателямъ, въ интересной художественной формѣ, великія и малыя событія дней минувшихъ, 2) напомнить имъ лучшіе завѣты «лѣтъ древнихъ» и 3) провести предъ ними, въ живыхъ впечатлѣніяхъ современниковъ, рядъ лицъ духовнаго и свѣтскаго міра, которыми «крѣпка Русская земля». Каждая книга журнала «Историческая Лѣтопись» будетъ выходить въ началѣ мѣсяца художественно отпечатанной и заключать въ себѣ массу увлекательнаго матеріала по самой разнообразной программѣ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ ЖУРНАЛУ РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ СВЯТАЯ ЮНОСТЬ

(разсказы о святыхъ дѣтяхъ и о дѣтствѣ и отрочествѣ святыхъ)

Въ этихъ сочиненіяхъ ярко и живо нарисованы полные высокой христіанской поэзіи облики святыхъ, пламенѣвшихъ духомъ еще въ юности, отмѣченныхъ перстомъ Божіимъ еще въ дѣтствѣ. Въ наше время вѣрующіе озабочены вопросомъ о воспитаніи вѣры въ своихъ дѣтяхъ. На помощь и приходимъ мы, давая сочиненія извѣстнаго всей благочестивой читающей Руси духовнаго писателя *Е. Поселянина*, въ которыхъ авторъ старается привязать дѣтей къ свѣтлому міру святыхъ и вызвать подражаніе имъ. Книга эта явится настольной въ каждой семьѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» со всѣми приложеніями безъ дост. въ СПБ. 5 руб. Съ дост. и перес. по всей Россіи **6 РУБ.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальныя.

Редакторъ Е. А. Поповицкій. **Главная контора и редакція: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. д.** Издатель П. П. Сойкинъ.

Тип. П. П. Сойкина.